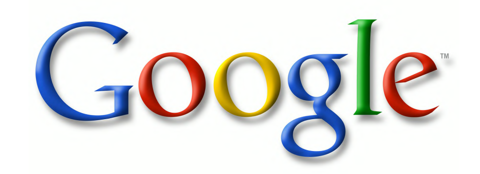
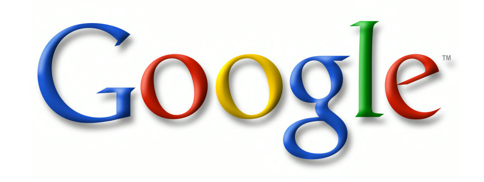
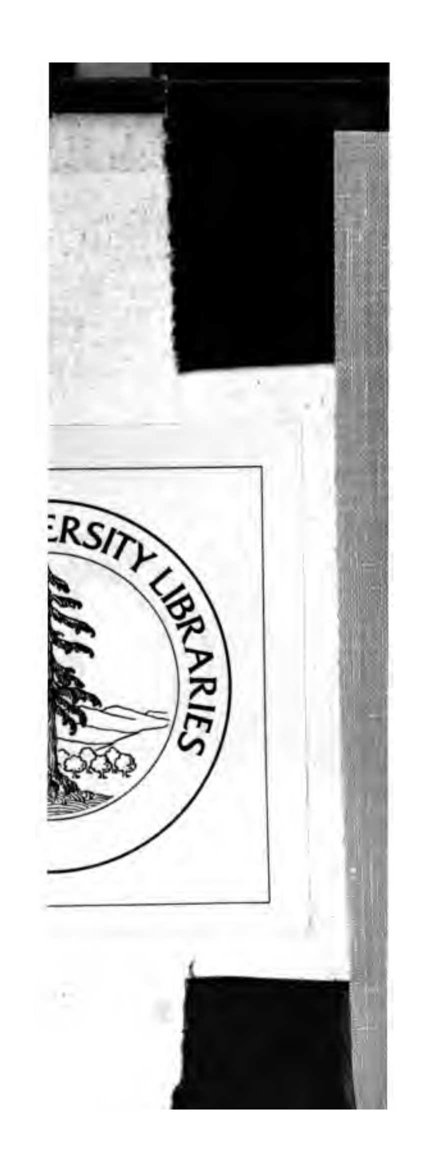

ERSITY LIBRARIES

...къ Стихотвореній

из ъ

...кихъ поэтовъ

...ь двухъ томахъ

Томъ I

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

...нязя Владиміра Петровича Мещерскаго.

1881

щественная Польза», бол. подъяч. № 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мнѣ пришла въ голову мысль, можетъ быть ıаивная, но показалась она мнѣ хорошою: издать Сборникъ *лучшихъ стихотвореній*, карманный, ю возможности тщательно, изящно и *дешево*. И ютъ посвятивъ все лѣто этому труду, пускаю ›ный въ свѣтъ. Я имѣю въ виду главнымъ обра юмъ молодежь. Кажется мнѣ, она любитъ стихи, и / каждаго юнаго сердца есть любимый поэтъ, лю ›имые стихи. Думаю тоже, что въ каждой молодой ɪушѣ бываютъ минуты, когда особенно сильно ɪочется именно читать стихи; иногда даже просто /йти куда нибудь подальше отъ людей, хотя бы ɜъ лѣсъ, и тамъ почитать любимаго поэта. Но ıюбимаго поэта не всегда достать легко; или надо купить его, а купить—дорого; или искать его, и ıе найдешь пожалуй; или тащить съ собою боль ıую книгу, *что весьма неудобно*. *Всѣ* эти мысли

ли меня выбрать для моего изданія такой гъ, чтобы можно было оба тома носить въ ѣ, и слѣдовательно всегда имѣть подъ ру- ѣну я назначилъ *1 р. 50 коп.* за 2 тома. аю, что вещь придумалъ хорошую, а тамъ

Издатель.

тавленіи сборника я придерживался по- онологическаго.

борѣ произведеній я руководствовался обственнымъ вкусомъ, и авторитетными и *Н. Гербеля* и *Н. Щербины.*

какъ *Пушкинъ* и *Лермонтовъ* я по- хотворенія по годамъ, дабы читатель аслажденія: одно: читать Пушкина и а другое: слѣдить за развитіемъ въ

этовъ, крупныхъ по таланту, но мало омѣстилъ нарочно много стихотво- ратынскаго, Тютчева. Красова и др.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

стр.

стр.

ГАВРІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ.

Родился 1743 года, скончался 1816 года.

ИЗЪ ОДЫ:

БОГЪ.

О, ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ
Кого мы называемъ—Богъ!

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,

Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Единъ мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ —
Въ Твоихъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

оса бытность довремену
безднѣ Ты вѣчности воззвалъ,
чность прежде вѣкъ рожденну,
себѣ Самомъ Ты основалъ.
Собою составляя,
изъ Себя сіяя,
гъ, откуда свѣтъ истекъ,
й все единымъ словомъ,
ены простираясь новомъ,
, Ты есть, Ты будешь ввѣкъ!

существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
нь и живишь,
началомъ сопрягаешь,
животъ даришь.
сыплются, стремятся,
атъ Тебя родятся;
ый, ясный день, зимой,
сверкаютъ,
ются, сіяютъ,
безднахъ подъ Тобой.

ожженныхъ милліоны
мости текутъ;
рятъ законы,
форящи льютъ.
ы сіи лампады,
лыхъ кристалей громады,
лнъ златыхъ кипящій сонмъ,
рящіе эфиры,
упѣ всѣ свѣтящи міры—
дъ тобой, какъ нощь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенна,
л твердь передъ Тобой сія,
ло что̀ мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ,
Міры умножа милліономъ,
Стократъ другихъ міровъ—и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.

Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ты есть—природы чинъ вѣщаетъ;

Гласитъ мое мнѣ сердце тò;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есть—и я ужъ не ничто!

Я—связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я—крайня степень вещества,
Я—средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь—я рабъ,—я червь—я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшолъ?—безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Подателъ,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило,
Мое безсмертно бытіе:
Чтобъ духъ мой въ смертность облачил(
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твое!

Неизъяснимый, Непостижимый!
Я знаю, что души моей

Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться,
И благодарны слезы лить.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возсталъ Всевышній Богъ—да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ», рекъ, «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

«Вашъ долгъ есть: охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

«Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ».

Не внемлютъ! видятъ—и не знаютъ!
Покрыты мракомъ очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И такъ-же смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Прійди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли!

ИЗЪ ОДЫ:

НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;

Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ.... и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ—
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ-жъ онъ? Онъ тамъ! Гдѣ тамъ? Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики—
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

Глядитъ на всѣхъ,—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,

Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И.... точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы—гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня—богъ, а завтра—прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли—
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ...

ЧЕЛОВѢКЪ.

Изъ нѣдръ глубокихъ водъ сребрист
Латоны гордый сынъ грядетъ;
Съ власовъ румяныхъ и волнистыхъ
Сафиръ, лазурь и пурпуръ льетъ.
Лучи съ струями водъ смѣшались,
По грозной влагѣ разливались;
Блестятъ, какъ молніи во мглѣ,
Какъ огнь блистаетъ въ кристалѣ.

Сидя въ молчаніи глубокомъ,
Чело на длань я преклонилъ—
И мыслію, разсудкомъ, окомъ,
Къ непостижимости парилъ;
Отъ ада къ небесамъ взвивался.
Какъ искра въ облакахъ терялся,
Какъ капля въ океанѣ водъ,
Какъ въ вѣчности протекшій годъ.

Природа вся еще дремала,
На лоно сна облокотясь,
Нева едва въ брегахъ мелькала,
Съ журчаньемъ тихимъ въ Бельтъ ліясь;
Струи, какъ вѣтерки клубились,
Въ пучину, не-хотя, стремились,
И въ чистый превратясь хрусталь—
Горятъ, какъ въ яркомъ горнѣ сталь.

Путемъ, лазурью покровеннымъ,
Фебъ гордый выше восходилъ;
Перстомъ румянымъ, позлащеннымъ
Небесны своды золотилъ;
Лучи въ окно ко мнѣ мелькали,
Огни на люстрѣ рисовали—
Тамъ яхонтъ, пурпуръ, тамъ коралъ,
И блескъ мгновенно исчезалъ.

Песчинка малая въ пучинѣ,
Гигантъ и карликъ-человѣкъ,
Воззри—и въ сей найдешь картинѣ
Свой краткій, преходящій вѣкъ:
Какъ солнце утромъ ты сіяешь,
Какъ тѣнь съ зарею исчезаешь;
Ты живъ, коль огнь свой свѣтъ ліетъ;
Ты мертвъ, когда перестаетъ!

Ты строишь, рушишь, созидаешь,
Какъ Богъ, всемощною рукой;
Міры десницей потрясаешь,
Громами правишь, тишиной;
Ты мыслью бездны проникаешь,
Ты персть, и съ перстью истлѣваешь;
Паришь подъ землю, къ солнцу, въ адъ—
Ты прахъ, ты мощный Энкеладъ!

Ты силою воображенья
Постигъ теченіе планетъ,
Исчислилъ мѣру ихъ движенья,
Обнялъ ихъ свойства, мракъ и свѣтъ...

ИЗЪ ОДЫ «ВЕЛЬМОЖА».

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь муза прославляетъ.

Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали,
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ—
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы безъ благости душевной
Не всѣ-ль, вельможи, таковы?

Не перлы персκія на васъ
И не бразильски звѣзды ясны:

Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Они суть, смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ
Онъ только хлопаетъ ушами,
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ—
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ—
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ *)
Въ мароккскихъ лентахъ и звѣздахъ...

*) Купецъ Чупятовъ, для избѣжанія преслѣдованія ...нкротство, представился помѣшаннымъ, увѣряя, ... рокская принцесса въ него влюблена и подарила ... сколько лентъ и звѣздъ.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла-бъ умъ надменный—
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстми владѣю;
Бояринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно.
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть—польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На толь, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ.

На то-ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приносить дани,
Токай—густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

А тамъ—израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межь челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужь часъ.

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ—на лѣстничный восходъ

Прибрелъ на костыляхъ согбенный
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ, гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися сибаритъ!—ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь,
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки.
Лишь вѣтромъ плыть, гнестъ чернь ярмомъ.
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!»
Злодѣй! Увы—и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,

Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу.
Наслѣднымъ перломъ жонъ, дѣтей,
Въ единодушіи—блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу—во уздѣ страстей.
Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи—здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужого не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ.
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ-же сама.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчі
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечі
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ, весь я не умру; но часть меня болы
Отъ тѣла убѣжавъ, по смерти станетъ жить.
И слава возрастетъ моя не увядая,
Доколь славяновъ родъ вселенна будетъ чтиті

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до
Чорныхъ
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчот-
ныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ —
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ
слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сиренной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О, Муза! возгордись заслугой справедливой,
И, презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ ДЕРЖАВИНА.

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства, и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ.

Родился 1760 года; скончался 1837 года.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужь прошл
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышим
Уже-ли выдалъ Фебъ свой имянной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равны
И столько-жъ, какъ они, во пѣснопѣньи сл
нымъ
Какъ думаешь?.. Вчера случилось мнѣ сличат
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читат
Листочекъ, много три, а любо какъ читаешь·
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто-бы летае

Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ-бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужь весь приложитъ разумъ свой!
Ужь прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ, и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу—
Гдѣ было, какъ, когда,—короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!.. а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому;
Тутъ сыщешь то, чего бъ нехитрому уму

Не выдумать и ввѣкъ: «зари багряны персты
И «райскій кринъ» и «Фебъ» и «небеса отверс:
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ
Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной просто
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ дол:
Но къ счастью—ежели назвать то счастьемъ мо:
Чтобъ слышать о себѣ ужасный приговоръ,—
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разгово
«На это», онъ сказалъ, «есть многія причин
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторыя вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, Поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы утѣшенъ также мало;
Однако жъ здѣсь въ Москвѣ толкался я быва
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣч:
Большая часть изъ нихъ: лейбъ-гвардіи капр:
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходя
Уродовъ стражъ,—народъ все нужный, дожн
нoi
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать
успѣет

Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, тамъ къ Ліону, *)
А тутъ и ночь... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На завтра лишь глаза откроетъ—ужь билетъ!
На пробу въъ пять часовъ... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю.
До оды-ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ Кролю, **)
Потомъ опять домой. Здѣсь, холься да рядись;
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!
Къ тому-жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая.
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ—онъ бралъ не съ высока:
Въ вѣкахъ—безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,

*) Петербургскій портной.
**) Бывшій содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскарадовъ.

Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцослова,
Иль похвала своихъ пріятелей; а имъ
Печатный всякой листъ быть кажется свять
Судя-жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ ві
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкус
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе-же они, вамъ не могу сказать
А только объявлю—и право не солгу—
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворите
Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель
И книжный магазинъ и лавочки полны:
«Мы съ риѳмами на свѣтъ» онъ мыслилъ «
дені
Такъ не смѣшно-ли намъ, поэтамъ, согласи
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ,
битьс
Читать да думать все, и то, что вздумалъ са
Разсказывать однимъ шумящимъ лишь волна
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ в
щень

---

*) П. Б. журналы.

Науки будутъ все пауки, а не даръ;
Потребный-же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ».
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть на-
родu,
Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: «Ода!»
Потомъ въ одинъ присѣстъ: «Такого дня и года!»
Тутъ какъ?... «Пою!» Иль нѣтъ, ужь это ста-
рина:
Не лучше-ль: «Даждь мнѣ, Фебъ!..» Иль такъ:
«Не ты одна.
Подпала подъ пяту, о чалмоносна Порта!»
Но что-же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ
чорта?
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу.
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ:
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ
Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ, а съ
новымъ
Не ловко что-то все—да просто напишу:

«Ликуй, Герой! ликуй, Герой ты!» возглашу.
Изрядно.—Тутъ же что? Тутъ надобенъ востор
Скажу: «Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣт
И то, и то... «А тамъ?... извѣстно: «многи лѣта
Брависсимо! и планъ и мысли, все ужь есть!
Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть,
Да только написать, да и печатать смѣло!
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣл
И оду ужь его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужь его намъ ваксу продаютъ!
Вотъ какъ пиндарилъ онъ, и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рек
«Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не поэтъ!»
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, нич
жилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Мар
ожилъ,
Товарищи! къ столу, за перья! Отомстимъ,
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ Н. М. КАРАМЗИНУ.

Притворства и въ стихахъ казать я не хочу:
Поется мнѣ, пою; не весело, молчу,
И слушаю другихъ, иль взявши посохъ въ руку,
Въ поляхъ и по горамъ разсѣяваю скуку:
Разнообразности природы тамъ дивлюсь,
И сколки слабые съ нее снимать учусь.
Какъ волжанинъ, люблю близь водъ искать про-
хлады,
Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи водопады:
Люблю и озера спокойный, гладкій видъ,
Когда его стекло вечерній лучь златитъ.
А временемъ идя—куда, и самъ не зная—
Чрезъ холмы, чрезъ лѣса, не видя сѣнямъ края,
Подъ сводомъ зелени, вдругъ на свѣтъ выхожу,
И новую для глазъ картину нахожу:
Открытыя поля подъ золотою нивой!
Вездѣ блестятъ серпы въ рукѣ трудолюбивой!
Какой пріятный шумъ! Какая пестрота!
Здѣсь взрослый, тутъ старикъ, съ нимъ рядомъ
красота;
Кто жнетъ, кто вяжетъ снопъ, кто подбираетъ
классы:
А дѣти между тѣмъ, амуры свѣтловласы,
Украдкой по снопу, играючи берутъ,
Кряхтятъ подъ ношею, другъ друга ею прутъ,

Валяются, встаютъ, и усмотря цвѣточек
Всѣ врознь къ нему летятъ, какъ майск
ро
Ахъ! Я и самъ готовъ за ними вслѣдъ ле
Уже не долго мнѣ и на цвѣты смотрѣть:
Уже я съ каждымъ днемъ чего нибудь лиш
Иду подъ тѣнь кустовъ,—ступлю, и возвра
Съ поникшей головой: тамъ нѣтъ ужь соло
Сегодня у пруда остановился я:
И ласточки надъ нимъ кружилися, вилися,
И сѣры облаки по небесамъ неслися.
Ахъ! скоро, милый другъ; неистовый Эолъ
Помчится на крылахъ шумящихъ съ горъ на д
Завоетъ, закрутитъ, кусты къ землѣ приклон
Свинцовые валы на озеро нагонитъ,
Въ пещерахъ зареветъ, и засвиститъ въ дупл
И съ воздухомъ смѣситъ и листвія и прахъ:
День, два, и можетъ быть, цвѣточка не заст
День, два, и можетъ быть... какъ знать?... И
увян

ПѢСНИ.

I.

Стонетъ сизый голубочикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;

Миленькой его дружочикъ
Отлетѣлъ на долго прочь.

Онъ ужь болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ,
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... Увы! но тщетно,
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ... на вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла
Пріунывъ издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка.

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ—

Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ!

II.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе
Вся какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла—
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужь стала:
Аромата нѣтъ!...

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы! опасенъ
Для красы порокъ!

КНЯЗЬ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Родился въ 1764 г., скончался въ 1824 г.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

ЗАВѢЩАНІЕ.

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
На мѣстѣ семъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ.
Тогда со всѣхъ сторонъ вселенной,
На страшный судъ нелицемѣрной
Стекутся люди всякихъ вѣръ:
Цари смѣшаются съ рабами,
Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжой столкнется изувѣръ.

Въ пространномъ царствѣ всей природы
Ударитъ вѣчной жизни часъ;
Увидимъ разные народы,
Колико не было до насъ,

И тѣхъ въ которыхъ мы живали,
И коихъ вовсе не знавали,
Потомковъ тьмы явятся тутъ.
Сердецъ познаются движенья,
Умовъ сокрыты помышленья
Тогда въ явленіе придутъ.

Всѣхъ вѣръ изыщется начало;
Какъ пчелы секты зашумятъ;
Соблазновъ ядовито жало
Стрѣлами правды притупятъ.
Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гр
Лежалъ до толь въ земной утробѣ,
И былъ ли онъ парчей одѣтъ?
Съ пальбой ли въ землю опустили,
Иль просто въ саванѣ свалили?
Вопросъ: какъ жилъ?—давай отвѣтъ

И я, проснувшись на кладбищѣ,
Что подъ Филями за Москвой,
Предстану также на судище,
Гдѣ станетъ земнородныхъ строй;
Съ друзьями тамъ соединюся,
Съ отцомъ, съ сестрой, съ дѣтьми с
И вѣрю, Богомъ духъ плѣня,
Что радости сея священной,
Ни съ чѣмъ на свѣтѣ не сравненной
Никто не возьметъ отъ меня.

О вы, друзья мои любезны,
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполезны:
Онѣ души не скрасятъ злой.
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ,
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте съ чѣмъ ни схоронится,
Земля все въ землю обратится:
Сіе равенство природныхъ правъ!

Молитесь лучше Богу вѣчну,
Созвавъ убогихъ и сиротъ,
Чтобъ Онъ пучину безконечну
Явилъ бы мнѣ Своихъ щедротъ;
Чтобъ онъ врагамъ моимъ прощая,
И клятвы ихъ съ меня слагая,
Въ эдемскій рай мой духъ вселилъ.
Предъ Богомъ словъ не надо много:
Душевный вздохъ къ Нему дорога;
Онъ Самъ ее намъ проложилъ.

Не славьте вы меня стихами:
Они не нужны мертвецамъ.
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,

Въ раю блаженства не прибавятъ:
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ три березы,
Да въ ближнихъ искреннія слезы—
Вотъ монументовъ красота!

ВЗГЛЯДЪ СТАРЦА НА ЗАХОДЯЩЕЕ СО

Красно солнышко садится;
Слышу колоколъ Донской:
Изъ очей слеза струится,
Духъ объемлется тоской!
Скоро, скоро, солнце красно,
Я послѣдую тебѣ:
Окончàвши вѣкъ ненастно,
Заплачу свой долгъ судьбѣ.

Скоро духъ угомонится:
Злые вѣстники пришли,
Подзываютъ спать ложиться
На сыру постель земли.
Жизнь, какъ молнія, сверкнула...
Гдѣ ты, призракъ дорогой?
Буря смертная подула,
Громъ гремитъ: онъ роковой!

Новый мѣсяцъ народился,
Робко смотритъ изъ-за тучъ,
Чистымъ дождикомъ обмылся.
Вижу тотъ-же томный лучъ,
Коимъ прежде вдохновленный,
Счастье юныхъ дней пѣвалъ,
И, восторгомъ увлеченный,
Имъ конца не ожидалъ.

Тотъ-же мѣсяцъ озаряетъ
Садъ и хижину мою;
Тщетно чувства возбуждаетъ:
Геній скрылся—не пою;
Слабымъ перстомъ движу лиру:
Звукъ исчезъ,—кому внимать?
Тщетно кличу я Глафиру:
Отголоска не слыхать.

Жизнь есть рай, когда любовью
Сердце сердцу вѣсть даетъ,—
Пылкій умъ съ горячей кровью
Радость неба въ душу льетъ.
Жизнь есть адъ, когда взаимной
Связи нѣтъ у двухъ сердецъ:
Тутъ природѣ всей противной
Милъ становится конецъ.

Чтó въ картинѣ мнѣ прекрасной
Мірозданія всего;

Безъ любви въ восторгахъ с
Вся вселенна—ничего!
Если должно—но боюся—
Нитку дней моихъ продлить,
Провидѣніе, молюся:
Силу дай всегда любить!

Нѣтъ, сей даръ не возвращае
Царь природы никому;
Въ юну грудь огонь кидаетъ,
Въ сердце старца вноситъ тьму.
Такъ и я въ послѣдни годы
Суетамъ сказавъ «прости»,
Жду отъ узъ земныхъ свободы,
Стоя смерти на пути.

Не минетъ меня лихая:
Гнется выя—серпъ готовъ!
Лютымъ недугомъ страдая,
Вижу гроба близкій кровъ;
Какъ щепа въ рѣкѣ съ волною
Приплываетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекомъ судьбою,
Проплылъ жизнь—и скоро тамъ!

Тамъ, гдѣ всѣ, сливаясь, вѣки
Временамъ кладутъ предѣлъ,

Гдѣ пріемлютъ человѣки
Казнь иль славу здѣшнихъ дѣлъ.
Все по мнѣ пребудетъ тоже:
Паки солнышко взойдетъ....
Другъ придетъ—заглянетъ въ ложе,
Но души ужь не найдетъ.

Онъ почтитъ меня слезами,
Тяжкій вздохъ мнѣ подаритъ,
И нельстивыми устами
Тризну мирну сотворитъ;
Скажетъ: былъ и онъ на свѣтѣ,
Мыслилъ, чувствовалъ, вѣщалъ,
Вѣренъ былъ друзьямъ въ обѣтѣ,
И любилъ—пока дышалъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ КОЗЛОВЪ.

Родился въ 1779 году, скончался въ 1840 го

МОЯ МОЛИТВА.

О Ты, Кого хвалить не смѣю,
Творецъ всего, Создатель мой.
Но Ты, къ Кому я пламенѣю
Моимъ всѣмъ сердцемъ, всей душой;
Кто по Своей небесной волѣ
Грѣхи любовью превозмогъ,
Проникъ страдальцевъ къ бѣдной долѣ,
Какъ другъ и братъ, Отецъ и Богъ!

Кто солнца яркими лучами
Сіяетъ мнѣ въ красѣ денной,
И огнезвѣздными зарями
Всегда горитъ въ тиши ночной;
Крушитель зла, Судья верховный,
Кто насъ спасаетъ отъ сѣтей,
И ставитъ противъ тьмы грѣховной
Всю бездну благости Своей.

Услышь, Христосъ, мое моленье,
Мой духъ Собою озари,
И сердца бурнаго волненье,
Какъ зыбь морскую, усмири!
Прими меня въ Свою обитель:
Я блудный сынъ—Отецъ Ты мой;
И какъ надъ Лазаремъ, Спаситель,
О, прослезися надо мной!

Меня не крестъ мой ужасаетъ:
Страданье вѣрою цвѣтетъ;
Самъ Богъ кресты намъ посылаетъ,
А крестъ нашъ Бога намъ даетъ.
Тебѣ во слѣдъ идти готовый,
Молю, чтобъ духъ мой подкрѣпилъ!
Хочу носить вѣнецъ терновый:
Ты самъ, Христосъ, его носилъ.

Но въ мрачномъ, горестномъ удѣлѣ—
Хоть я безъ ногъ и безъ очей—
Еще горитъ въ убитомъ тѣлѣ
Пожаръ бунтующихъ страстей.
Въ Тебѣ одномъ моя надежда—
Ты радость, свѣтъ и тишина!
Да будетъ брачная одежда
Рабу строптивому дана.

Тревожной совѣсти угрозы,
О милосердый, успокой!
Ты видишь покаянья слезы:
Молю, не вниди въ судъ со мной!
Ты всемогущъ, а я безсильный;
Ты Царь міровъ, а я убогъ;
Безсмертенъ Ты—я прахъ могильный;
Я здѣсь на мигъ—Ты вѣчный Богъ!

О дай, чтобъ вѣрою святою
Разсѣялъ я туманъ страстей,
И чтобъ безоблачной душою
Прощалъ врагамъ, любилъ друзей;
Чтобъ лучъ отрадный упованья
Всегда мнѣ въ сердце проникалъ,
Чтобъ помнилъ я благодѣянья,
Чтобы обиды забывалъ.

И на Тебя я уповаю:
Какъ сладко мнѣ любить Тебя!
Твоей я благости ввѣряю,
Жену, дѣтей, всего себя.
О, искупя невинной кровью
Виновный, грѣшный міръ земной,
Пребудь божественной любовью
Вездѣ, всегда—во мнѣ, со мной!

МОЛИТВА.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
И духъ мой томный обнови!
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви!

Не страшны мнѣ мои страданья:
Они—залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья!

Взгляни на сердца нищету!
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Іоанна чистоту!

Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа!

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,

Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ—
И какъ я съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.
Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ;
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ—
И ужь не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ.

СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

Элегія.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;

Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится... вѣрно мать—
И залилася я слезами.
Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ;
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я бѣдняжка что имѣю на земли?

И колыбели я не знала:
У храма сельскаго когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала,
Покинутая здѣсь далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ.
Скитаюся одна! вездѣ чужіе лицы;

Слыву въ деревнѣ сиротой.
Подружки лѣтъ моихъ, окружныхъ селъ дѣвицы,
Стыдятся звать меня сестрой.
И люди добрые сиротку не пускаютъ:
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;

Со мною бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой.
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю:
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ дѣтей
Отецъ благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.

КОЗЛОВЪ.

тихо тихо въ храмъ святой
ду я съ горькими слезами.
ишь онъ сироткѣ нечужой,
ишь онъ одинъ передо мной
сегда съ отверстыми дверями.

ьсто я ищу на камнѣ роковомъ
(а сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,

ыть можетъ мать моя роняла.
(а она меня въ чужбинѣ оставляла.
ь между кустовъ, въ тѣни березъ густыхъ
спятъ покойники подъ свѣжею травою,

рожу я съ тягостной тоскою;
нѣ плакать не о комъ изъ нихъ—
между мертвыхъ, и живыхъ,
ездѣ, вездѣ я сиротою.
же пятнадцать разъ весна
ь слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ:
вѣтокъ безрадостный, она
гъ непогоды увядаетъ.

ая гдѣ-же ты? Увидимся ль съ тобой?
и! я жду тебя все также сиротою—
е на камнѣ томъ—и все у церкви той,
(ѣ я покинута тобою!

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ.

I.

Большой Владимірской дорогой
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстахъ,
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна».

II.

Она идетъ, и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется.
Уже пылая между тучъ

Зари багровой гаснетъ лучъ;
Уже предъ ночью къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ;
Ея младенецъ полусонной
Озябъ, и плачетъ и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромной,
Подходитъ скоро къ рощѣ темной,
Но чѣмъ-то вдрухъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье,
Ей будто страшно то селенье;
Нейдетъ въ него, нейдетъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ.
О если тамъ!... А мнѣ таиться
«Велитъ судьба... быть можетъ... нѣтъ!
«Кому узнать!... и сколько лѣтъ!
«Забыто все; но вечеръ тмится
«Пора! «И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась;
Потомъ пошла махнувъ рукой,—
И скрылася въ тѣни густой.

III.

За рощей темною въ долинѣ,
При зѣркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село

Красой привѣтною цвѣло;
Высокихъ липъ въ тѣни зеленой
Хоромы барскіе стоятъ;
Они видъ древности хранятъ.
Въ гербѣ подъ графскою короной,
Щитъ красный въ полѣ золотомъ,
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ,
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечь съ копьемъ,
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
Но садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты,
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живетъ наслѣдникъ молодой;
А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины,
И рода знатнаго преданья...
Священный отзывъ старины...

IV.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,

Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами,
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтелъ праведной душою.
Покойный графъ его любилъ.
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной:
Для старца графъ не умиралъ;
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со шведомъ воевалъ,
И послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

V.

Но, полонъ важности старинной,
Святаго старца кротокъ видъ;

На немъ подрясникъ объяринной,
И катауръ широкій шитъ,
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ.
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:
Одинъ монахъ, съ Аѳонскихъ горъ,
Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
Была убога и скромна,
И какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна;
Въ углу, въ серебрянномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ.
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

VI.

Уже готовъ идти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ

Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ
И кто-то на крыльце идетъ
А дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

VII.

«Войди подъ мой убогій кровъ,
Сказалъ онъ ей, «пора ночная.
«Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ,
«И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
«Переночуй, ты съ новымъ днемъ
«Пойдешь опять своимъ путемъ».
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но, и блѣдна и боязлива,
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полу-словами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на темный садъ,

Какъ будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.

VIII.

Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ: и старца въ ней
Дивило все. «Не та осанка,
«Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
«Видна не грубая крестьянка
«Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
«Въ ней горесть тихая пріятна.
«И хоть бѣдна, но какъ опрятна
«Одежда путницы простой!
«На пальцѣ перстень золотой!
«Кудажъ теперь, не въ часъ урочный
«Одна дорогою большой?...
«Ахъ, нѣтъ, какъ ангелъ непорочный
«Она глядитъ, и за нее
«Порукой сердце мнѣ мое!»

IX.

И чувствомъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,

И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить.
Онъ какъ родной ее ласкаетъ,
И веселитъ и начинаетъ
Разсказъ любимой старины;
Но сердце полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній.
И думы грустью стѣснены,
Далеко мрачныя летали,
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?

Путница

«Я, мой отецъ?...

Священникъ.

Твоя тоска,
Повѣрь, къ душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ.

Путница

Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

Священникъ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

Путница

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

Священникъ.

Такъ Богъ велѣлъ; предъ нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся, и молись.
Онъ самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать.
Терпи—въ страданьи благодать!

Путница.

Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ,
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются по неволѣ.

Священникъ.

Не бойся воли дать слезамъ;
Но только слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ,
Сказалъ Господь.

Путница.

О, рѣчь святая!
Отрадна ты.

Священникъ.

И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживетъ!
Твои мой другъ, младые годы
Не разцвѣли отъ непогоды;
Но ты какъ видно рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:
Тебя судьба не баловала,
Къ веселой участи она
Ни чѣмъ тебя не пріучала;
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ...
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ—бояринъ межъ бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо Русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ, въ золотѣ ходилъ,
И что-же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной,
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая...
Суди-жъ дивна-ль судьба твоя?
Она была не ты.

Путница.

Не я!

Священникъ.

Давно отъ насъ она ужъ скрылась;
Но все живетъ въ душѣ моей.
И разскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась,
И на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамотѣ училъ,
И здѣсь куда мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ... ее одну
Печаль такъ рано сокрушила:
Она одна свою весну
Отъ нихъ далеко погубила.
Теперь я вижу есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села
Тиха, задумчива, росла,
Какъ будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу-ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святаго

Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ-ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужаго,
Она отдать готова ей,
Свои сережки изъ ушей.
И сверхъ подарка дорогаго,
Бывало плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ лице твое
Напоминаетъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи темно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе,
Не диво! солнце и морозъ
Ея въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

X.

И дружно путницѣ смятенной
Священникъ руку протянулъ,
И ярко взоръ его блеснулъ,

оспоминаньемъ оживленной.
ъ разсказалъ о той порѣ,
гда ей радость ложно снилась,
И какъ звѣздою при дворѣ
ъ семнадцать лѣтъ она явилась.
гда чинами и красой,
вѣсты царской братъ родной,
оярь надменный Долгорукой;
ъ межъ бояръ и межъ князей
очамъ былъ всѣхъ милѣй.
Съ нимъ бракъ надежною порукой
азался, всѣмъ, что вѣчно ей
Не знать ни слезъ, ни скорбныхъ дней.
Невольно старецъ вздохъ тяжелой
Стѣснилъ, и съ важностью веселой
Завелъ онъ рѣчь про ихъ сговоръ,
Какъ духовенство, пышный дворъ,
Бояръ вельможныхъ посѣтили,
Какъ Царь пріѣхалъ, какъ при немъ
Чету младую обручили,
И какъ восточнымъ жемчугомъ
Невѣсту милую дарили;
Межъ тѣмъ, прелестная, она
Стыдливо съ женихомъ сидѣла
И тихой радости полна,
То улыбалась, то краснѣла;
А, другъ веселости живой,

Кругомъ шелъ кубокъ золотой,
Въ бесѣдѣ шумной и привѣтной,
И щитъ зажегся разноцвѣтной,
И хоръ гремѣлъ, и до утра
Народъ, толпясь, кричалъ: ура!

XI.

И кто-бы, кто подумалъ прежде,
Такъ продолжалъ, вздохнувши, онъ,
Что радость измѣнитъ надеждѣ,
Что счастье ихъ минутный сонъ!
Неумолимая гробница
Схватила юнаго Царя
Отъ двухъ вѣнцевъ, отъ алтаря;
Напрасно блещетъ багряница
И ждетъ княжна: всему конецъ!...
Женихъ и Царь уже мертвецъ!
Затмились вдругъ мечты златыя,
И Долгорукаго семья
Погибла съ нимъ; чины, друзья
Исчезли; степи ледяныя,
Изгнанья горестный предѣлъ,
Любимца падшаго удѣлъ;
Но, жизни узнавая цѣну,
Когда во всѣхъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осталася вѣрна;
Его подругою душою

ъ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
жила; но и съ женою
разлученъ...

Путница

И слуха нѣтъ
О немъ?

Священникъ.

Я помню, какъ родные
Тогда давали ей совѣтъ
Расторгнуть узы роковыя,
Покинуть друга своего.
И при дворѣ не трудно-бъ снова
Найти ей жениха другаго.
Нѣтъ, не покину я его,
Она въ слезахъ имъ говорила;
Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи все мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ.
Но ты я вижу, улыбнулась;
Такъ вѣрь, не вѣрь, ни вѣчныхъ слезъ,
Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась.
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена,
И въ даль, и въ хладъ....

Путница.

Она любила!

Не ссылка бѣдную убила;
Была разлука ей страшна!...
Скажи, гдѣ онъ?

Священникъ.

Какъ ты блѣдна!
Ты плачешъ?

Путница.

Плачу!... Ахъ, она
О томъ лишь небо умоляла,
Чтобъ въ нищетѣ, въ глуши степной,
Но вмѣстѣ жизнь ихъ протекала,
Чтобъ счастье ихъ...

Священникъ.

О сонъ пустой!
Имъ счастье, тамъ?

Путница.

Отецъ святой,
Нестрашно съ другомъ заточенье:
Съ нимъ есть и въ горѣ наслажденье.

Священникъ.

Въ степяхъ лишь тотъ привыкнетъ жит
Кому здѣсь не о чемъ тужить;
Но ей, взлелѣянной на радость.
Откинуть свѣтлыя мечты,
Губить красу свою и младость,

ювомъ душной нищеты!
тье?... нѣтъ!

Путница.

ь жертва болѣ,
ламенной душѣ милѣй
ный спутникъ грустныхъ дней:
ь снѣговъ и въ низкой долѣ,
ъ ихъ юртѣ кедръ пылалъ,
ь ей, молча, руку жалъ,
дѣтей она ласкала,
ъ младенческой игры
душа въ ней разцвѣтала,
она не забывала
и царскіе пиры,
ъ забавъ очарованья?

Священникъ.

акъ знать?

Путница.

ъ? что съ нимъ?
дать за гробомъ ей свиданья,
небесахъ назвать своимъ!

Священникъ!

ѣсь, въ тиши уединенья,
іее, и за него
къ небу жаркія моленья,
не знаемъ ничего.

Путница.

И не нашлося никого,
Кто-бъ защищалъ?

Священникъ.

Гдѣ правый сильный,
Кто-бъ за несчастье грудью сталъ?
О, если-бъ, сонъ прервавъ могильный,
Бояринъ Шереметевъ всталъ!
Онъ злобу съ хитрой клеветою
Сразилъ-бы истиной святою;
Онъ могъ изгнаннику помочь;
Онъ спасъ-бы гибнущую дочь;
Но знай, и ты, ему чужая,
И ты, о путница младая,
Когда бъ онъ былъ еще въ живыхъ,
Не даромъ здѣсь-бы ночевала,
Повѣрь, горючихъ слезъ твоихъ
При немъ-бы ты не проливала,
И въ путь не нищею пошла
Изъ Шереметева села!

XII.

Онъ говорилъ, она дрожала,
Сказала что то, замолчала,
Во взорѣ тмился Божій свѣтъ:
Но старецъ кажетъ на портретъ,

Который, въ рамѣ золоченой,
Задернутъ былъ тафтой зеленой;
Онъ снялъ тафту и молвилъ ей:
«Вотъ онъ, взгляни и пожалѣй!»
Написанъ кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,
Въ мундирѣ, въ лентѣ голубой,
Фельдмаршалъ смотритъ, какъ живой...
Ей мнится, давняя могила
Подпору бѣдной возвратила;
Въ смятеньи робкомъ передъ нимъ
Она колѣна преклоняетъ,
Зоветъ его отцемъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ;
Казалось, взоръ ея молилъ,
Чтобъ сына онъ благословилъ;
Ей мнится, будто къ ней несется
Привѣтъ любви издалека;
Но вдругъ мятежная тоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льется
Волнуясь грозною мечтой,
Она свой перстень золотой
Къ устамъ, рыдая, прижимала,
И распущенною косой
Лазурны очи отирала;
Невольный трепетъ, дикій взглядъ
О чемъ-то страшномъ говорятъ,

Безмолвно старецъ изумленной
Молилъ Творца о сокрушенной;
Онъ понялъ, что единый Богъ
Ея печаль утѣшить могъ;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукротимое страданье,
Гласило все о черныхъ дняхъ,
О дняхъ, отравленныхъ бѣдою,
И безнадежностью земною
Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, тревогамъ непричастный,
Младенецъ тихій и прекрасный,
Не зная, что́ и жизнь, и рокъ,
Грозой нетронутый цвѣтокъ,
Съ улыбкой, съ ясными очами,
На грудь родимую припалъ,
И влажными отъ слезъ кудрями
Безпечный весело игралъ.

XIII.

Но скоро стонъ ея мятежной
Умолкъ, и грустью безнадежной
З..легъ въ сердечной глубинѣ;
И, при печальной тишинѣ,
Уже невольно часъ полночи

Сомкнулъ у всѣхъ усталы очи.
Младая путница одна
Разсвѣта ждетъ, не зная сна;
Стремится думою далеко;
Но что готовитъ рокъ жестокой?
Какую вѣсть она найдетъ?
Нѣтъ силы ждать: она встаетъ,
Младенца будитъ поцѣлуемъ.
«Когда-бъ ты зналъ, гдѣ мы ночуемъ,
«Дитя мое!....» И въ томну грудь
Желанье новое тѣснится,
И передъ тѣмъ, какъ удалиться,
Еще ей хочется взглянуть
На то село, гдѣ ночевала,
Село.... И тихо, тихо встала,
И начала сбираться въ путь:
Иконѣ Спаса помолилась,
И низко старцу поклонилась,
Который долго не смыкалъ
И самъ очей, но предъ зарею,
Склоняся на плечо главою,
Въ широкихъ креслахъ почивалъ;
И вотъ стопою торопливой
Въ тѣнистый садъ она спѣшитъ,
И взоръ ея нетерпѣливой
Живѣе, пламеннѣй горитъ.

XIV.

Чуть видная межъ облаками,
Луна послѣдними лучами
Свѣтила съ пасмурныхъ высотъ;
Березы надъ прудомъ дремали,
И тѣни шаткія дрожали
На зыбкомъ лонѣ сонныхъ водъ.
О, какъ у бѣдной сердце билось!
Въ какихъ терялося мечтахъ!
Но хоть страданьемъ утомилось,
Хоть очи грустныя въ слезахъ,
А все улыбка на устахъ.
Казалось, будто ей знакомы
Пустые, мрачные хоромы,
Что этотъ лугъ, что этотъ садъ
Не въ первый разъ встрѣчаетъ взглядъ;
Съ прудомъ, деревьями, цвѣтами,
Минувшимъ вдругъ оживлена,
Какъ съ незабытыми друзьями,
Опять увидѣлась она;
Хоть все печальнѣй, все небрежнѣй,
Но дышетъ все порою прежней,
Здѣсь все къ себѣ ее манитъ;
Привѣтъ нѣмой во всемъ находитъ:
Родную тѣнь лѣсокъ наводитъ,
Ручей знакомое журчитъ.

На барскій дворъ она бѣжитъ,
И на крыльцо легонько всходитъ,
Въ покои темные глядитъ;
Они стоятъ давно пустые;
Но лишь въ окно луна блеснетъ—
То мнится ей въ часы ночные
Тамъ бродятъ призраки родные,
Тамъ дышетъ то, чего ужъ нѣтъ:
И все, чѣмъ сердце разцвѣтало,
И что сбылось и что пропало,
Что обѣщалъ и не далъ свѣтъ,
Что было, есть, любовь, страданья,
Безвѣстность, ужасъ ожиданья,
Все разомъ гибельной стрѣлой
Въ душевны раны проникаетъ,
И жжетъ, и холодъ гробовой
Въ убитомъ сердцѣ разливаетъ.
Безъ силъ, къ столбу прислонена,
Ужъ не тоскуя, не мечтая,
Сама въ себѣ погребена,
Она стоитъ полуживая...
Но святость горя и любви
Сильнѣе бѣдствія земнаго...
Струя румяная вдали,
Предтеча утра молодаго,
Уже зажглась, и съ нею вновь
Рѣшимость, горе и любовь

Въ душѣ томящейся проснулись;
Всѣ думы разомъ встрепенулись.
«Пора, пора! идемъ, идемъ!
«Я тамъ провѣдаю о немъ.»
И за дубовыя перила
Хватаясь трепетной рукой,
Въ тѣнистый садъ она сходила;
Уже тропинкой луговой
Бѣжитъ влекомая мечтой;
Въ порывахъ быстраго движенья
Замѣтны тайныя волненья;
Садовникъ, спящій у воротъ,
Ее съ просонья окликаетъ;
Она отвѣта не даетъ,
Прощальный взоръ назадъ бросаетъ.
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ путь проселочной лежитъ
Къ Москвѣ и страшной и желанной:
И ужъ теряется въ кустахъ
Съ младенцемъ милымъ на рукахъ,
И не видна въ дали туманной;
Но долго быть о ней молвѣ
У Шереметева въ селѣ....

КЪ ИТАЛІИ.

(В. А. Жуковскому).

Лети со мной къ Италіи прелестной,
Эѳирный другъ, фантазія моя!
Земля любви, гармоніи чудесной,
Гдѣ радостей веселая семья
Взлелѣяна улыбкою небесной,
Италія Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,—
Но какъ ты мной, прекрасная любима!

Мнѣ видятся полуденныя розы,
Душистые, лимонные лѣса,
Зеленый миртъ и виноградны лозы,
И синія, какъ яхонтъ небеса.
Я вижу ихъ, и тихо льются слезы...
Италія, мила твоя краса,
Какъ первое любви младой мечтанье,
Какъ чистое младенчества дыханье!

Съ высотъ летятъ сіяющія воды,
Жемчужныя, надъ безднами горятъ;
Таинственныхъ видѣній хороводы,
Прозрачные, вкругъ горъ твоихъ кипятъ.
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленыя, струятся и шумятъ;

Воздушный пиръ—твой вечеръ благодатный
Съ прохладою и нѣгой ароматной.

Луна взошла, а небосклонъ пылаетъ
Послѣднею багряною зарей;
Высокій сводъ безоблачно сіяетъ,
Весь радужной подернутъ пеленой,
И яркій лучъ, сверкая, разсыпаетъ
Блескъ розовый надъ сонною волной,
Но гаснетъ онъ подъ ризою ночною;
Заливъ горитъ, осеребренъ луною...

И я несусь волшебными крилами
Къ развѣнчанной царицѣ волнъ морскихъ:
Тамъ звукъ октавъ съ любовью и мечтами,
При сладостномъ мерцаньи звѣздъ ночныхъ,
Тамъ Байронъ пѣлъ; тамъ бродитъ межъ гроб
Тѣнь грозная свободы дней былыхъ;
Тамъ въ тишинѣ, какъ будто слышны стоны
Плѣнительной, невинной Десдемоны...

Но вдругъ печаль, Италія стѣснила
Души восторгъ и свѣтлыя мечты...
Слезами ты и кровью искупила
Даръ пагубный чудесной красоты.
Она къ тебѣ рать буйную сманила
Угрюмыхъ горъ съ туманной высоты...
И врагъ—твой бичь, и гордый избавитель—
Не мирный другъ, но хищный притѣснитель.

А ты прійми отъ сердца завѣщанье,
Пѣвецъ, Орфей полуночной страны!
Ты будешь зрѣть тѣхъ волнъ очарованье
И нѣжный блескъ надъ Брентою луны,
И вспомнишь ты думъ пламенныхъ мечтанье
И юныхъ лѣтъ обманутые сны...
О, въ сладкій часъ, душою посвященный
Друзьямъ живымъ и праху незабвенной,

Когда въ пылу сердечныхъ упоеній
Ты звонкихъ струнъ таинственной игрой
Сольешь, о, другъ, рядъ сѣверныхъ видѣній
Съ небесною Италіи красой,
И можетъ быть, въ толпѣ родныхъ явленій
Промчусь и я, какъ призракъ надъ тобой,—
Скажи землѣ пѣвца Ерусалима,
Какъ мной была, прекрасная, любима!

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВ(

Родился въ 1773 году, скончался въ 18

СВѢТЛАНА.

Баллада

А. А. Воейковой

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
    Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
    Снявъ съ ноги бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
    Слушали, кормили
Счетнымъ курицу зерномъ,
    Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
    Серьги изумрудны;
Растилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ

Пѣсенки подблюдны.
Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,—
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое:
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ.»
—Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!

Утоли печаль мою,
Ангелъ—утѣшитель.
Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накр
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.»
Вотъ красавица одна,
Къ зеркалу садится;
Съ тайной радостью она
Въ зеркало глядится,
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи...

Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.
Подпершися локотками,
Чуть Свѣтлана дышетъ...
Вотъ... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось блеститъ
Яркими глазами...
Занялся отъ страха духъ...
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»
Оглянулась... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами».
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,

Въ ворота тесóвы;
У воротъ ихъ санки ждутъ,
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелкóвы.
Сѣли... кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями:
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ... пусто все вокругъ
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны;
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.
Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокій...
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;

И гласитъ протяжно попъ:
    «Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ
    Блѣденъ и унылой.
Вдругъ мятелица кругомъ;
    Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ свистя крыломъ,
    Бьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: печаль!
    Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
    Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ.
Видѣнъ мирный уголокъ,
    Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая прямо къ ней
    Мчатся дружнымъ бѣгомъ.
Вотъ примчалися... и вмигъ
    Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
    Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ
    Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
    Вдругъ мятель и вьюга,

Возвратиться—слѣду нѣтъ...
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
    Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ...
Дверь шатнулася... скрипитъ...
    Тихо растворилась.
Что-жъ?.. въ избушкѣ гробъ; накрытъ
    Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
    Свѣчка предъ иконой...
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
    Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
    Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
    Спасу помолилась;
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
    Робко притаилась,
Все утихло... вьюги нѣтъ...
    Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
    То опять затмится...
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
    Страшное молчанье...
Чу, Свѣтлана!.. въ тишинѣ

Легкое журчанье...
Вотъ, глядитъ; къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.
Смолкло все опять кругомъ...
Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится...
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы...
Что-же дѣвица?.. Дрожитъ...
Гибель близка... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.
Встрепенулся развернулъ
Легкія онъ крылы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,

И на дѣву засверкалъ
Грозными очами...
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть преобразилась...
Глядь, Свѣтлана... о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ,
Ахъ... и пробудилась.
Гдѣ-жъ?... У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»
Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана:
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,

Паръ алѣетъ тонкій...
Чу... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ какъ будто на крылахъ,
Санки, кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?.. женихъ Свѣтланы.
Что-же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой: все тотъ-же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та-жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ-жъ пріятны взоры;
Тѣ-жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся-жъ Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты:
Соберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши въ ладъ—
Пойте: многи лѣта!

ИЗЪ ПОЭМЫ «ПѢВЕЦЪ ВО СТАНѢ Р. ВОИНОВЪ».

Пѣвецъ.

На полѣ бранномъ тишина:
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой.
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя...
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ;
Ихъ гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ;
Ихъ поприще предъ нами...

Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
  Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
  Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
  Надъ нашими шатрами...

Но кто сей рьяный великанъ,
  Сей витязь полуночи?
Друзья; на спящій вражій станъ
  Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
  Шумящимъ, смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
  Взлетѣли тѣни съ воемъ;
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
  Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...
О горе! горе супостатъ!
  То грозный нашъ Суворовъ?

Хвала вамъ чада прежнихъ лѣтъ,
  Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
  Бѣжимъ на пиръ кровавый;
Да мчится вашъ побѣдный строй
  Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
  Погибель надъ врагами;

Наполнимъ кубокъ! мечь во длань!
    Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
    И казнь тебѣ губитель!

Отчизнѣ кубокъ сей друзья!
    Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
    Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
    Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
    И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить?
    О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
    Тебя благословляя?

Тамъ все:—тамъ родшихъ милый домъ;
    Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
    Мы жизни ихъ отрада;
Тамъ дѣвы—прелесть нашихъ дней,
    И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ царей,
    И предковъ прахъ священный.
За нихъ друзья, всю нашу кровь!
    На вражьи грянемъ силы!

Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти твоя держава;
Священный тронъ твой—намъ алтарь;
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава.
Не измѣнимъ; мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью......

Сей кубокъ ратнымъ и вождямъ!
Въ шатрахъ, на полѣ чести,
И жизнь, и смерть—все пополамъ;
Тамъ дружество безъ лести,
Рѣшимость, правда, простота,
И нравовъ непритворство,
И смѣлость—бранныхъ красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низкихъ узъ;
Къ вѣнцамъ стезею правой!
Опасность твердый нашъ союзъ;
Одной пылаемъ славой.

Тотъ нашъ, кто первый въ бой летитъ,
На гибель супостата,
Кто слабость падшаго щадитъ,
И грозно мститъ за брата;
Онъ взоромъ жизнь даетъ полкамъ;

Онъ махомъ мощной длани
Ихъ мчитъ во срѣтенье врагамъ,
Въ средину шумной брани;
Ему веселье битвы гласъ,
Спокоенъ подъ громами!
Онъ свой послѣдній видитъ часъ
Безстрашными очами.

Хвала тебѣ, нашъ бодрый вождь,
Герой подъ сѣдинами! *).
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ!
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ!
О диво! се орелъ пронзилъ
Надъ нимъ небесъ равнины...
Могучій вождь главу склонилъ;
Ура! кричатъ дружины.

Лети ко прадѣдамъ орелъ,
Пророкомъ славной мести!
Мы тверды! вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести;
Съ нимъ опытъ, сынъ труда и лѣтъ;
Онъ бодръ и съ сѣдиною;

*) Кутузовъ.

Ему знакомъ побѣды слѣдъ...
    Довѣренность къ герою!
Нѣтъ, други, нѣтъ! не предана
    Москва на расхищенье....

Хвала нашъ вихорь—Атаманъ;
    Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
    Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
    По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
    Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
    Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
    Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Хвала безтрепетнымъ вождямъ!
    На коняхъ окрыленныхъ
По доламъ скачутъ, по горамъ,
    Во слѣдъ враговъ смятенныхъ,
Днемъ мчатся строй на строй; въ ночи
    Страшатъ какъ привидѣнья;
Блистаютъ смертью ихъ мечи;
    Отъ стрѣлъ ихъ нѣтъ спасенья;
По всѣмъ разсыпаны путямъ,
    Невидимы и зримы;

Сломили здѣсь, сражаютъ тамъ,
И всюду невредимы.

Друзья, кипящій кубокъ сей
Вождямъ, сраженнымъ въ боѣ.
Уже не придутъ въ сонмъ друзей,
Не станутъ въ ратномъ строѣ,
Ужъ для врага ихъ грозный ликъ
Не будетъ вѣстникъ мщенья,
И не помчитъ ихъ мощный кликъ
Дружину въ пылъ сраженья;
Ихъ празденъ мечъ, безмолвенъ щитъ,
Ихъ ратники унылы;
И сиръ могучихъ конь стоитъ
Близъ тихой ихъ могилы.

Гдѣ Кульневъ нашъ рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ—главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани;
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.
И тихъ его послѣдній часъ:
Съ молитвою священной
О милой матери, угасъ
Герой нашъ незабвенной.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой...
    Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой
    Прекрасенъ былъ какъ радость;
Въ бронѣ-ли, грозный, выступалъ,—
    Бросали смерть перуны;
Во струны-ль арфы ударялъ—
    Одушевлялись струны...
О горе! вѣрный конь бѣжитъ
    Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ...
    И нѣтъ на немъ героя.

И гдѣ-же твой, о витязь, прахъ?
    Какою взятъ могилой?...
Пойдетъ прекрасная въ слезахъ
    Искать, гдѣ пепелъ милой...
Тамъ чище ранняя роса,
    Тамъ зелень ароматнѣй,
И сладостнѣй цвѣтовъ краса,
    И свѣтлый день пріятнѣй,
И тихій духъ твой прилетитъ
    Изъ таинственной сѣни;
И трепетъ сердца возвѣститъ
    Ей близость дружной тѣни.

И ты... и ты, Багратіонъ?
    Вотще друзей молитвы.

Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ;
Все мнитъ: съ одра возстанетъ;
И робко шепчетъ, врагъ съ врагомъ:
«Увы намъ! скоро грянетъ.»
А онъ... на вѣки взоръ смежилъ
Рѣшитель бранныхъ споровъ;
Онъ въ область храбрыхъ воспарилъ,
Къ тебѣ, Отецъ—Суворовъ!

И честь вамъ, падшіе друзья!
Ликуйте въ горней сѣни;
Тамъ ваша вѣрная семья—
Вождей минувшихъ тѣни.
Хвала вамъ будетъ оживлять
И позднихъ лѣтъ бесѣды.
«Отъ нихъ учитесь умирать!»
Такъ скажутъ внукамъ дѣды;
При вашемъ имени вскипитъ
Въ вождѣ ретивомъ пламя;
Онъ на твердыню съ нимъ взлетитъ,
И водрузитъ тамъ знамя.

Сей кубокъ мщенью! други, въ строй!
И къ небу грозны длани!
Сразить иль пасть! нашъ роковой
Обѣтъ предъ Богомъ брани.....

Ему друзья, отважно вслѣдъ,
    Прочь, низкое! прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
    До самой двери гроба:
Въ высокой долѣ простота;
    Нежадность—въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ ровнымъ—правота;
    Въ могуществѣ—смиренье:
Обѣтамъ—вѣрность; чести—честь;
    Покорность—правой власти;
Для дружбы—все, что въ мірѣ есть;
    Любви весь пламень страсти:
Утѣха—скорби; просьбѣ—дань;
    Погибели—спасенье;
Могущему пороку—брань,
    Безсильному—презрѣнье;
Неправдѣ—грозный правды глазъ;
    Заслугѣ—воздаянье;
Спокойствіе—въ послѣдній часъ;
    При гробѣ упованье.

О! будь же, Русскій Богъ, намъ щитъ!
    Прострешь Твою десницу—
И мститель—громъ Твой раздробитъ
    Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
    Растаетъ врагъ предъ нами...

О страхъ карающаго дня!
Бродя окрестъ очами,
Речетъ, пришлецъ: «враговъ я зрѣлъ;
И мнилъ: земли имъ мало;
«И взоръ ихъ гибелью горѣлъ;
«Протекъ—враговъ не стало!»

СЧАСТІЕ ВО СНѢ.

Дорогой шла дѣвица;
Съ ней другъ ея младой:
Болѣзненны ихъ лица;
Наполненъ взоръ тоской.

Другъ друга лобызаютъ
И въ очи и въ уста—
И снова разцвѣтаютъ
Въ нихъ жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась—въ кельѣ;
Въ тюрьмѣ—проснулся онъ.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Баллада.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
Родимый, лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
—О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
«Веселаго много въ моей сторонѣ:
«Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
«Изъ золота слиты чертоги мои.»

Родимый, лѣсной Царь со мной говоритъ!
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
—О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
«Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
«При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
«Играя, летая, тебя усыплять.»

Родимый, лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
—О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
«Неволей иль волей, а будешь ты мой.»
Родимый, лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышат

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животвори.

Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ*;
Но съ благодарностію:—*были*.

ПОКАЯНІЕ.

Былъ Папа готовъ литургію свершать,
Сіяя въ святомъ облаченьи,
Съ могуществомъ, даннымъ ему, отпускать
Всѣмъ грѣшникамъ ихъ прегрѣшеньи.

И Папа обрядъ очищенья свершалъ;
Во прахѣ народъ простирался;
И кто съ покаяніемъ прахъ лобызалъ,
Отъ всѣхъ тотъ грѣховъ очищался.

Органа торжественный громъ восходилъ
Горѣ во святомъ ѳиміамѣ,
И страхъ соприсутствія Божія былъ
Разлитъ благодатно во храмѣ.

Святѣйшее слово онъ хочетъ сказать—
Устамъ непокорствуютъ звуки;
Сосудъ живоносный онъ хочетъ поднять,—
Дрожащія падаютъ руки.

«Есть грѣшникъ великій во храмѣ святомъ!
«И бремя на немъ святотатства!
«Нѣтъ части ему въ разрѣшеньи моемъ:
«Онъ здѣсь не отъ нашего братства.

«Нѣтъ слова, чтобъ миръ водворило оно
«Въ душѣ, погубленной отнынѣ;

«И онъ обрѣтетъ осужденье одно
«Въ чистѣйшей небесной святынѣ.

«Бѣги-жь, осужденный; отвергнись отъ на
«Не жди моего заклинанья;
«Бѣги, да свершишь невозбранно въ сей ч
«Великій обрядъ покаянья.»

Съ толпой на колѣняхъ стоялъ пилигримъ
Въ простую одѣтъ власяницу;
Впервые узрѣлъ онъ сіяющій Римъ.
Великую вѣры столицу.

Молчанье храня, онъ пришелъ изъ своей
Далекой отчизны, какъ нищій;
И цѣлые сорокъ онъ дней и ночей
Почти не касался до пищи;

И въ храмѣ, въ святой покаянія часъ,
Усерднѣй никто не молился...
Но грянулъ надъ нимъ заклинательный гл
Онъ блѣденъ, поднялся и скрылся.

Спѣшитъ запрещенный покинуть онъ Римъ
Преслѣдуемъ словомъ ужаснымъ;
Къ Шотландскимъ идетъ онъ горамъ голуб
Къ озерамъ отечества яснымъ.

Когда-жъ возвратился въ отечество онъ,
Въ старинную дѣдовъ обитель:

Вассалы къ нему собрались на поклонъ,
И ждали, что скажетъ властитель.

Но прежній властитель, дотолѣ вождемъ
Имъ бывшій ко славѣ побѣдной,
Ихъ принялъ съ унылымъ, суровымъ лицемъ,
Съ потухшими взорами, блѣдной.

Сложилъ онъ съ вассаловъ подданства обѣтъ,
И съ ними безмолвно простился;
Покинулъ онъ зáмокъ, покинулъ онъ свѣтъ,
И въ келью отшельникомъ скрылся.

Себя онъ обрекъ на молчанье и трудъ;
Безъ сна проводилъ онъ всѣ ночи;
Какъ блѣдный убійца, ведомый на судъ,
Бродилъ онъ, потупивши очи.

Незналъ онъ покрова ни въ холодъ, ни въ дождь;
Въ раздранной ходилъ власяницѣ;
И въ кельѣ, бывалый властитель и вождь,
Гнѣздился, какъ мертвый въ гробницѣ.

Въ святой монастырь Богоматери далъ
Онъ часть своего достоянья:
Чтобъ тамъ о погибшихъ соборъ совершалъ
Вседневно обрядъ поминанья.

Когда-жъ поминанье соборъ совершалъ,
Моляся въ усердіи тепломъ:

Онъ въ храмъ не входилъ; передъ дверью лежа
Онъ въ прахѣ, осыпанный пепломъ.

Окрестъ сторона та прекрасна была:
Рѣка, наравнѣ съ берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;

Живыя дороги вились по полямъ;
Межъ нивами села блистали;
Пестрѣли стада; отвѣчая рогамъ,
Долины и холмы звучали;

Святой монастырь на пригоркѣ стоялъ
За темною кленовъ оградой:
Межъ ними—въ то время, какъ вечеръ сіялъ—
Багряной горѣлъ онъ громадой.

Но грѣшнымъ очамъ непримѣтна краса
Веселой, окрестной природы;
Безъ блеска для мертвой души небеса,
Безъ голоса рощи и воды.

Есть мѣсто—туда, какъ могильная тѣнь,
Одною дорогой онъ ходитъ;
Тамъ часто задумчивъ сидитъ онъ весь день,
Тамъ часто и ночи проводитъ.

Въ лѣсномъ захолустьѣ, гдѣ сонный ворчитъ
Источникъ, влачася лѣниво,

На дикой полянѣ часовня стоитъ
Въ обломкахъ, заросшихъ крапивой;

И черны обломки: пожаръ тамъ прошолъ;
Золою, стопившейся въ камень,
И падшею кровлей задавленный полъ,
Рѣшетки, стерпѣвшія пламень,

И полосы дыма на голыхъ стѣнахъ,
И древній алтарь безъ святыни,
Все сердцу твердитъ, пробуждая въ немъ страхъ,
О тайнѣ сей мрачной пустыни.

Ужасное дѣло свершилося тамъ:
Въ часовнѣ пустыннаго мѣста,
Въ часъ ночи обѣтъ принося небесамъ,
Стояли женихъ и невѣста.

Къ красавицѣ бурною страстью пылалъ
Округи могучій властитель;
Но нравился болѣ ей скромный вассалъ,
Чѣмъ гордый его повелитель.

Соперника ревность была имъ страшна:
И втайнѣ ихъ бракъ совершился.
Ужъ клятва любви небесамъ предана,
И пастырь надъ ними молился!...

Вдругъ топотъ и клики и пламя кругомъ!
Ихъ тайна открыта; въ кипѣньѣ

Обиды, любви, обезумленъ виномъ
    Дерзнулъ онъ на страшное мщенье:

Захлопнуты двери; часовня горитъ;
    Стенаньямъ смѣется губитель;
Все пышетъ, валится, трещитъ и гремитъ,
    И въ пеплѣ—святыни обитель.

Былъ вечеръ прекрасенъ: и тихъ и душистъ;
    На горныхъ вершинахъ сіяло;
Сводъ неба глубокій былъ теменъ и чистъ;
    Торжественно все утихало

Въ обители иноковъ слышался звонъ:
    Тамъ было вечернее бдѣнье;
И иноки пѣли хвалебный канонъ,
    И было ихъ сладостно пѣнье.

По-прежнему грустенъ, по-прежнему дикъ.
    (Ужъ годы прошли въ покаяньѣ)
На мѣсто, гдѣ сердце онъ мучить привыкъ,
    Онъ шелъ, погруженный въ молчанье.

Но вечеръ невольно бесѣдовалъ съ нимъ
    Своей миротворной красою,
И тихой земли усыпленьемъ святымъ,
    И звѣздныхъ небесъ тишиною.

И воздухъ его обнималъ теплотой,
    И пилъ ароматъ онъ цѣлебный,

И слухъ долеталъ издалека порой
Отшельниковъ голосъ хвалебный.

И съ чувствомъ, давно позабытымъ, поднялъ
На небо онъ взоръ свой угрюмой
И долго смотрѣлъ, и недвижимъ стоялъ,
Окованный тайною думой...

Но вдругъ содрогнулся—какъ будто о чемъ
Ужасномъ онъ вспомнилъ—глубоко
Вздохнулъ, сталъ блѣднѣй, и обычнымъ путемъ
Пошелъ, какъ мертвецъ, одиноко.

Главу опустя, безнадежно унылъ,
Отчаянно стиснувши руки,
Приходитъ туда онъ, куда приходилъ
Ужь годы вседневно для муки.

И видитъ... у входа часовни сидитъ
Чернецъ, въ размышленьи глубокомъ,
Онъ чуденъ лицемъ; на него онъ глядитъ
Пронзающимъ внутренность окомъ.

И тихо сказалъ наконецъ онъ: Христосъ
Тебя сохрани и помилуй!
И грѣшнику душу привѣтъ сей потрясъ,
Какъ лучъ воскресенья—могилу.

Отвѣтствуй мнѣ, кто ты? (чернецъ вопросилъ)
Свою мнѣ повѣдай судьбину;

По виду ты странникъ: быть можетъ, ходи
Свершая обѣтъ, въ Палестину?

Или ко гробамъ Чудотворцевъ Святыхъ
Свое приносилъ поклоненье?
Съ собою мощей не принесъ-ли какихъ,
Дарующихъ грѣшнымъ спасенье?

«Мощей не принесъ я; къ гробамъ не ходи
«Спасающимъ насъ благодатью:
«Не зрѣлъ Палестины... но въ Римѣ я бы
«И преданъ навѣки проклятью.»

—Проклятія вѣчнаго нѣтъ для живыхъ;
Есть вѣрный за падшихъ Заступникъ
Приди, исповѣдайся въ тайныхъ своихъ
Грѣхахъ предо мною, преступникъ.—

«Что сдѣлать невластенъ Святѣйшій Отец
«Владыка и Божій намѣстникъ,
«Тебѣ-ли то сдѣлать? И кто ты, чернецъ?
«Кѣмъ посланъ ты, милости вѣстник

—Я здѣсь издалека: былъ въ той сторонѣ
Гдѣ вѣдома участь земнаго;
Здѣсь память загладить позволено мнѣ
Ужаснаго дѣла ночнаго.—

При словѣ семъ грѣшникъ на землю упалъ
Всѣ члены его трепетали...

Онъ исповѣдь началъ... но что онъ сказалъ,
Того на землѣ не узнали.

Лишь мѣсяцъ ихъ тайнымъ свидѣтелемъ былъ,
Смотря сквозь древесныя сѣни;
И, мнилось, въ то время, когда онъ свѣтилъ.
Двѣ легкія вѣяли тѣни;

Двумя облачками казались онѣ;
Все выше, все выше взлетали:
И все неразлучны; и вдругъ въ вышинѣ
Съ лазурью слились и пропали.

И онъ на землѣ не встрѣчался съ тѣхъ поръ,
Одно сохранилось въ преданьѣ:
Съ обычнымъ обрядомъ священный соборъ
Во храмѣ свершалъ поминанье;

И пѣньемъ торжественнымъ полонъ былъ храмъ,
И тихо дымились кадилы,
И вмѣстѣ съ земными невидимо тамъ
Служили небесныя Силы.

И въ храмъ онъ вошелъ, къ алтарю приступилъ,
Пречистыхъ Даровъ причастился,
На небо сіяющій взоръ устремилъ,
Сжалъ набожно руки... и скрылся.

У ГРОБА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Въ ночи наканунѣ ея погребенія.

И такъ Твой гробъ съ мольбой объемлю;
И такъ покинула Ты землю,
Небесно-чистая душа;
Какъ Божій Ангелъ, соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ.
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще досель не постигаемъ,
Что на землѣ Тебя ужъ нѣтъ...
Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, что въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святаго;
Еще привычкою обрѣсть
Тебя все мнимъ среди земнаго;
А Ты?... О! каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ Тобою;
Съ Твоей отшедшею душою
Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,
Которымъ сердце ободрялось,
Въ которомъ таинство являлось

Святаго Промысла ему.
Тобою радуясь безпечно,
Мы жизнь Твою считали вѣчной...
И вдругъ ко гробу Твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою-ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты-ль въ багряницѣ, подъ вѣнцемъ,
Съ симъ безотвѣтственнымъ лицемъ?
На гласъ любви, на глазъ печали
Такою-ль мы Тебя видали?....
Сей погребальный ѳиміамъ,
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ.
Сія возвышенная рака,
Среди таинственнаго мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Блистанье гробоваго трона,
Главы лишенная корона,
Порфира падшая на прахъ....
Невыразимое видѣнье!
Трепещетъ здѣсь воображенье
Предъ ужасомъ небытія....
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ Ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ—внемлю:

Не возмущайтеся душой! *)
О! это Ты; сей голосъ Твой!
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія Царицы,
Землѣ навѣки отдадутъ,—
Но что же, что въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безъимянный знакъ;
Въ земной, таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья,
Одинъ символъ небытія....
Но жизнь прекрасная Твоя,
Символъ прекрасный Провидѣнья,
Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаньемъ благодатна,
И сердцу вѣчно безутратна,
Въ рѣшительный прощанья часъ,
Съ любовью, съ горькимъ сокрушеньемъ
Съ невыразимымъ умиленьемъ,
Я падаю въ послѣдній разъ
Передъ гробницею Твоею....
О! Я дерзаю передъ Нею
За всю Россію говорить!

---

*) Въ сію ночь было прочитано Евангеліе: ,
щается сердце ваше!

И въ голосъ мой соединить
Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
Въ одно сліянные моленье:
«Благодаримъ, благодаримъ».

МНОГОЛѢТІЕ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя Царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское ура
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы Шведу
Русскій путь загородилъ,
И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.

Съ ней во дни Екатерины,
Славенъ сталъ нашъ Русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогреми-жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: Многи лѣта,
Православный Русскій Царь!

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.

И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ Русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей Италійскихъ,
Встаютъ съ Африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фрунту;

И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ;
И *Франція*—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—*Святая Елена*...
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ Императоръ усопшій.

ИЗЪ ПОЭМЫ: АГАСВЕРЪ

Вѣчный жидъ.

Онъ несъ свой крестъ тяжелый на
Онъ, Всемогущій, Вседержитель,

Какъ человѣкъ, измученъ; потъ и кровь
По блѣдному Его лицу бѣжали;
Подъ бременемъ своимъ Онъ часто падалъ,
Вставалъ съ усиліемъ, переводилъ
Дыханіе, потомъ, шаговъ немного
Переступивъ, подъ ношей снова падалъ,
И наконецъ, съ померкшими отъ мукъ
Очами, Онъ хотѣлъ остановиться
У Агасверовыхъ дверей, дабы,
Къ нимъ прислонившись, перевесть на мигъ
Дыханье. Агасверъ стоялъ тогда
Въ дверяхъ. Его онъ оттолкнулъ отъ нихъ
Безжалостно. Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному, столь чуждому любви,
И сѣтуя о томъ, что́ долженъ былъ
Надъ нимъ изречь, какъ Богъ, свой приговоръ,
Онъ поднялъ скорбный взглядъ на Агасвера,
И тихо произнесъ: «ты будешь жить,
Пока Я не приду» и удалился...

. . . .

Агасверъ.

Всю ночь по улицамъ Ерусалима
Бродивъ, терзаемый тоской и страхомъ,
Вдругъ очутился за стѣнами града,
Передъ Голгоѳой. На горѣ пустой,

На чистомъ небѣ ярко три креста
Чернѣли. У подошвы темной
Горы былъ входъ въ пещеру, и великим
к
Онъ былъ задвинутъ; не вдали, какъ двѣ
Недвижимыя тѣни, въ сокрушеньи
Двѣ женщины сидѣли, устремивъ
Глаза, одна на камень, а другая
На небеса. Увидя ихъ, и камень,
И на горѣ кресты, затрепеталъ
Всѣмъ тѣломъ Агасверъ; почудилось ему,
Что грозный камень на него идетъ,
Чтобъ задавить, и, какъ безумный,
Онъ побѣжалъ ко граду отъ Голгоѳы...

Я Агасверъ. Не сказка Агасверъ,
Которою кормилица твоя
Тебя въ ребячествѣ пугала; нѣтъ!
Я Агасверъ живой, съ костями, съ кровы
Текущей въ жилахъ, съ чувствующимъ
И съ помнящей минувшее душею.
Я Агасверъ.—Вотъ исповѣдь моя,
Иль нѣтъ; языкъ мой повторить не мож
Живымъ, для слуха внятнымъ словомъ
Того, что̀ нѣкогда свершилось, что̀
Въ проклятіе жизнь бѣдную мою
Преобразило. Имя Агасверъ

Тебѣ сказало все... Нѣтъ! въ языкѣ
Моемъ такого слова не найду я,
Чтобъ то изобразить, чтò былъ я самъ,
Чтò мыслилось, чтò видѣлось, чтò ныло
Въ моей душѣ, и чтò въ ночахъ безсонныхъ,
Иль въ тяжкомъ снѣ, чтò въ привидѣньяхъ
Пугавшихъ въявь, мнѣ чудилось въ тѣ дни.
Которые прошли подобно душнымъ,
Грозою полнымъ днямъ, когда дыханье
Въ груди спирается, и въ страхѣ ждешь
Удара громоваго; въ дни тяжелой
Тоски и трепета, со дня Голгоѳы
Прошедшіе!—Ерусалимъ былъ тихъ,
Но было то предтишье подходящей
Бѣды; народъ скорбѣлъ, и блѣдность лицъ,
Потупленность головъ, походки шаткость,
И подозрительность суровыхъ взглядовъ,
Все было знаменьемъ чего-то страшно
Постигнувшаго всѣхъ, чего-то страшно
Постигнуть всѣхъ грозящаго; кругомъ
Ерусалимскихъ стѣнъ какой-то мрачный,
Невѣдомый во градѣ никому,
Бродилъ и крикомъ жалобнымъ, на всѣхъ
Концахъ всечасно въ градѣ слышнымъ: «горе!
Отъ запада и отъ востока горе!
Отъ сѣвера и отъ полудня горе!
Ерусалиму горе! «повторялъ.

А я, изъ всѣхъ людей Ерусалима,
Былъ самый трепетный. Въ бѣдѣ всеобщей
Мечталась мнѣ страшнѣйшая моя,
Чудовище съ лицемъ закрытымъ, мнѣ
Еще невѣдомымъ, но отъ того
Стократъ ужаснѣйшимъ. Что Онъ сказалъ м
Я словъ Его не постигалъ значенья:
Но звуки ихъ ни день, ни ночь меня
Не покидали; яростью кипѣла
Вся внутренность моя противъ Него,
Который силой слова одного
Такъ жизнь мою убилъ. Я приговора
Его могуществу не вѣрилъ; я
Упорствовалъ обманщика въ Немъ видѣть.
Но чувствовалъ, что я приговоренъ...
Къ чему?... Невѣдѣнья ужасный призракъ,
Страшилище безъ образа, вездѣ,
Куда мои глаза ни обращалъ я,
Стоялъ передо мной и мучилъ страхомъ
Неизглаголаннымъ меня. Противъ
Обиженнаго мной, и приговоръ мнѣ
Однимъ, еще непонятымъ мной словомъ
Изрекшаго, и противъ всѣхъ Его
Избранниковъ, я былъ неукротимой
Исполненъ злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были
Спокойны, свѣтлы, никакой тревогой

Не одержимы. Кто встрѣчался въ градѣ
Смиреннымъ видомъ, свѣтлымъ взоромъ
Благословляющій, благопристойный
Въ движеніяхъ и въ чистомъ одѣяньи,
Безъ роскоши, ужъ тотъ конечно былъ
Слугой Іисуса Назорея. Въ ихъ
Собраніяхъ вседневно совершалось
О Немъ воспоминанье. Часто, посреди
Ерусалимской смутной жизни, было
Ихъ пѣнье слышимо. Они безъ страха
Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ
Благую вѣсть о Немъ провозглашали.
Весь городъ злобствовалъ на нихъ—незлобныхъ:
И эта злоба скоро разразилась
Гоненіемъ, тюремнымъ заточеньемъ,
И наконецъ убійствомъ. Я ликовалъ,
Какъ дикій звѣрь, когда былъ передъ храмомъ
Стефанъ, побитый каменьемъ, замученъ;
Когда, потомъ, пріяли муку два
Іакова, одинъ мечемъ, другой
Съ вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слухъ, что Петръ былъ распятъ въ Римѣ,
А Павелъ обезглавленъ: мнилось мнѣ,
Что въ нихъ, свидѣтеляхъ Его, и память
О Немъ погибнетъ. Лживая надежда!
Во мнѣ тоска, отъ страха неизвѣстной

Мнѣ казни, только раздражалась. Я,
При Иродѣ-царѣ рожденный, видѣлъ
Все время Августа; потомъ три звѣря,
Кровавой властью обезславивъ Римъ,
Погибли; властвовалъ четвертый, Неров
Столѣтіе лежало на плечахъ
Моихъ. Уже четыре поколѣнья
Цвѣли въ моемъ семействѣ: сыновья,
И внучата, и внуковъ внуки въ домѣ
Моемъ садились за мою трапезу...
Но я, со дня того, въ живомъ ихъ круі
Все болѣе и болѣ чуждъ и сиръ,
И нелюдимъ, и грустенъ становился;
Я чувствовалъ, что я ни хилъ, ни бодр
Ни старъ, ни молодъ, но что жизнь м(
Желѣзно-мертвую пріобрѣла
Несокрушимость. Самому себѣ,
Среди моихъ живыхъ дѣтей, и внуко
И правнуковъ, казался я надгробным
Межъ ихъ могилъ стоящимъ камнем
И лица ихъ имѣли страшный цвѣтъ
Объятыхъ тлѣньемъ труповъ. Но вс
И внуки, всѣ ужъ были взяты смер
И правнуковъ, съ невыразимымъ г(
И бѣшенствомъ, я началъ хоронит
Тѣмъ временемъ часъ отъ часу ду
Въ Ерусалимѣ становилось. Зная

Что̀ будетъ, всѣ Іисуса Назорея
Избранники покинули убившій
Учителя ихъ городъ, и пошли
За Іорданъ. И все, и все сбывалось,
Что̀ предсказалъ Онъ: Палестина вся
Горѣла бунтомъ; легіоны Рима
Терзали области ея; и скоро
Приблизился къ Ерусалиму часъ
Его судьбы; то время наступило,
Когда, какъ Онъ пророчилъ! «благо будетъ
Сошедшимъ въ гробъ, и горе матерямъ
Съ младенцами грудными, горе старцамъ
И юношамъ, живущимъ въ градѣ, горе
Изъ града не ушедшимъ въ горы дѣвамъ!»
Веспасіановъ сынъ извнѣ пути
Изъ града всѣ загородилъ, вогнавъ
Туда насильно моръ и голодъ;
Внутри господствовали буйство, бунтъ
Усобица, безвластье, безначалье,
Владычество разбойниковъ, извнѣ
Прикликанныхъ своими на своихъ.
Вдругъ три осады: храма отъ пришельныхъ
Грабителей, грабителей отъ града,
Отъ легіоновъ Тита... Всюду бой,
Первосвященниковъ убійство въ храмѣ,
На улицахъ нестройный крикъ отъ страха,
Отъ голода, отъ муки передсмертной,

От ъяростной борьбы за кусъ согнившей
Ѣды, ревъ мятежа, разврата пѣсни,
Безстыдныхъ оргій хохотъ, стонъ голодны
Младенцевъ, матерей тяжелый вой...
И въ высотѣ надъ этой бездной днемъ
Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Изъ труповъ, въ градѣ и внѣ града
Разбросанныхъ; въ ночи жь, какъ Божій
Звѣзда бѣды, своимъ хвостомъ всю твердь
Разрѣзавшая пополамъ, Ерусалиму
Пророча гибель... И погибнуть весь
Израиль обреченъ былъ; отовсюду
Сведенный свѣтлымъ праздникомъ пасхал
Въ Ерусалимъ, народъ былъ разомъ преда
На истребленье мстительному Риму.
И всѣ истреблены: убійствомъ гладомъ,
Въ когтяхъ звѣрей, прибитые къ крестам
Въ цѣпяхъ, въ изгнаньи, въ рабствѣ на
бı
Погибъ Ерусалимъ!—и отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ ч
Когда въ него всѣ стѣны проломивъ,
Ворвался врагъ, и бросился на храмъ:
Народъ въ его толпу, изъ-за ограды
Исторгшись, врѣзался, и съ ней сцѣпи

Въ слѣдъ за собой ее вовлекъ въ средину
Ограды. Бой ужасный, грудь на грудь,
Тутъ начался; и, наконецъ, спасаясь,
Вкругъ Скиніи, во внутренней оградѣ,
Столпились мы: отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ... Тутъ увидѣлъ
Я несказанное: подъ святотатной
Рукою Скинія открылась, стало
Намъ видимо невиданное оку
Дотоль—Ковчегъ завѣта!... Въ этотъ мигъ
Храмъ запылалъ, и въ Скинію пожаръ
Ворвался... Мы весь гибнущій Израиль,
И съ нами, насъ губящій врагъ въ единый
Слился крикъ, одни завывъ отъ горя,
А тѣ заликовавъ отъ торжества
Побѣды... Вся гора слилася въ пламя,
И посреди его, какъ длинный гору
Обвившій, змѣй, чернѣло войско Рима.
И въ этотъ мигъ все для меня исчезло.
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ, почувствовавъ, какъ черепъ мой
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились....

.....Но меня моя могила
Не удержала; я изъ-подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова—живъ
И невредимъ! разбивъ меня на смерть,

Меня, ожившаго, они извергли,
Какъ скверну, изъ своей громады.....

Очнувшись, въ первый мигъ я не постигну
Гдѣ я. Передо мною подымались
Вершины горныя. Межь нихъ лежали
Долины, и всѣ онѣ покрыты были
Обломками какъ будто бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившійся съ неба,
Внезапно завалилъ; и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живаго человѣка —
То былъ Ерусалимъ!... Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза, — и я,
Ее увидя, весь затрепеталъ.
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова
Послышалося мнѣ: «ты будешь жить,
Пока Я не приду». Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину.
Я буду жить! Я буду жить пока
Онъ не придетъ!... Какъ жить? Кто (
Придетъ?... И все грядущее мое
Мнѣ выразилось вдругъ въ остовѣ этом
Погибшаго Ерусалима: тамъ
Мое минувшее исчезло все;

Все жившее со мной убито; тамъ
Ничто ужь для меня не оживетъ,
И не родится; жизнь моя вся будетъ,
Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима:
И жизнь безъ смерти. Я въ бѣшенствѣ завылъ,
И бѣшенное произнесъ на все
Проклятіе. Безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней:
И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо... и невольно,
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ, въ ея
Сіяньи тайную отрады каплю
Я, съ смертоноснымъ питіемъ хулы
И проклинанья выпилъ; но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига.
Что съ онаго я испыталъ мгновенья?
О, какъ я плакалъ, какъ вопилъ, какъ дико
Роптагъ, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ! Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ слова
Страдальца Іова я повторялъ:
«Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ, и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался; да звѣзды ей не свѣтятъ,

Да не взойдетъ ей день, ей незапершей
Меня родившую утробу!»

Но... слушай:

Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій Императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ и христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской Церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву Ливійскому на пищу,
Въ присутствіи Траяна, преданъ. Трепетъ
Неизглаголанный, при этомъ слухѣ,
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ,—и чтó моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхни
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей, тамъ собранныхъ. Сквозь яркій п
Растянутый надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую багрянилъ солнца блескъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый Кесарь,
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣза

Своимъ противникомъ, съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверзтый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій и съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки:
«Тебя, (запѣли тихо) Бога хвалимъ,
Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ»... О! это пѣнье,
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ,
Съ кипѣньемъ злобы, тутъ мою всю душу
Проникнуло внезапнымъ вдохновеньемъ:
Что̀, предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Что̀ вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И какъ, въ амфитеатръ ворвавшись, я
Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ

Мнѣ Христіанъ, тамъ очутился,—я
Не знаю. Пѣнье продолжалось; но
Ужь на противной сторонѣ арены
Желѣзная решетка, загремѣвъ, упала,
И ужь въ ея отверзтіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ, и озирался..
И вдругъ завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ.... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ.... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря.... Онъ уже стремился къ на
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ кротко въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ!
«Должнѐ пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господним
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ,
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ.... но
Еще меня перекрестить, и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ-бы меня Ему
Передавая.... О, животворящій,
На вѣчность всю присутственный въ ду
Небеснаго блаженства полный взлядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ

Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя; когда-жь очнулся, вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ; и, утомленъ
Терзаніемъ, лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклетѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ, а я,
Отъ мѣста крови, плача, удалился,
И изъ воротъ амфитеатра вышелъ.
Что̀ послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я: но въ благодатномъ взлядѣ,
Которымъ мученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой Небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голгоѳы,
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучь спасенія. Какъ будто что̀-то
Мнѣ говорило что моя судьба
Переломилась надвое. Стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною

Глубо́ко мнѣ втѣснилось въ грудь, и зв
Такого измѣненья было то,
Что проклинаніе моимъ устамъ
Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего въ унылость,
Безмолвно плачущую, обратилась,
Что наконецъ, страданія мои
Внезапная отрада посѣтила.
Хотя еще къ моей груди усталой,
По прежнему во мракѣ ночи, сонъ
Не прикасался; но уже во тмѣ
Не ужасы минувшаго какъ злыя
Страшилища, передо мной стояли,
Въ меня вонзая рѣжущіе душу
Глаза, а что-то тихое и мнѣ
Еще неоткровенное—какъ свѣжій,
Предутренній, благоуханный воздухъ—
Вливалося въ меня и усмиряло
Мою борьбу съ собой. О! этотъ взлядъ.
Онъ мнѣ напомнилъ взглядъ прискорбн
Съ какимъ былъ въ оный день мой при
Произнесенъ.... Но я уже не злобой
Наполненъ былъ при томъ воспоминаны
А скорбію раскаянья глубокой.
Я чувствовалъ стремленье пасть на зем
Зарыть лице во прахъ, и горько плака
То были первыя минуты тайной,

Будящей душу благодати; первый
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ,
Внутри и внѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ внезапно началося... Было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ,
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
Бросаются, кипятъ и стонутъ....

КЪ РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ.
1848.

Не тревожься великанъ!
Мирно стой, утесъ нашъ твердой,
Отшибая грудью гордой
Вкругъ ревущій океанъ.
Вихрей бунтъ встревожилъ воды;
Воемъ дикой непогоды;

Отъ поверхности до дна
Вся пучина ихъ полна;
На тебя ихъ буря злится;
На тебя ихъ вой и ревъ;
Повалить тебя грозится
Обезумѣвшій ихъ гнѣвъ.
Но съ главы твоей подзвѣздной
Твой Орелъ, пространства князь,
Надъ бунтующей смѣясь
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молніи въ когтяхъ,
Въ высотѣ своей воздушной
Наблюдаетъ равнодушно,
Какъ раздоръ кипитъ въ волнахъ,
Какъ онѣ горами пѣны
Многоглавыя встаютъ,
И толпою всей бѣгутъ
На твои, ударить стѣны.
Ты же, бездны господинъ,
Мощный первенецъ творенья,
Стой среди всевозмущенья,
Недоступенъ, тихъ, одинъ;
Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчитъ;
Ихъ гранитъ твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги.

ДЕНИСЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

Родился въ 1784 г., скончался въ 1839 г.

БУРЦОВУ.

Въ дымномъ полѣ, на бивакѣ
У пылающихъ огней,
Въ благодѣтельномъ аракѣ
Зрю спасителя людей.
Собирайся въ круговую
Православный весь причётъ!
Подавай лахань златую,
Гдѣ веселіе живетъ!
Наливай обширны чаши
Въ шумѣ радостныхъ рѣчей,
Какъ пивали предки наши
Среди копій и мечей.
Бурцовъ! ты, гусаръ гусаровъ,
Ты—на ухорскомъ конѣ,
Жесточайшій изъ угаровъ
И наѣздникъ на войнѣ—

Стукнемъ чашу съ чашей дружно!
Нынче пить еще досужно.
Завтра трубы затрубятъ,
Завтра громы загремятъ.
Выпьемъ-же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шагъ уступимъ, поблѣднѣемъ,
Пожалѣемъ нашу грудь,
И въ несчастьи оробѣемъ;
Если мы когда дадимъ
Лѣвый бокъ на фланкировкѣ,
Или лошадь осадимъ—
Или миленькой плутовкѣ
Даромъ сердце подаримъ!
Пусть не сабельнымъ ударомъ
Пресѣчется жизнь моя!
Пусть я буду генераломъ,
Какихъ много видѣлъ я!
Пусть среди кровавыхъ боевъ
Буду блѣденъ, боязливъ,
А въ собраніи героевъ—
Остръ, отваженъ, говорливъ!
Пусть мой усъ—краса природ
Чернобурый въ завиткахъ,
Изсѣчется въ юны годы,
И исчезнетъ яко прахъ!

Пусть Фортуна для досады,
Къ умноженію всѣхъ бѣдъ,
Дастъ мнѣ чинъ за вахтпарады,
Иль Георгій за совѣтъ.
Пусть... Но чу!—гулять не время!
Къ конямъ, братъ, и ногу въ стремя,
Саблю вонъ и въ сѣчу!—Вотъ
Пиръ иной намъ Богъ даетъ,
Пиръ задорнѣй, удалѣе,
И шумнѣй и веселѣе...
Нутка—киверъ на бекрень,
И—ура!—счастливый день!

ПѢСНЯ.

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской—
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
    Я люблю кровавый бой!
    Я рожденъ для службы царской!

За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!

Пусть французишки гнилые
Къ намъ пожалуютъ назадъ!
За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!

Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами;
Днемъ—рубиться молодцами,
Вечеркомъ —горѣлку пить!
Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами.

О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ,
Ждать конца подъ балдахиномъ,
И всечасно умирать!
О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постелѣ господиномъ!

То-ли дѣло средь мечей—
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когти попадаешь
И не думая о ней!
То-ли дѣло средь мечей—
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!

Сабля, водка, конь гусарской—
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!

ПѢСНЯ СТАРАГО ГУСАРА.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды! помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами!

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, ташки у бедра,
И диваномъ—кипа сѣна.

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны—дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ.

9*

Ни полслова... Дымъ столбомъ..
Ни полслова... Всѣ мертвецки
Пьютъ, и преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ;
Киверъ свѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрами играетъ,

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится...
Бой умолкъ—и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

А теперь, чтò вижу?—страхъ
И гусары въ модномъ свѣтѣ,
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмачк
Вальсируютъ на паркетѣ!

Говорятъ умнѣй они...
Но что слышимъ, отъ любова?
«Жомини, да Жомини!»
А объ водкѣ ни полслова,

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

НА ГОЛОСЪ ИЗВѢСТНОЙ РУССКОЙ ПѢСНИ.

Я любля тебя—безъ ума люблю!
О тебѣ одной думы думаю;
При тебѣ одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка!

Ты взгляни, молю, на тоску мою—
И улыбкою, взгядомъ ласковымъ
Успокой меня, безпокойнаго,
Осчастливъ меня несчастливаго!

Если жребій мой—умереть тоской,
Я умру, любовь проклинаючи,
Но и въ смертной часъ воздыхаючи
О тебѣ, мой другъ, моя душечка!

РѢЧКА.

Давно ли, рѣчка голубая,
Давно-ли ласковой волной
Мой челнъ привольно колыхая,
Владѣльца ты, источникъ рая,
Моей блуждающей судьбой?

Давноль съ безпечностію милой
Въ благоуханныхъ берегахъ,
Ты влагу ясную катила,
И отражать меня любила
Въ своихъ задумчивыхъ струяхъ?...

Теперь, печально пробѣгая,
Ты стонешь въ сумрачной тиши,
Какъ стонетъ дѣва молодая,
Пролетный призракъ обнимая
Своей тоскующей души.

Увы! твой ропотъ заунывный
Понятенъ мнѣ! Онъ—ропотъ мой:
И я пою послѣдни гимны,
И твой потокъ гостепріимный
Кроплю прощальною слезой!

На утро пурпурной зарею
Запышетъ небо; берега
Блеснутъ одеждой золотою,
И благотворною росою
Закаплютъ рощи и луга.

Но водъ твоихъ на лонѣ мутномъ
Все будетъ пусто!... Лишь порой,
Носясь полетомъ безпріютнымъ,
Ихъ гостемъ посѣтитъ минутнымъ
Журавль, пустынникъ кочевой.

О! гдѣ тогда, осиротѣлый,
Гдѣ буду я? Къ какимъ странамъ,
Въ какіе чуждые предѣлы,
Мчать будетъ гордо парусъ смѣлый,
Мой челнъ по скачущимъ волнамъ?...

Но гдѣ бъ я ни былъ—сердца дани
Тебѣ одной. Чрезъ даль морей,
Я на крылахъ воспоминаній
Явлюсь къ тебѣ, пріютъ мечтаній
И мукъ и благъ души моей!

Явлюсъ весь въ думу превращенный,
На берега твоихъ зыбей,
Въ обитель дѣвы незабвенной,
И тихо, странникъ потаенной,
Невидимымъ приникну къ ней,

И, не подвластный злымъ укорамъ,
Я облеку ее собой,
Упьюсь ея стыдливымъ взоромъ,
И вдохновеннымъ разговоромъ,
И гармонической красой.

Ея—чья прелесть—увлеченье,
Свѣтла небесна и чиста,
Какъ чувство ангела въ моленьи,
Какъ непорочно сновидѣнье,
Какъ юной граціи мечта?

Я ПОМНЮ.

Я помню—глубóко,
Глубоко мой взоръ,
Какъ лучъ, проникалъ и рощи и боръ,
И степь обнималъ широко, широко...

Но, зоркія очи,
Потухли и вы—
Я выглядѣлъ васъ на дѣву любви.
Я выплакалъ васъ въ безсонныя ночи.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА.

Чтó она!—Порывъ, смятенье,
И холодность и восторгъ,
И отпоръ и увлеченье,
Смѣхъ и слезы, чортъ и богъ,
Пылъ полуденнаго лѣта,
Урагана красота,
Изступленнаго поэта,
Безпокойная мечта!
Съ нею дружба—упоенье.
Но спаси, Создатель, съ ней

От любовнаго сношенья,
И таинственныхъ связей!
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Какъ законная жена!

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

Родился въ 1787 году, скончался въ 1855 году.

ТѢНЬ ДРУГА.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопа
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ;
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила Сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли.
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.

Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ-ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты-ль это!» я вскричалъ, «о воинъ вѣчно милой!
Не я-ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ беллониныхъ огней,
Не я-ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила, и обрядъ
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою съ любовію сжимаетъ...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ

Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ по
ночи
Исчезъ,—и сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ! О лучшій изъ друзей!

ПЛѢННЫЙ.

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ;
Гдѣ миртъ душистый расцвѣтаетъ
Склонясь къ ея водамъ;
Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златый лимонъ на солнцѣ рдѣетъ,
И яворы шумятъ:

Въ часы вечернія прохлады
Любуяся рѣкой,

Стоялъ, склоня на Рону взгляды
Съ глубокою тоской,
Добыча брани, Русской плѣнный,
Придонскихъ честь сыновъ,
Съ полей побѣды похищенный
Одинъ, толпой враговъ.

«Шуми»—онъ пѣлъ—«волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но, плескомъ волнъ, роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
Я въ праздности теряю время,
Душою въ людствѣ сиръ;
Мнѣ жизнь не жизнь, безъ славы—бремя,
И пустъ прекрасный міръ!

Весна вокругъ живитъ природу,
Яснѣетъ солнца свѣтъ;
Все славитъ счастье и свободу,
Но мнѣ свободы нѣтъ!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мнѣ воспоминай
На берегахъ роднаго Дона
Отчизны милый край!

Здѣсь прелесть—сельскія дѣвицы!
Ихъ взоръ огнемъ горитъ,

И сквозь потупленны рѣсницы
Мнѣ радости сулитъ.
Какія радости въ чужбинѣ?
Онѣ въ родныхъ краяхъ;
Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
И въ дебряхъ и въ снѣгахъ.

Отдайте-жъ мнѣ мою свободу!
Отдайте край отцовъ,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родинѣ мой кровъ,
Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
Ахъ! дайте мнѣ коня;
Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
И день и ночь меня:

На родину, въ сей теремъ древній.
Гдѣ ждетъ меня краса,
И подъ окномъ, въ часы вечерни,
Глядитъ на небеса;
О другѣ тайно помышляетъ...
Иль робкою рукой
Коня ретиваго ласкаетъ,
Тебя, соратникъ мой!

«Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;

Но, плескомъ волнъ роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
О вѣтры, съ полночи летите
Отъ родины моей;
Вы, звѣзды сѣвера, горите
Изгнаннику свѣтлѣй!»—

Такъ пѣлъ нашъ плѣнникъ одинокой
Въ виду Ліонскихъ стѣнъ,
Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
Назначенъ долгій плѣнъ.
Онъ пѣлъ—у ногъ сверкала Рона,
Въ ней мѣсяцъ трепеталъ,
И на златыхъ верхахъ Ліона
Лучь солнца догоралъ.

КАРАМЗИНУ.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ Исторіи читалъ,
Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ,
И силы гордыхъ сокрушалъ—
Народъ, любитель громкой славы,

Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ, и весь вниманье былъ.
Но въ сей толпѣ многонародной,
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцевъ дѣянья знамениты,
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!
И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для Музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

КЪ Н.....

Какъ я люблю, товарищъ мой,
Весны роскошной появленье,
И въ первый разъ надъ муравой

Веселыхъ жаворонковъ пѣнье:
Но слаще мнѣ среди полей
Увидѣть первые биваки,
И ждать безпечно у огней
Съ разсвѣтомъ дня, кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой,
Узрѣть съ нагорныя вершины
Необозримый нашихъ строй
На яркой зелени долины!
Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекой,
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокой!
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ
И ружій протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ:
Какъ весело передъ строями
Летать на ухорскомъ конѣ,
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: «Стрѣлки,
Впередъ! сюда Донцы! Гусары!
Сюда летучіе полки,
Башкирцы, Горцы и Татары!»
Свисти теперь, жужжи свинецъ;
Летайте ядры и картечи!

Что вы для нихъ? для сихъ сердецъ,
Природой вскормленныхъ для сѣчи?
И вотъ... о зрѣлище прекрасно!
Колонны сдвинулись какъ лѣсъ.
Идутъ, безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье, на перевѣсъ;
Идутъ, ура! и все сломили,
Разсѣяли и разгромили:
Ура! ура! и гдѣ же врагъ?...
Бѣжитъ! а мы въ его домахъ,
О радость храбрыхъ! киверами
Вино некупленное пьемъ,
И подъ побѣдными громами!
Мы хвалимъ Господа, поемъ?...
. . . .

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ.

Какое торжество готовитъ древній Ри
Куда текутъ народа шумны вол
Къ чему сихъ ароматъ и мирры слад
Душистыхъ травъ кругомъ кош
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ
Надъ стогнами всемірныя столи

Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ—пѣвецъ «Ерусалима».
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды—
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, ещё въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
«Друзья, о дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждётъ пѣвца безвременно кладбище—
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее квиритовъ пепелище!

Земля священная героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы тополи, вы древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной—
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной?
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній—
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ проли
Увы! съ тѣхъ-поръ, добыча злой судьбы

Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной, и громъ не умолкалъ.
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на землѣ пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающи пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простого,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моей,
Безславіемъ и славой удручённой,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обречённой.
«Друзья, но чтó мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и тренещетъ?
Откуда я? какой прошолъ ужасный путь,
И что за мной еще во mракѣ блещетъ?
Феррара... фуріи... и зависти змѣя!
Куда? куда, убійцы дарованья!
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья,
Вотъ слезы ихъ и сладкія лобзанья,—
И въ Капитоліи Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ:
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъярённымъ небомъ

Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней;
И въ узахъ я душой не измѣнился;
Музъ сладостныхъ восторгъ не гасъ въ душѣ:
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ тв(
Сіон
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы герои древнихъ дн
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Готфридъ, владыко, вождь ц
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, велича
Тебя, младой Ринальдъ, кипящій какъ Ахил:
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣди
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ
жьихъ сил
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-и
битель
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О, доблести неслыханной примѣры!
О, нашихъ праотцовъ, давно почившихъ сн(
Тріумфъ святой, побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти времён:
Онъ пѣлъ—и вы не будете забвенны;
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обречёнъ,
Рукою музъ и славы соплетенный.

Но поздно: я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой,
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!»

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужь къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало:
Часъ смерти близился—и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
«Смотрите» онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ!
«Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ.
Ужь ангелъ предо мной, вожатый оныхъ мѣстъ:
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами.

Приближьте знакъ любви, сей тáинственный крестъ,
Молитеся съ надеждой и слезами!
Земное гибнетъ все—и слава и вѣнецъ...
Искуствъ и музъ творенья величавы...
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели,
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ—о счастіе!—средь непорочныхъ жонъ,
Средь ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали;
День тихо догоралъ—и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали:
«Погибъ Торквато нашъ!» воскликнулъ съ плачемъ Римъ:
«Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!»
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ—
И трауромъ покрылся Капитолій.

НАДЕЖДА.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся—будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти, чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, Кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ, и непогоду,
И силу—въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И, въ бурѣ пламенныхъ страстей
Былъ мой вожатый неизмѣнный?
Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все—даръ Его! и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда жь узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?

Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

КНЯЗЬ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.

Родился 1792 года, скончался 1878 года.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: НАРВСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Несись съ неукротимымъ гнѣвомъ,
Мятежной влаги властелинъ!
Надъ тишиной окрестной ревомъ
Господствуй, бурный исполинъ.

Жемчужною кипящей лавой,
За валомъ низвергая валъ,
Сердитый, дикій, величавой,
Перебѣгай ступени скалъ!

Дождь брызжетъ отъ упорной сшибки
Волны, сразившейся съ волной,
И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій,
Вдали ихъ представляетъ бой.

Все разъяреннѣй, все угрюмѣй
Летитъ, какъ геній непогодъ;

Я мыслью погружаюсь въ шумѣ
Междоусобно-бурныхъ водъ.

Но какъ вокругъ все безмятежно,
И, утомленныя тобой,
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ смятенью,
На немъ цвѣтетъ весны краса
И вмѣстѣ миру и волненью
Свѣтлѣютъ тѣ-же небеса.

Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой волны,
Ты не зерцало ихъ лазури,
Вотще блестящей съ вышины.

Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ,
Въ залогѣ вѣчной непогоды
Ты бытія пріялъ залогъ.

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный,
Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,
Какъ страсть въ святилищѣ души.

Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ ты, ростетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,
И поглощается въ себѣ....

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ ЯЗЫКОВУ, ИЗЪ ДЕРПТА.

Я у тебя въ гостяхъ, Языковъ!
Я въ княжествѣ твоихъ стиховъ,
Гдѣ эхо не забыло кликовъ
Твоихъ восторговъ и пировъ.

Я въ Дерптѣ, павшемъ предъ тобою!
Его твой стихъ завоевалъ:
Ты риѳмоносною рукою
Дерптъ за собою записалъ.

Ты Русскимъ духомъ, Русской рѣчью
Въ немъ православья поднялъ тѣнь,
И русскихъ риѳмъ своихъ картечью
Вновь Дерпту задалъ Юрьевъ день.

Хвала тебѣ! живое пламя
Ты не вотще въ груди таилъ:
Державина святое знамя
Ты здѣсь съ побѣдой воздрузилъ!

Ты подъ его широкой славой
Священный заключилъ союзъ:
Орла поэзіи двуглавой
Съ орломъ германскихъ древнихъ музъ.

Онъ твой, сей Дерптъ германо-россійскій!
По стогнамъ, въ розсказняхъ бесѣдъ,
Еще грохочутъ отголоски
Твоихъ студенческихъ побѣдъ.

Ни лѣтъ потокъ, ни элементы
Тебѣ не страшны подъ вѣнцомъ,
И будутъ поздніе студенты
Здѣсь пѣть о имени твоемъ....

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: МЕТЕЛЬ.

День свѣтитъ; вдругъ не видно зги,
Вдругъ вѣтеръ налетѣлъ размахомъ,
Степь поднялася мокрымъ прахомъ
И завивается въ круги.

Снѣгъ сверху бьетъ, снѣгъ вѣетъ съ низу,
Нѣтъ воздуха, небесъ, земли;
На землю облака сошли,
На день насунувъ ночи ризу.

Штурмъ сухопутный! тьма и страхъ!
Компасъ не въ помощь, ни кормило:
Чутье заглохло и застыло
И въ ямщикѣ и въ лошадяхъ.

Тутъ выскочитъ проказникъ лѣшій,
Ему раздолье въ кутерьмѣ:
То огонькомъ блеснетъ во тьмѣ,
То перейдетъ дорогу пѣшій;

Тамъ колокольчикъ гдѣ-то брякъ,
Тутъ добрый человѣкъ аукнетъ,
То кто-нибудь въ ворота стукнетъ,
То слышенъ лай дворныхъ собакъ.

Пойдешь впередъ, поищешь съ боку,
Все глушь, все снѣгъ, да мерзлый паръ
И Божій міръ сталъ снѣжный шаръ,
Гдѣ какъ не шаришь, все безъ проку.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: ОЧЕРКИ МОСКВЫ.

Священны, о Москва! преданья
Твоихъ краснорѣчивыхъ стѣнъ:
Онѣ скрижаль бытописанья
Богатыхъ славою временъ.

Твой Кремль—алтарь нашъ и твердыня!
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ наша сила и святыня,
Молебникъ и архистратигъ.

Въ грозѣ и славѣ онъ воспитанъ,
Онъ носитъ жезлъ и копіе.
За Русь онъ былъ огнемъ испытанъ,
За Русь страдалъ и спасъ ее.

Чье сердце русское не дрогнетъ,
Когда съ твоихъ колоколовъ
Раздастся въ благовѣстѣ громкомъ
Къ народу православный зовъ?

Течетъ толпа за крестнымъ ходомъ.
Въ одинъ потокъ слилась Москва;
Все духовенство предъ народомъ,
Святое войско Божества,

Грядетъ во блескѣ облаченья,
Сіяетъ золотомъ парча,
Хоругви вьются, льются пѣнья,
Напѣвомъ неземнымъ звуча.

Благочестивая картина,
Народной памяти обрядъ!
Годинѣ вслѣдъ прошла година,
Пройдетъ вѣковъ грядущихъ рядъ—

На этотъ праздникъ ежегодной,
На эту тризну старины
Съ молитвой вновь семьей народной
Стекутся вѣрные сыны.

И мѣстный образъ подымая,
Устроятъ тотъ же крестный ходъ,
Обычай предковъ поминая,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ.

Струя преданій! Поколѣньямъ
Святой, живительный родникъ!
Гдѣ ты хранимъ съ благоговѣньемъ,—
Народъ тамъ крѣпокъ и великъ!

Твердятъ: ты съ Азіей Европа,
Славянскій и татарскій Римъ,
И то, что зрѣлось до потопа,
Въ тебѣ еще и нынѣ зримъ,

Въ тебѣ и новый міръ, и древній;
Въ тебѣ пасутъ свои стада
Патріархальныя деревни,
У Патріаршаго пруда;

Строенья всѣхъ цвѣтовъ и зодчествъ,
А надписи на воротахъ
Наборъ такихъ именъ и отчествъ,
Что просто зарябитъ въ глазахъ;

Здѣсь чудо-барскія палаты
Съ гербомъ, гдѣ вписанъ знатный родъ;
Вблизи на курьихъ ножкахъ хаты
И съ огурцами огородъ;

Поэзія съ торговлей рядомъ;
Ворвался Манчестеръ въ Царь-градъ,
Паровики дымятся смрадомъ,
Рай нѣги и рабочій адъ!

Кузнецкій мостъ давно безъ кузницъ,
Парижа пестрый уголокъ,
Гдѣ онъ вербуетъ русскихъ узницъ,
Гдѣ онъ сбираетъ съ нихъ оброкъ;

А тутъ посмотришь,—Русь родная
Съ своею древней простотой,
Не стертая, не початая,
Какъ самородокъ золотой,

Русь въ кичкѣ, въ красной душегрѣйкѣ,
Она, какъ будто за сто лѣтъ,
Живетъ себѣ на Маросейкѣ
И до Европы дѣла нѣтъ;

Все это такъ—и тѣмъ прекраснѣй!
Разнообразье—красота:
Быль жизни, съ своенравной басней;
Здѣсь хламъ, тамъ свѣжая мечта.

Здѣсь личность есть и самобытность,
Кто я, такъ я, не каждый мы:
Чувствъ подчиненность или скрытность
Не заморозила умы.

Нѣтъ обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общихъ формъ;
Что конь степной здѣсь каждый малой,
Разнузданъ на подножный кормъ.

У каждаго свои причуды
И свой аршинъ, съ своимъ конькомъ,
Свой нравъ, свой толкъ и пересуды
О томъ, о семъ и ни о чемъ.

Москва! подъ оболочкой пестрой,
Храни свой самородный бытъ!
Пусть Грибоѣдовъ шуткой острой
Тебя насмѣшливо язвитъ,

Ты не смущайся, не мѣняйся;
Вѣками вылитая въ мѣдь,
На Кремль свой гордо опирайся
И чѣмъ была, тѣмъ будь и впредь!

Величье есть въ твоемъ упадкѣ,
Въ рубцахъ твоихъ истертыхъ латъ!
Есть прелесть въ этомъ безпорядкѣ
Твоихъ разбросанныхъ палатъ.

Твоихъ садовъ и огородовъ,
Высокихъ башенъ, пустырей,
Съ желѣзной мачтою заводовъ
И съ колокольнями церквей.

ТРОЙКА.

Тройка мчится, тройка скачетъ,
Вьется пыль изъ подъ копытъ,
Колокольчикъ звонко плачетъ
И хохочетъ, и визжитъ.

По дорогѣ голосисто
Раздается яркій звонъ;
То вдали отбрякнетъ чисто,
То застонетъ глухо онъ.

Словно лѣшій вѣдьмѣ вторитъ,
И аукается съ ней,
Иль русалка тараторитъ
Въ рощѣ звучныхъ камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая вѣсть!
Много въ ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянулъ мѣсяцъ изъ за тучи,
Обогнулъ свое кольцо
И посыпалъ блескъ зыбучій
Прямо путнику въ лицо.

Кто сей путникъ и отколѣ?
И далекъ ли путь ему?
По неволѣ, иль по волѣ
Мчится онъ въ ночную тьму?

На веселье, иль кручину,
Къ ближнимъ ли подъ кровъ родной,
Или въ грустную чужбину
Онъ спѣшитъ, голубчикъ мой?

Сердце въ немъ ретиво рвется
Въ путь обратный, или въ даль?
Встрѣтилъ, ждетъ онъ—не дождется,
Иль покинутаго жаль?

Ждетъ ли перстень обручальный,
Ждутъ ли путника пиры,
Или факелъ погребальный,
Надъ могилою сестры?

Какъ узнать? ужъ онъ далеко!
Мѣсяцъ въ облако нырнулъ,
И въ пустой дали глубоко
Колокольчикъ ужъ заснулъ.

ПАМЯТИ ЖИВОПИСЦА ОРЛОВСК

Грустно видѣть, Русь святая,
Какъ въ степенные года
Нашихъ предковъ удалая
Изнѣмечилась ѣзда.

То-ли дѣло въ старь—телѣга,
Тройка, ухорскій ямщикъ;
Ночью—дуетъ безъ ночлега,
Днемъ же,—высунувъ языкъ.

Но за то какъ все кипѣло,
Беззаботнымъ удальствомъ.
Жизнь-копѣйка! бей же смѣло;
Да и ту поставь ребромъ!

Но какъ весело, бывало,
Раздавался подъ дугой
Голосистый запѣвало,
Колокольчикъ разсыпной.

А когда на водку гривны
Ямщику не пожалѣть,
То-то пѣсни заунывны
Онъ начнетъ сердечный пѣть!

Сѣверъ блѣдный, Сѣверъ плоскій,
Степь, родныя облака—

Все сливалось въ отголоски,
Гдѣ слышна была тоска.

Сердце сердцу вѣсть давало,
И изъ тайной глубины
Все былое выкликало
И всѣ слезы старины.

Не увидишь, какъ проскачешь
И не чувствуешь скачковъ,
Ни какъ сердцемъ сладко плачешь,
Ни какъ горько для боковъ.

А проѣхать-ли случится
По селенью въ красный день?
Нашъ ямщикъ пріободрится,
Шляпу вздернетъ на бекрень.

Какъ онъ гаркнетъ, какъ присвиснетъ,
Горячо по всѣмъ по тремъ,—
Вороныхъ онъ словно вспрыснетъ
Вдохновительнымъ кнутомъ.

Тутъ знакомая свѣтлица
Съ росписнымъ своимъ окномъ:
Тутъ его душа дѣвица
Съ подареннымъ перстенькомъ.

Поравнявшись, онъ немножко
Возжи въ руки приберетъ,

И растворится окошко —
Словно солнышко взойдетъ.

И покажется касатка,
Бѣлоликая краса;
Что за очи! за повадка!
Что за русая коса!

И поклонами учтиво
Размѣнялися они,
И сердца въ нихъ молчаливо
Отозвалися сродни.

А теперь—гдѣ эти тройки?
Гдѣ ихъ ухорскій набѣгъ?
Гдѣ ты, колокольчикъ бойкій,
Ты, поэзія телѣгъ?

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
Вставши съ темнаго утра,
И загнать готовый тройку
Изъ полтины серебра?

Русскій ямъ молчитъ и чахнетъ,
Отъ былова онъ отвыкъ:
Русскимъ духомъ ужъ не пахнетъ
И ямщикъ—ужъ не ямщикъ.

Духъ заморскій и въ деревнѣ!
И ямщикъ, забывъ кабакъ,

Распиваетъ чай въ харчевнѣ
Или куритъ въ ней табакъ.

Пѣсню спѣть онъ не съумѣетъ,
Нѣтъ зазнобы ретивой,
И на шляпѣ не алѣетъ
Лента дѣвицы милой.

По дорогѣ, въ чистомъ полѣ
Колокольчикъ нашъ заглохъ,
И невиданный дотолѣ...
Молча, тащится, трёхъ-трёхъ,

Словно чопорный германецъ
При ботфортахъ и косѣ,
Неуклюжій дилижанецъ
По нѣмецкому шоссе.

Грустно видѣть, воля ваша,
Какъ, у прозы подъ замкомъ,
Поэтическая чаша
Высыхаетъ съ каждымъ днемъ!

Какъ все то, что веселило
Иль ласкало нашу грусть,
Что издѣтства затвердило
Наше сердце наизусть,

Всѣ повѣрья, все раздолье
Молодецкой старины,—

Подъѣдаетъ своеволье
Душегубки—новизны.

Нарядились мы въ личины,
Сглазилъ насъ недобрый глазъ...
И Орловскаго картины —
Буква мертвая для насъ.

Но спасибо нашъ кудесникъ,
Живописецъ и поэтъ,
Малодушнымъ внукамъ вѣстникъ
Богатырскихъ оныхъ лѣтъ!

Русь былую, удалую
Ты потомству передашь:
Ты хватилъ ее живую
Подъ народный карандашъ.

Захлебнувшись прозой прѣсной,
Охмѣлѣть ли захочу
И съ мечтой изъ давки тѣсной
На просторъ ли полечу,—

Я вопьюсь въ твои картинки
Жаждой чувствъ и жаждой глазъ,
И творю въ душѣ поминки
По тебѣ, да и по насъ!

МАСЛЯНИЦА

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи.

Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица,
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ.
Усыпленныя сердца.

Здравствуй русская молодка,
Раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй матушка зима!

Изъ за льдистаго Урала
Какъ сюда ты не взначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ бусурманскій этотъ край?

Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не понутру;
Нѣтъ приличнаго пріема
И народъ не на юру.

Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?
Не съумѣть имъ, Нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой.

Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
«Что для русскаго здорово,
«То для нѣмца карачунъ.»

Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ батюшка морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый
Пароходъ и паровозъ

Ты у насъ—краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Скоро масляницы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами и настойкой
Закутитъ крещеный міръ.

Въ честь тебѣ и ей.—Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя
И гуляетъ день и ночь:

Игры, братскія попойки,
Настежъ двери и сердца!
Пышутъ бѣшеныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.

Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ облакахъ!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ.

Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ,
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.

Мать дородная въ шубейкѣ
Важно въ розвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ
Словно маковъ цвѣтъ горитъ.

Яркой пылью иней сыплетъ,
И одежду серебритъ,
А морозъ, лаская, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ.

И бѣлѣе, и румянѣй,
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утренней зарей.

Мчатся вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаютъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.

Пряникъ мой однофамилецъ
Также тутъ не позабытъ;
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,
Сердце любо веселитъ.

Разгулялись городъ, села,
Загуляли старъ и младъ:
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масляницѣ радъ.

Нѣтъ конца веселымъ кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ.
Гдѣ тутъ нѣмцамъ горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?

Сани здѣсь—подобной дряни
Не видалъ я на вѣку:
Стыдно сѣсть въ чужія сани
Коренному русаку.

Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ, не обиходъ:
Снѣгъ здѣсь—рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ.

Чѣмъ почтятъ тебя, сударку?
Развѣ кружкою пивной
Да копѣечной сигаркой,
Да копченой колбасой.

Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ и лицо;
То-ли дѣло, какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо!

Какъ шепнетъ оно въ догадку
Ретивому на ушко,—
Не споетъ, ей-ей, такъ сладко
Хоть-бы вдовушка клико!

Выпьетъ чарку чародѣйку
Забубенный нашъ землякъ:
Жизнь копѣйка!—смерть злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ.

Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него;

Но по нашему покрою,
Если нѣмца взять врасплохъ,
А особенно зимою,—
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ!

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: БАДЕНЪ-БАДЕН

Люблю васъ, Баденскія тѣни,
Когда чуть явится весна
И мать сердечныхъ словъ и лѣни,
Еще въ васъ дремлетъ тишина;

Когда вы скромно и безлюдно
Своей красóю хороши
И жизнь лелѣютъ обоюдно
Природы миръ и миръ души.

Кругомъ благоухаетъ радость
И средь улыбчивыхъ картинъ
Зеленыхъ рощей блещетъ младость
Въ виду развалинъ и сѣдинъ.

Теперь досужно и свободно
Прогулкамъ, чтенью и мечтамъ:
Иди—куда глазамъ угодно
И дѣлай что захочешь самъ.

Уму легко теперь—и груди
Дышать просторно и свѣжо;
А все испортятъ эти люди,
Которые придутъ ужó.

Тогда Парижъ и Лондонъ рыжій—
Капернаумъ и Вавилонъ,

На Баденъ мой направивъ лыжи,
Тѣснятъ его со всѣхъ сторонъ.

Тогда отъ Сены, Темзы, Тибра,
Нахлынетъ стокомъ мутныхъ водъ
Разнонароднаго калибра
Праздношатающійся сбродъ:

Дюшессы, виконтессы, леди,
Гуртъ лордовъ тучныхъ и сухихъ,
Маркизъ Г***, принцесса В***,—
А лучше и не вѣдать ихъ;

И кавалеры—апокрифы
Собственноручныхъ орденовъ,
И гофъ—кикиморы и мифы
Миѳологическихъ дворовъ.

И рыцари слѣпой рулетки
За сборомъ золотыхъ крупицъ,
Сукна зеленаго насѣдки,
Въ надеждѣ золотыхъ яицъ;

Фортуны, олухи и плуты,
Каррикатуръ различныхъ смѣсь:
Здѣсь важностью пузырь надутый,
Тамъ накрахмаленная спѣсь.

Вотъ знатью такъ и пышетъ личность,
А если ближе разберешь:

Вся эта личность и наличность
И мѣдный лобъ, и мѣдный грошъ.

Вотъ разрумяненныя львицы
И львы съ козлиной бородой,
Вотъ доморощенныя птицы
И клевъ орлиный наклейной;

Давно извѣстныя кокетки,
Здѣсь выставляющія вновь
Свои прорвавшіяся сѣтки,
И допотопную любовь.

Всѣхъ бывшихъ мятежей потомки,
Отцы всѣхъ мятежей другихъ,
Отъ разныхъ баррикадъ обломки
Булыжныхъ буйныхъ мостовыхъ.

Всѣ залежавшіяся въ лавкѣ
Невѣсты, славы и умы,
Всѣ знаменитости въ отставкѣ,
Всѣ соискатели тюрьмы.

И Баденъ мой, гдѣ я, какъ инокъ,
Весь въ созерцанье погруженъ,
Ужъ завтра будетъ—шумный рынокъ,
Домъ сумасшедшихъ и притонъ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: НА ЦЕРКОВНОЕ СТРОЕНІЕ.

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:
Будь лѣтомъ жарокъ день, иль осенью ненаст-
ливъ,
Подъ проливнымъ дождемъ, въ морозъ, въ паля-
щій зной,
На перекресткѣ онъ, съ открытой головой
И съ книгою въ рукѣ, протянутой къ прохожимъ.
Глядитъ онъ странникомъ и человѣкомъ Божьимъ.
Смиренья съ простотой лежитъ на немъ печать;
Свой страннический крестъ пріявъ, какъ благодать,
Изъ дальняго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,
Но привели его не собственныя нужды.
Нѣтъ! Къ дому Господа усердьемъ возгоря
И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,
Онъ благолѣпью ихъ посильный трудъ приноситъ,
И именемъ Христа на церковь братій проситъ.
Въ волненьяхъ суеты, среди столичныхъ стѣнъ,
Преданье и урокъ Апостольскихъ временъ,
Онъ ходитъ между насъ Евангельскою вѣстью,
И праздныя сердца въ насъ будитъ къ благочестью.
И рѣдко кто пройдетъ,—и больно за того,
Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
Хоть малымъ чѣмъ нибудь, хоть ласковымъ вни-
маньемъ,
Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ.

Чтобъ труженика путь Господь благословилъ
И жатвой доброю жнеца обогатилъ.
Но болѣе всего любуясь доброхотомъ,
Который дастъ свой грошъ, трудомъ и крупнымъ потомъ
Добытый,—и себя жъ тутъ осѣнитъ крестомъ,
Какъ будто-бъ онъ еще остался съ барышомъ.
Храня въ душѣ моей отцовъ простую вѣру,
Я слѣдовать люблю народному примѣру
И лепту и мою спѣшу въ тотъ сборъ принесть.
Скажу: и моего тутъ меду капля есть;
Скажу: и моего тутъ будетъ капля масла,
Чтобъ предъ иконою лампада въ вѣкъ не гасла,
Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ,
И въ душу скорбную отрадой проникалъ.
И въ этой мысли мнѣ есть сладость упованья,
Что тутъ и мой кирпичъ пойдетъ въ основу зданья
Гдѣ мирная семья смиренныхъ поселянъ
На благовѣсть любви, сзывающій мирянъ,
Усердною толпой сберется въ день воскресный.
И молятся они, чтобы Отецъ Небесный
Послалъ имъ свышній миръ, чтобы за ихъ труды
Имъ принесла земля обильные плоды;
Чтобъ день былъ совершенъ, святъ миренъ и без грѣшенъ,
Чтобъ исцѣлѣлъ больной, чтобъ скорбный былъ утѣшенъ,

Живущимъ вѣрою, хранящимъ Божій страхъ,
Труждающимся всѣмъ, въ молитвѣ и слезахъ,
Всѣмъ странствующимъ, всѣмъ далече въ морѣ
сущимъ,
Всѣмъ долю тяжкую и тяжкій плѣнъ несущимъ—
Господь послалъ свой миръ, любовь и благодать;
Чтобъ въ покаяньи имъ дни прочіе скончать,
Чтобъ ангелъ мирный, душъ ихъ и тѣлесъ храни-
тель,
Берегъ и стадо ихъ, и поле и обитель;
Чтобъ помянулъ Господь во царствіи своемъ
Отцовъ и братію, почившихъ смертнымъ сномъ,
Святителей церквей, родныхъ, владыкъ держав-
ныхъ
И всѣхъ лежащихъ здѣсь и всюду православныхъ;
И отрѣшая ихъ отъ всѣхъ земныхъ заботъ,
Ко Господу любви душа ихъ вопіетъ
Чтобъ бъ не постыдная и тихая кончина
Предстательствомъ Его возлюбленнаго Сына
Сошла, какъ благодать даруя имъ покой,
Чтобъ имъ омыть грѣхи раскаянья слезой
И въ оный страшный день, съ отвѣтнымъ добрымъ
словомъ,
Младенцами предстать имъ на судѣ Христовомъ....

ЗИМА.

Въ дни лѣта природа роскошно,
Какъ дѣва младая, цвѣтетъ
И радостно, денно и нощно,
Ликуетъ, пируетъ, поетъ.

Красуясь въ нарядѣ богатомъ,
Природа царицей глядитъ,
Сафирами, пурпуромъ златомъ
Облитая, чудно горитъ.

И пышныя кудри и косы
Скользятъ съ подъ златаго вѣнца
И утромъ, и вечеромъ розы
Лелѣютъ румянецъ лица.

И полныя плечи, и груди—
Все въ ней красота и любовь
И ею любуются люди
И жарче струится въ нихъ кровь.

Съ приманки влечетъ на приманку!
Приманка приманки милѣй!
И день съ ней восторгъ спозаранку,
И ночь упоительна съ ней!

Но поздняя осень настанетъ,
Природа состарится вдругъ;

Съ днемъ каждымъ все вянетъ, все вянетъ—
И ноетъ въ ней тайный недугъ.

Морщина морщину пригонитъ,
Въ глазахъ потухающихъ тьма,
Ко сну горемычную клонитъ—
И вотъ къ ней приходитъ зима.

Изъ снѣжно-лебяжьяго пуху
Спѣшитъ пуховикъ ей постлать,
И тихо уложитъ старуху,
И скажетъ ей: спи наша мать!

И спитъ она дни и недѣли,
И полгода спитъ на пролетъ,
И сосны надъ нею, и ели
Раскинули темный наметъ.

И вьюга ночная тоскуетъ
И воетъ надъ снѣжнымъ одромъ,
И мѣсяцъ морозный цѣлуетъ
Старушку, убитую сномъ.

АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ ИВАНОВУ.

Я видѣлъ древній Іорданъ.
Святой любви и страха полный,

Въ его евангельскія волны,
Купель крещенья христіанъ,
Я погружался троекратно,
Молясь, чтобъ и душа моя
Отъ язвъ и пятенъ бытія
Волной омылась благодатно.

Отъ оныхъ думъ, отъ оныхъ дней,
Среди житейскихъ попеченій,
Какъ мало свѣжихъ впечатлѣній
Осталось на душѣ моей!
Они поблекли подъ соблазномъ
И ѣдкимъ холодомъ суетъ:
Во мнѣ паломника ужъ нѣтъ,
Во мнѣ, давно сосудѣ праздномъ.

Краснѣю глядя на тебя,
Поэтъ и труженикъ-художникъ!
Отвергнувъ льстивыхъ музъ треножни
И крестъ единый возлюбя,
Святой земли жилецъ заочной,
Ее душой ты угадалъ,
Ее для насъ завоевалъ
Своею кистью полномочной.

И что тебѣ народный судъ?
Въ нашъ вѣкъ блестящихъ скороспѣл(
Промышленныхъ и всякихъ сдѣлокъ,
Какъ добросовѣстенъ твой трудъ!

Въ одно созданье мысль и чувство,
Всю жизнь сосредоточилъ ты;
Поклонникъ чистой красоты,
Ты свято вѣровалъ въ искуство.

Въ избыткѣ задушевныхъ силъ,
Какъ схимникъ жаждущій спасенья,
Свой духъ постомъ уединенья
Ты отрезвилъ, ты окрилилъ.
Въ искусѣ строго—одинокомъ
Ты прожилъ долгіе года
И то прозрѣлъ, что никогда
Не увидать тѣлеснымъ окомъ.

Священной книги чудеса
Тебѣ явились безъ покрова,
И надъ твоей главою снова
Разверзлись въ славѣ небеса:
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Ты слышалъ, ты уразумѣлъ—
И ты сей день запечатлѣлъ
Съ своей думой въ своей картинѣ

Спокойно лоно свѣтлыхъ водъ;
На берегу рѣки Предтеча;
Изъ мѣстъ окрестныхъ, изъ далече,
Къ нему стекается народъ;
Онъ растворяетъ упованью
Слѣпцовъ хладѣющую грудь;

Уготовляя Божій путь,
Народъ зоветъ онъ къ покаянью.

А тамъ спускается съ вершинъ
Невѣдомый, смиренный странникъ:
«Грядетъ, онъ, Господа избранникъ,
«Грядетъ на жатву Божій сынъ.
«Въ рукѣ лопата: придетъ время,
«Онъ отребитъ свое гумно,
«Сберетъ пшеничное зерно,
«И въ пламя броситъ злое сѣмя.

«Сильнѣй и впереди меня
«Тотъ, Кто идетъ во слѣдъ за мною:
«Ему,—припавъ къ ногамъ,—не стою
«Я развязать съ ноги ремня.
«Рожденья суетнаго міра,
«Покайтесь: близокъ судъ. Бѣда
«Древамъ, ростущимъ безъ плода:
«При корнѣ ихъ лежитъ сѣкира!»

Такъ говорилъ передъ толпой,
Въ недоумѣньѣ ждавшей чуда,
Покрытый кожею верблюда
Посланникъ Божій, мужъ святой.
Въ картинѣ, полной откровенья,
Все это передалъ ты намъ,

акъ будто отъ Предтечи самъ
ы принялъ таинство крещенья.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: САМОВАРЪ.

округъ стола насъ ждетъ любезная семья.
этотъ часъ люблю — едва ль не лучшій дня,
асъ поэтическій средь прозы черствыхъ сутокъ,
ердечный жизни часъ, веселый промежутокъ
ежду трудомъ дневнымъ и ночи мертвымъ сномъ,
сѣ счеты сведены, — въ придачу мы живемъ;
аботъ житейскихъ нѣтъ, какъ будто не бывало:
егодня съ плечъ слегло, а *завтра* не настало.
асъ дружескихъ бесѣдъ у чайнаго стола!
озяйкѣ молодой и честь, и похвала!
о православному, не на манеръ нѣмецкій,
е жидкій какъ вода, или напитокъ дѣтскій, —
о Русью вѣющій, но сочный, но густой,
ушистый льется чай янтарною струей.
рекрасно!... Но одинъ встрѣчаю недостатокъ:
ѣтъ, быта Русскаго неполонъ отпечатокъ.
дѣ жъ самоваръ родной, семейный нашъ очагъ,
емейный нашъ алтарь, ковчегъ домашнихъ благъ?
ъ немъ льются и кипятъ всѣхъ нашихъ дней
преданья,

Въ немъ Русской старины живутъ воспоминанья;
Онъ уцѣлѣлъ одинъ въ обломкахъ прежнихъ лѣтъ
И къ внукамъ перешелъ неугасимый дѣдъ.
Онъ Русскій *рококо*, нестройный неуклюжій,
Но внутренно хорошъ, хоть не красивъ снаружи;
Онъ лучше держитъ жаръ и подъ его шумокъ
Кипитъ и разговоръ, какъ прыткій кипятокъ.
Какъ много тайныхъ главъ романовъ ежедневныхъ,
Животрепещущихъ романовъ, задушевныхъ,
Которыхъ въ книгахъ нѣтъ — какъ сладко ни пиши!
Какъ много чистыхъ сновъ дѣвической души
И нѣжныхъ ссоръ любви, и примиреній нѣжныхъ,
И тихихъ радостей, и сладостно-мятежныхъ —
При пламени его украдкою зажглось
И съ облакомъ паровъ незримо разнеслось!
Гдѣ только водятся домашніе пенаты,
Отъ золотыхъ палатъ и до смиренной хаты,
Гдѣ мѣдный самоваръ, наслѣдство сироты,
Вдовы послѣдній грошъ и роскошь нищеты. —
Повсюду на Руси святой и православной
Семейныхъ сборовъ онъ всегда участникъ главной.
Нельзя родиться въ свѣтъ, ни въ бракъ вступить нельзя,
Ни «здравствуй!» ни «прощай!» не вымолвятъ друзья,
Чтобъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ конецъ или начал

Кипучій самоваръ, домашній запѣвало,
Не подалъ голоса и не созвалъ семьи.

. . . .

Поэтъ сказалъ—и стихъ его для насъ понятенъ:
«Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!»
Не самоваромъ ли—сомнѣнья въ этомъ нѣтъ—
Былъ вдохновенъ тогда великій нашъ поэтъ?
И тѣнь Державина, здѣсь сѣтуя со мною,
Къ вамъ обращается съ упрекомъ и мольбою
И проситъ, въ честь ему и православью въ честь:
Канфорку бросить прочь, и—самоваръ завесть.

ѲЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

Родился въ 1788 году, скончался въ 1880 году.

I.

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашень,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башень
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,
И, надъ малою рѣкою,
Сталъ великъ и знаменитъ.

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это—матушка Москва!

Кто, силачъ, возьметъ въ-охабку,
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У Святыхъ въ Кремлѣ воротъ?..

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ:—
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!..

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
    Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
    Бурно-пламенная...

И подъ пепломъ ты лежала
    Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
    Неизмѣнною...

Процвѣтай-же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

II.

ПЛАЧЪ ПЛѢННЫХЪ ІУДЕЕВЪ.

(псал. CXXXVI).

Когда, влекомы въ плѣнъ, мы стали
Отъ стѣнъ Сіонскихъ далеки,
Мы слезъ ручьи не разъ мѣшали
Съ волнами чуждыя рѣки.

Въ печали, молча, мы грустили
Все по тебѣ, святой Сіонъ!
Надежды рѣдко намъ свѣтили,
И тѣ надежды были сонъ!...

Замолкли вѣщіе органы,
Затихъ веселый нашъ тимпанъ:
Напрасно намъ гласятъ тираны:—
«Воспойте пѣснь Сіонскихъ странъ.»

Сіона пѣсни—гласъ свободы...
Тѣ пѣсни слава намъ дала;
Въ нихъ тайны мы поемъ природы
И Бога дивнаго дѣла...

Нѣмѣй, органъ нашъ голосистый,
Какъ занѣмѣлъ нашъ въ рабствѣ духъ!
Не опозоримъ пѣсни чистой;
Не ей ласкать злодѣевъ слухъ!...

Увы! неволи дни суровы
Органамъ жизни не даютъ:
Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ.

ИСКАНІЕ БОГА.

Я видѣлъ: смерклись небеса;
Земля дала глухіе стоны;
Возсталъ духъ бурь, сломилъ препоны,
Стопой, какъ жатву смялъ лѣса,
И—горы съ мѣстъ, и горъ обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ разметалъ.
Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ—
Но Бога въ буряхъ не видалъ!

Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ долы, то холмились,
И волновалася земля,
И камни градомъ съ горъ катились,
И грозно небеса дымились...
И трепетный, звалъ Бога я—
Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ Его святыхъ!

Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Отъ молній рдѣетъ сводъ небесъ,
И пышутъ огненные токи,
И на лицѣ полей широкихъ
Все стало пыломъ, все огнемъ—
Но Бога я не видѣлъ въ немъ!
И въ слѣдъ за бурей—тишина;
Душа предчувствіемъ полна;

Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышетъ жизнью неземною...
Все стало сладкой тишиною,
И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога—въ тишинѣ!

ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЧКА.

Скрывалось за горы
Роскошное солнце,
И долгій день лѣтній
Угаснулъ—и вечеръ
Насталъ съ тишиною;
И въ воздухѣ душно.
Зарница играла
По нивамъ волнистымъ
И сизая туча
Вдали загоралась;
Далекое эхо
Въ горахъ рокотало.
Я въ рощѣ тѣнистой
Дышалъ ароматомъ
Цвѣтущаго луга.
Вдругъ птичка слетѣла—
Не знаю откуда—
И, зыблясь на вѣткѣ,
Запѣла уныло,
Уныло и сладко.
Я весь сталъ вниманье
И весь упоенье:
Душа разрывалась
Отъ пѣсни унылой;

Душа восхищалась
Унылою пѣснью.
И отзывъ далекій
Друзей отлученныхъ,
И память о прошломъ,
О дняхъ невозвратныхъ
Бывалаго счастья,
И стоны разлуки,
И шопотъ предчувствій,
Грядущаго тайны—
Все, все выражала
Волшебная пѣсня
Чудесной пѣвицы.
Мнѣ видѣлось: мѣсяцъ
Стоялъ недвижимо
И звѣзды, внимая,
Горѣли яснѣе,
И грохотъ нагорный
Затихъ—и въ забвеньи
Сидѣлъ я до утра,
Мечтая о небѣ.
Пѣвица все пѣла,
Но, вмѣстѣ съ росою,
Подъемлясь все выше,
Какъ искра угасла,
Въ лучахъ утонула.
Откуда ты, птичка,

Небесная радость?
Гдѣ край твой далекій,
Въ которомъ ты, прелесть,
Гостишь неотлетно?
И странникъ печальный
Въ семъ мірѣ мятежномъ,
По сердцу мнѣ чуждомъ,
Услышу-ль опять я
Въ безмолвіи ночи,
Залетная гостья,
Твой голосъ чудесный?
Иль разъ только въ жизни
Онъ смертному слышенъ?

ЯВЛЕНІЕ НЕВѢДОМАГО.

И было-то было въ Виѳарѣ—
Креститель подъ пальмой стоялъ,
А желтый потокъ Іордана
Кипѣлъ, и шумѣлъ, и сіялъ.

Собралося много народу:
И отрокъ, и старецъ сѣдой
Стремились, изъ жажды спасенья,
Живой окатиться водой.

Изъ дальнихъ пустынь на верблюдѣ,
Изъ ближнихъ на статномъ конѣ —
И рабъ, и свободные люди
Спѣшили къ іорданской волнѣ.

Радушно снимая одежды,
Всякъ сердце хотѣлъ обнажать;
А голосъ пустыни—пустыннымъ
Душамъ возвѣщалъ благодать,

Какъ многое тутъ пробудилось!
Всѣ тайны раскрылись сердецъ:
То мытарь блѣднѣлъ и молился,
То въ латахъ смирялся боецъ.

И слезы текли по ланитамъ,
И вздохи кипѣли въ устахъ;
И всѣ торопились омыться
Въ купѣльныхъ іорданскихъ волнахъ.

Но вдругъ вдохновенный Креститель
Воскликнулъ во ушію всѣхъ:
«Глядите! се Агнецъ есть Божій
Отъ міра взимающій грѣхъ!»

И взоры всѣхъ ищутъ кого-то,
Какъ будто видѣнія сновъ;
Глядятъ, вопрошаютъ съ заботой:
«Гдѣ-жь дивный взиматель грѣховъ?»

[redacted]

ГЛИНКА.

И путникъ вдали показался
Величественъ, тихъ, сановитъ;
И шолъ онъ, какъ Божія дума,
Высокою тайной покрытъ.

Такъ ходятъ алмазныя звѣзды
По синимъ своимъ высотамъ,
Сіяньемъ земнымъ обливая,
Не данствуя ихъ суетамъ.

И вспыхнули разныя чувства
На лицахъ людей и въ очахъ:
То вѣра боролась съ невѣрьемъ,
То съ сладкой надеждою страхъ.

Пытливость лукаво глядѣла,
И кротость смиренно ждала:
Что̀ скажетъ невѣдомый путникъ,
Какія проявитъ дѣла?

Отъ путника-жь вѣяло жизнью.
Зане—Онъ и жизнь и любовь;
И будетъ такъ вѣять, доколѣ
Погаснетъ лампада вѣковъ.

ТРОЙКА.

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой.

Ямщикъ лихой—онъ всталъ съ полночи,
Ему взгрустнулося въ тиши—
И онъ запѣлъ про ясны очи,
Про очи дѣвицы—души:

Ахъ, очи, очи голубыя,
Вы сокрушили молодца!
Зачѣмъ, о люди, люди злые,
Вы ихъ разрознили сердца?

«Теперь я бѣдный сиротина!....»
И вдругъ ямщикъ—по всѣмъ по тремъ:
И тройкой тѣшился дѣтина,
И заливался соловьемъ.

КОНДРАТІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ РЫЛѢЕВЪ.

Родился 1796 г.; скончался 1825 г.

I.

СВЯТОПОЛКЪ.

Въ глуши Богемскихъ дикихъ горъ,
Куда ни голосъ человѣка,
Ни любопытства дерзкій взоръ
Не проникалъ еще отъ вѣка,
Гдѣ только въ дебряхъ сѣрый волкъ
Съ щетинистымъ вепремъ встрѣчался—
Братоубійца Святополкъ,
Отъ всѣхъ оставленный, скитался.

Ему былъ страшенъ взоръ людей:
Онъ видѣлъ въ немъ себѣ укоры;
Страдальцу мнилось «ты злодѣй»!
Въ глухихъ отзывахъ вторятъ горы
«Злодѣй!» казалось, вопіютъ
Ему лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И всюду грозныя бѣгутъ
За нимъ убитыхъ братьевъ тѣни.

Изъ дебри въ дебрь, изъ лѣса въ лѣсъ
Въ неистовствѣ перебѣгая,
Встрѣчалъ онъ всюду гнѣвъ небесъ—
И, кончилъ дни свои, страдая.
Никто слезы не уронилъ
На прахъ отверженника неба,
И всѣхъ проклятье заслужилъ
Убійца—братъ святого Глѣба.

И обитатель той земли
Завидѣвъ, трепетомъ объятый
Его могилу издали,
Бѣжа, крестилъ себя трикраты.
Отъ современниковъ до насъ
Дошло ужасное преданье,
И сочеталъ народа гласъ
Съ нимъ окаяннаго прозванье.

И въ страшной повѣсти объ немъ
Его ужасныя злодѣйства
Пересказавъ въ кругу родномъ,
Твердилъ дѣтямъ, отецъ семейства:
«Ужасно быть рабомъ страстей!
Кто разъ ихъ предался стремленью,
Тотъ съ каждымъ днемъ летитъ быстрѣй
Отъ преступленья къ преступленью».

II.

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крилѣ мнѣ голубинѣ—
Да полечу и почію!
Весь міръ какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ;
Творецъ прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ.
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье,
И духъ отъ тѣла разрѣши.

III.

О милый другъ! какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.

Блаженъ кто вѣруетъ, что Богъ единъ—
И миръ, и истина и благо наше!
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твёрдо шествуетъ въ Христовой чашѣ!

Прямой мудрецъ—онъ жребій свой вознёсъ;
Онъ предпочелъ небесное земному—
И какъ Петра, ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.

Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю—сей истинѣ верховной—
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.

Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей;
Но онъ къ безсмертію стезя прямая—
И благовѣствуя, речётъ о ней
Сама намъ истина святая.

«Блаженъ, кого Отецъ нашъ изберетъ—
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ
Того вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ».

Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И, какъ орелъ, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею—
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей, украшенный вѣнкомъ,
Съ мечомъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ль, о, мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты ли геній древнихъ странъ,
Не ты ли сила душъ свободныхъ,
О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Катилины Римъ спасла,
И въ наши дни всегда была
Опорой твердою законовъ!

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;

Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ ареопагу.

О ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой!
Тобою славны на судѣ
И Панинъ нашъ и Долгорукой:
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины,
И вопль и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ
И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
И, страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъ приковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ—достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя—
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи:
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сражонныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечомъ
Вездѣ лилася кровь ручьёмъ.
Увы! Аттилъ, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой,
Но много-ль было Цицероновъ?

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ,
И Брутовъ двухъ и двухъ Катоновъ,
Но намъ ли унывать *душой*,

Пока ещё въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининскихъ времёнъ—
На благо сѣверныхъ племёнъ—
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

И такъ, сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на Провидѣнье!
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ:
Вотще коварство вкругъ шипитъ—
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще не правый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твёрдъ, покоенъ, невредимъ
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ—
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу,

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ:
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ.
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

ВИДѢНІЕ.

ОДА ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, 30-ГО АВГУСТА 1823 ГОДА.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньи:
Подъ сводомъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ,
Екатерины тѣнь паритъ;
Кого то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величіемъ горитъ.

Но вотъ съ устенъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась;
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечь пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща, въ восторгѣ внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Мининъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ—
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнутъ силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ, какъ дымъ,
И улыбаясь, любовалась
Прекраснымъ правнукомъ своимъ.
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный видъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:

«Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла;
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ,
Довольно громко звучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

«Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла:
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина.
Иныя ждутъ тебя дѣла!
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправда съ правдою святой.

«Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеньи сонмъ царей!
Быть можетъ отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ:
Люби народъ, чти власть закона!
Учись заранѣ быть царемъ!

«Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.

Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очистки нравы,
И вѣру утверди въ сердцахъ!

«Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье—истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

«Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ;
Будь Антониномъ на престолѣ;
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари!»

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ.

Родился въ 1802 г., скончался въ 1839 г.

ДВА ОБРАЗА.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И, вѣчно-ясные, надъ сумрачнымъ путемъ
Слились въ созвѣздіи, свѣтились сквозь печали,
И согрѣвали духъ живительнымъ лучемъ.

Я возносился къ нимъ съ молитвой благодарной,
Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня,
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ и врѣзалась въ меня.

Я міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья—
Казалось, предо мной открылся міръ чудесъ;
Онъ ихъ лучами цвѣлъ, и блескъ всего созданья
Былъ отсвѣтъ образовъ, свѣтившихъ мнѣ съ небесъ.

И жаждалъ я на всё пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести...

Я въ море бросился—и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.

Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи,
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ,
На влажную главу подъялъ меня могучій,
Меня недвижнаго понесъ онъ и промчалъ—

И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню.
Что шагъ, то гробъ; на жизнь отвѣтной жизни нѣтъ;
Но я ещё хранилъ души моей святыню.
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ.

Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось,
Всё было ихъ огнемъ; ихъ лучъ меня живилъ;
Но небо надо мной померкло и спустилось—
И пали двѣ звѣзды на камни двухъ могилъ.

Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ...
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ? Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ и съ нѣжностью и страхомъ.
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.

Кто силу воскреситъ потухшихъ впечатлѣній
И въ образы сведетъ несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сновидѣній,
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

И только въ памяти, какъ на плитахъ могилы,
Два имени горятъ; когда я ихъ прочту,
Какъ струны, задрожатъ всѣ жизненныя силы—
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

КЪ ОТЦУ.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Не проницаемою гранью!
За ними полный жизни міръ;
А здѣсь я—одинокъ и сиръ—
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ—
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный.
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной!

Проснется ль тёмный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальный лѣсъ,
Иль золотой аашепчетъ колосъ—
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ,

Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стряхнетъ твой первенецъ—изгнанникъ,
Войдетъ, растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу пріиметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ,
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой!
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!

Меня въ чужбину вихрь умчалъ,
И бросилъ на девятый валъ
Мой челнъ, скользившій безъ кормила:
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ—не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

Съ тѣхъ поръ—займется ли заря—
Молю я солнышко—царя—
И вотъ къ нему мое моленье:
Меня, о солнце воскреси,

И дай мнѣ на святой Руси
Побыть, вздохнуть одно мгновенье!

«Взнеси опять мой бѣдный челнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,
На океанъ твоей державы,
Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей,
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ славы!»

БАРОНЪ АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ ДЕЛЬВИГЪ.

Родился 1798 г., скончался 1831 г.

ОТРЫВОКЪ.

Пѣвецъ, зачѣмъ, когда къ тебѣ стучалась
Красавица вечернею порой,
И тихо грудь подъ дымкой колебалась,
И взоръ свѣтлѣлъ притворною слезой,

Ты позабылъ твой жребій возвышенный
И пренебрегъ душевной чистотой,
И потушивъ въ груди огонь священный,
Ты Бахуса манилъ къ себѣ рукой?...

И Бассарей съ кистями винограда
Къ тебѣ пришолъ, шатаясь на ногахъ,
Съ улыбкой рекъ: «вотъ бѣдствіямъ отрада:
Люби и пей на дружескихъ пирахъ!»

Ты въ руки ковшъ; онъ выжалъ сокъ шипящій,—
И грація закрылася рукой,

гъ тебя мечтаній рой шумящій
ался вслѣдъ невинности златой,

зой удѣлъ у Пинда пресмыкаться;
>удешь къ намъ ты Фебомъ пріобщенъ...
женъ, кто могъ съ невинностью пробраться
зъ грязный міръ, возвышеннымъ плѣненъ!

ВДОХНОВЕНІЕ.

іасто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
раткій мигъ въ душѣ оно горитъ:
)тотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ
ъ мученикъ съ землею разлученье.

друзьяхъ обманъ, въ любви разувѣренье,
дъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
ыты имъ: восторженный піитъ
ь прочиталъ своё предназначенье.

резрѣнный, гонимый отъ людей,
ждающій одинъ подъ небесами,
› говоритъ съ грядущими вѣками;

› ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
› клеветѣ мститъ славою своей,
ѣлится безсмертіемъ съ богами.

РОМАНСЪ.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей,
Ты куда, куда летишь,
Гдѣ всю ночку пропоешь?
Кто то—бѣдная какъ я—
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи въ слезахъ?
Ты лети мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синія моря,
На чужіе берега!
Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и въ городахъ,
Не найти тебѣ нигдѣ
Горемычнѣе меня.
У меня ли у младой
Дорогъ жемчугъ на груди,
У меня ли у младой
Жаръ—колечко на рукѣ,
У меня ли у младой
Въ сердцѣ миленькій дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,

Въ зимнюю ночку на рукѣ
Распаялося кольцо—
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милóй.

РОМАНСЪ.

«Сегодня я съ вами пирую друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ,
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно—но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердце таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая,
«Стыдись», восклицали «мечтатель—пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая!»

Война запылала; къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли—
Я съ ними; но жребья, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали—я часто въ слезахъ
Былъ чорной повязкой украшенъ;
Брань стихла: гдѣ жъ други? лежатъ на поля:
Близь ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ всё мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша вь ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Родился 1799 года, скончался 1837 г.

I.

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
　　На холмѣ тьма сѣдѣетъ,
На воды пала тишина,
　　Съ долины вѣтеръ вѣетъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
　　Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почили средь полей,
　　И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
　　Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
　　И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ
　　Въ кивотѣ небогатомъ,

И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской
Мечтаньемъ вдохновенной,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучный щитъ
    И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
    Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
    И пышитъ бой кровавый—
Прелестна сердцу тишина;
    Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
    И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
    Поэту даръ безцѣнной;
И муза вѣрная со мной:
    Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
    И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
    Пѣвца ты осѣнила;
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
    Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
    Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала преклонясь
    Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой
    До самыхъ вратъ могилы!

Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль,
Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ позднiй часъ;
И смерти добрый генiй
Шепнетъ у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней!...»
Такъ въ зимнiй вечеръ сладкiй сонъ
Приходитъ къ мирной сѣни,
Вѣнчанный макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лѣни...
1815 г.

II.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
Пóлонъ давно.
Пѣною парной
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.

Но за кого-же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!
Бранной забавы
Любить нельзя;
Это веселье
Не веселитъ!
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба,
Пейте, пѣвцы.
Рѣзвой Климены
Ласки—бѣда!
Токъ Иппокрены—
Други, вода!

Пейте за радость
Юной любви.
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я, благодарный,
Пью за вино!

1816 г.

III.

Опять я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ-же вы, но сердце ужъ не то-же:
Уже не вы ему всего дороже,
Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,
Ушла на вѣкъ, и жизни скоротечной
Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной;
Веселіе разсталося съ душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смѣхъ, и рѣзвость и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ лежитъ надъ юною главой.
Напрасно вы, бесѣдою шутливой
И нѣжностью души краснорѣчивой,
Мой тяжкій сонъ хотите перервать!
Все кончилось—и рѣзвости счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печать.
Чтобъ удалить угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Все кончилось, одну печаль я вижу:

Мнѣ страшенъ міръ, мнѣ скученъ дневный свѣтъ;
Пойду въ лѣсá, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
Во тьмѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы,
Не доцвѣли до мѣсячныхъ лучей!
Умчались вы дни радости моей!
Умчались вы—невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.
О дружество, предай меня забвенью!
Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

1816 г.

IV.

СНУ.

Знакомецъ милый и старинной,
О сонъ, хранитель добрый мой!
Гдѣ ты? Подъ кровлею пустынной
Мнѣ ложе стелетъ ужъ покой
Въ безмолвной тишинѣ ночной.
Пріиди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду

Моей мучительной любви!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки грустный приговоръ;
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда-жъ умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если-бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!
1816 г.

V.

ПѢВЕЦЪ.

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали-ль вы?

Встрѣчали-ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды-ли слезъ, улыбку-ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали вы?

Вздохнули-ль вы внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули-ль вы?
1816 г.

VI.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паренья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія *),
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ Музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный **)

---

*) Карамзинъ.
**) Державинъ.

Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты-ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу-ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла,
И тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, Геній вашъ промчался надо мной.
Но что? Подъ грозною Парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
Вражды и зависти угрюмые сыны
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй;
Смѣхъ общій имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.

Ко мнѣ два призрака склонилися главами:
Одинъ на груды сѣлъ и прозы и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель хилый,
Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ,
Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и дактили тугіе.
Ретивой Музою прославленный пѣвецъ!
Гордись, ты Мевія надутый образецъ!
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
А онъ—онъ рифмою попралъ и вкусъ и умъ.
Ты-ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему-ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
Ему-ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье Россіянъ, полунощное диво? *)
Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!

*) Ломоносовъ.

Ужъ на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась Грація цинической свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ Рѣчахъ превознесенъ.
Явится Депрео—исчезнетъ Шапеленъ.
И что-жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
Невѣжду пѣстуетъ невѣжество слѣпое;
Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую Музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнасса мнитъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ;
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой.

Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.
И вы возстаньте-же, Парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель генія, другъ истины—поэтъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона.
Смотрите! Пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
Летите на враговъ—и Фебъ и Музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ;
Спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...

Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ,
Гоненія терпѣть уже-ль и мой удѣлъ?
Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ—что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава имъ же стыдъ, творенья смѣхъ уму—
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

1817 г.

VII.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокой,
И жду: прійдетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,

Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

1821 г.

VIII.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «НАПОЛЕОНЪ».

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?

Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена...

1821 г.

IX.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна златая,
Тише!... чу... гитары звонъ,
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.
Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ,

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!
Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

1824 г.

X.

ПРИЗНАНІЕ

(Къ Александрѣ Ивановнѣ Осиповой)

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасный:
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!
Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ....
Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
Болѣзнь любви въ душѣ моей:
Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
При васъ мнѣ грустно, я терплю;
И мочи нѣтъ, сказать желаю

Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
Когда я слышу изъ гостинной
Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,
Иль голосъ дѣвственный невинной,
Я вдругъ теряю весь свой умъ.
Вы улыбнетесь—мнѣ отрада;
Вы отвернетесь—мнѣ тоска.
За день мученія—награда
Мнѣ ваша блѣдная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,
Я въ умиленьи молча, нѣжно,
Любуюсь вами какъ дитя!...
Сказать ли вамъ мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять порой, въ ненастье,
Вы собираетеся въ даль?
И ваши слезы въ одиночку,
И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
И путешествіе въ Опочку,
И фортепьяно вечеркомъ!
Алина, сжальтесь надо мною!
Не смѣю требовать любви:
Быть можетъ за грѣхи мои,
Мой ангелъ, я любви не стою!
Но притворитесь: этотъ взглядъ

Все можетъ выразить такъ чудно!
Ахъ, обмануть меня не трудно:
Я самъ обманываться радъ!...

XI.

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы и любовь!

1825 г.

XII.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

«Товарищи! Сегодня праздникъ нашъ.
Завѣтный срокъ! Сегодня тамъ, далече,
На пиръ любви, на сладостное вѣче
Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ

Вы собрались мгновенно, молодѣя,
Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
Поговорить на языкѣ Лицея,
И съ жизнью вновь свободно пошалить»,

«На пиръ любви душой стремлюся я...
Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
И праздника порядокъ учреждаю...
Я вдохновенъ... О, слушайте, друзья:
Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!
Садитеся, какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста, въ тѣни святаго крова,
Отличіе предписывало намъ».

«Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій сядетъ первой,
Послѣднимъ я, иль Брогліо, или Данзасъ;
Но многіе не явятся межъ нами...
Пускай друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ.
Они пріидутъ, конечно, надъ водами,
Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ ґустыхъ».

«Они твердятъ томительный урокъ,
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,
Забывъ межъ тѣмъ, полуденный звонокъ.
Они пріидутъ! За праздные приборы
Усядутся; наполнятъ свой стаканъ,

Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
И загремитъ веселый нашъ Пеанъ».

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое неслышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе-ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого недосчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ нами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ, *)
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ Русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,

*) Н. А. Корсаковъ.

Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ Сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь-ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный? *)
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!... Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ войнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ,
И повторялъ на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Срастался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда-бъ ни повело,

*) Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ.

Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ, изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ!

«Мы вспомнили бъ какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы одну всѣ трое полюбили,—
Наперсники, товарищи проказъ!...
И все прошло: проказы, заблужденья!»...

. . . .

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ! Фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ розный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермескихъ дѣвъ,
И ты пришелъ сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! Твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье Музъ не терпитъ суэты:
Прекрасное должно быть величаво;

Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—не поздно! И уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ *), не то-ль и съ нами было
Мой братъ родной по Музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! Душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя мой запоздалый другъ—
Пріийди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... Пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ—и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ—и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!

*) Т. Е. Кюхельбекеръ.

Благослови, ликующая Муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
«Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и планы мирной славы,
И критики лицейскихъ мудрецовъ!»

«О, други, съ мѣстъ! Вторую наливайте!
Полнѣй, полнѣй—и сердцемъ возгоря...
Опять до дна, до капли выпивайте,
Но за кого-жъ?... О други! угадайте...
Ура нашъ Царь! Такъ выпьемъ за Царя!
. . . .
Онъ взялъ Парижъ, и создалъ нашъ Лицей.»

«Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада вожжена...»
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте-же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ—
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;

Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому-жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать прійдется одному?

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай-же онъ съ отрадой, хоть печальной,
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

1825 г.

XIII.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ,
Моихъ зеницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,

Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль пылающій огнемъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

1826 г.

XIV.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ,
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

1827 г.

XV.

ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;

Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;

Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ дикій, и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

1827 г.

XVI.

АНЧАРЪ *).

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

---

*) Древо яда.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною.
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросить
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями,

Принесъ—и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки.
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

1828 г.

XVII.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ;

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!

1829 г.

XVIII.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

1829 г.

XIX.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ,

Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады:
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

XX.

СТАНСЫ *).

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,

*) Чудное это стихотвореніе, какъ говорятъ, написано Пушкинымъ послѣ прочтенія извѣстнаго отвѣта Моск. митрополита Филарета: «Не напрасно, не случайно», на стихи Пушкина: «Даръ напрасный, даръ случайный».

И внемлетъ арѳѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.
1830 г.

XXI.

ПОЭТУ.

(Сонетъ).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной!
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ-ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.
1830 г.

XXII.

ПАЖЪ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минетъ;
Дождусь-ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ, ужъ надъ губой
Могу свой усъ я защипнуть;
Я важенъ, какъ старикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скроменъ,
И между ними есть одна...
И гордый взоръ ея такъ теменъ,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томенъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою Севильскую графиню?...
Нѣтъ, ни за что не назову!

1830 г.

XXIII.

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!

1830 г.

XXIV.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судь-
бою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.

Оставте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ....

За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?.

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.
1831 г.

XXV.

ЭХО.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
    На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
    Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
    И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва.... Таковъ
    И ты, поэтъ!
    1831 г.

XXVI.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой

Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ
Мадоннъ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Тол..ою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой но-
вой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой!

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ
голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла

еликая. Кругомъ—густая мгла;
нный станъ. Спокойный и угрюмый,
, глядитъ съ призпательною думой.
о мысль художникъ обнажилъ,
ковымъ его изобразилъ,
ое то было вдохновенье—
ь ему такое выраженье.

ь несчастливый! Суровъ былъ жребій
твой:
ртву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
аемый для взгляда черни дикой,
ньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
ени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
криками преслѣдуя тебя,
таинственно спасаемый тобою,
надъ твоей священной сѣдиною,
, чей острый умъ тебя и постигалъ,
ду имъ тебя лукаво порицалъ!...
о укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
лъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
полупути былъ долженъ наконецъ
олвно уступить и лавровый вѣнецъ,
асть, и замыселъ, обдуманный глубоко,—
ь полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
ъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
нца веселый свистъ заслышавшій впервой,

Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—

. . . .

. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

1835 г.

XXVII.

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ....

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,

И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

1835 г.

XXVIII.

МОЛИТВА.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыко дней моихъ: Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

1836 г.

XXIX.

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной:
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финъ, и нынѣ дикой
Тунгусъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

1836 г.

XXX.

ВОСПОМИНАНЬЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь,
И сонъ дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья....
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ:
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ....
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.
1828 г.

ИЗЪ ПОЭМЫ: «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ».

Письмо Татьяны къ Онѣгину.

«Я къ вамъ пишу—чего-же болѣ?
Что я могу еще сказать?

Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали-бъ никогда,
Когда-бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала-бъ васъ,
Не знала-бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?)
По сердцу я нашла-бы друга,

Была-бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала-бы сердца я!
То въ Вышнемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба—я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... Нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда-ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты-ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,

Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты-ль съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангелъ-ли хранитель.
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши..
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное...
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ;
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю, страшно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...»

ИЗЪ ГЛАВЫ IV.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ бывало хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя—
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянъ:
Ловласовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно?
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно?
Все тѣ-же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ?
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,

Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей?

Такъ точно думалъ мой Евгеній.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ!

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ-нибудь;
Откажутъ—мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ—радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На вистъ вечерній пріѣзжаетъ,

Садится; кончилась игра,
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ по-утру,
Куда поѣхать ввечеру.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;

Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искуства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда-бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой,
То вѣрно-бъ кромѣ васъ одной,
Невѣсты, не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно-бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

«Но я не созданъ для блаженства,
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостоинъ я.

Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько не любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать—ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите-жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на долго дней!

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако-жъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно—ревнивъ!
Таковъ я. И того-ль искали
Вы чистой и пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...

Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте-жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты:
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною,
Такъ видно небомъ суждено.
Полюбите вы снова; но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ».

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ.
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,

Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило....
Несчастной жертвой Ленскій палъ....
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть.... вотъ блаженство!

«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду на-удачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.

Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я....

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной—
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать—и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойно разговоръ,
Глядѣть на васъ спокойнымъ взглядомъ!...

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ».

ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.

ПИМЕНЪ. (*Пименъ пишетъ передъ лампадо*

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ,
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною....
Давноль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не много лицъ мнѣ память сохранила,

Не много словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

ГРИГОРІЙ (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ?
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ-ли Новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

ПИМЕНЪ.

Проснулся, братъ.

ГРИГОРІЙ.

Благослови меня,
Честный отецъ.

ПИМЕНЪ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

ГРИГОРІЙ.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось.
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно-ли?

ПИМЕНЪ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И, сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,

Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

ГРИГОРІЙ.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ,
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ,
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

ПИМЕНЪ

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь,
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,

Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противъ нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился;
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами;
А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ;
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ-
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадаль
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозн
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:

Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши»,
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыка предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты

Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя,
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

САМОЗВАНЕЦЪ И МАРИНА.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и Царей—
Я міру лгалъ. Но не тебѣ Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безъименный,

Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоенъ быть успѣха своего,
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу-ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу-ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцемъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ Королемъ.
Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье,
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.

О, вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя-ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ іезуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль можетъ быть единымъ царскимъ слово
Какъ царскій сынъ? не такъ ли? говори.

ДИМИТРІЙ (*гордо*).

Тѣнь грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться.
Прощай на вѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
Теперь иду—погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честн
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишъ ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ польской дѣвѣ,
Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ—что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

МАРИНА.

Постой, царевичъ. Накопецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа;
Съ тобою, князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ московскій—
Тогда за мной шли брачнаго посла!
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога

Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слышать я (*уходитъ*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ—легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ іезуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣт
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалит
Змѣя! змѣя! не даромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чучь не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

ЦАРЬ И ѲЕДОРЪ.

ЦАРЬ.

Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. (*Всѣ удаляются*) Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь.... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже

Душевнаго спасенья.... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ-бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли

И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья,—
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со-временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный,
Будь молчаливъ! не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.

Въ семьѣ своей будь завсегда главой,
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ БАРАТЫНСКІЙ.

Родился въ 1800 году, скончался въ 1844 году.

I.

Завыла буря; хлябь морская
Клокочетъ и реветъ, и черные валы
Идутъ, до неба возставая,
Бьютъ, гнѣвно пѣняся, въ прибрежныя скалы.

. . . .

Когда придетъ желанное мгновенье,
Когда волнамъ твоимъ я ввѣрюсь, океанъ?
Но знай: красой далекихъ странъ
Не очаровано мое воображенье.
Подъ небомъ лучшимъ обрѣсти
Я лучшей доли не съумѣю;
Вновь не смогу душой моею
Въ краю цвѣтущемъ разцвѣсти.
Межь тѣмъ отъ прихоти судьбины,

Межъ тѣмъ отъ медленной отравы бытія
Въ покоѣ раболѣпномъ я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ,
Она отраднѣе гордынѣ человѣка!
Какъ жаждалъ радостей младыхъ
Я на зарѣ младаго вѣка,
Такъ нынѣ, океанъ, я жажду бурь твоихъ.

II.

Я возвращусь къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!
Я возвращусь къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другія чтутъ приличія законы;
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ;
Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтренныхъ желаній,
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастія, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженикъ, спѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаннымъ сномъ, подъ кровлей родимой.
О домъ отеческій! о край всегда любимой!
Родныя небеса! незвучный голосъ мой,

Въ стихахъ задумчивыхъ, васъ пѣлъ въ странѣ
чужой,
Вы мнѣ повѣете спокойствіемъ и счастьемъ,
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный не-
настьемъ,
Съ улыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ,
И бури грозный свистъ и волнъ мятежный ревъ;
Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ,
Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ,
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.
Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!

. . . .

Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ, и цвѣтовъ разскажешь имена;
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣетъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ;
Приду съ тобой садить коренья и цвѣты.
О подвигъ благостный! не тщетенъ будешь ты:
Богиня пажитей признательнѣй фортуны!
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и
струны;
Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за легкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу;

А тамъ, гдѣ ручеекъ по бархатному лугу
Катитъ задумчиво пустынныя струи,
Въ весенній ясный день я самъ, друзья мои,
У брега насажу лѣсокъ уединенный,
И липу свѣжую и тополь осребренный;
Въ тѣни ихъ отдохнетъ мой правнукъ молодой;
Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой,
И вмѣсто мрамора, положитъ на гробницу
И мирный заступъ мой и мирную цѣвницу.

III.

Разстались мы; на мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя;
Словамъ любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьемъ!
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего;
Лишь началъ сонъ... исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего.

IV.

Желанье счастія въ меня вдохнули боги:
Я требовалъ его отъ неба и земли,
И въ слѣдъ за призракомъ, манящимъ издали,
Жизнь перешелъ до полъ-дороги;
Но прихотямъ судьбы я болѣ не служу:
Счастливый отдыхомъ, на счастіе похожимъ,
Отнынѣ съ рубежа на поприще гляжу,
И скромно кланяюсь прохожимъ.

V.

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи: восторгомъ ожиданья,
Что-жь не трепещетъ грудь моя?
Не мнѣ роптать; но дни печали,
Быть можетъ, поздно миновали:
Съ тоской на радость я гляжу,
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполнѣ:

Все мнится, счастливъ я ошибкой
И не къ лицу веселье мнѣ.

VI.

Когда печалью вдохновенный
Пѣвецъ печаль свою поетъ,
Скажите: отзывъ умиленный
Въ какомъ онъ сердцѣ не найдетъ?
Кто вѣковыхъ проклятій жаденъ
Дерзнетъ осмѣивать ее?
Но для притворства всякій хладенъ,
Плачъ подражательный досаденъ,
Смѣшно жеманное вытье!
Не напряженнаго мечтанья
Огнемъ услужливымъ согрѣтъ,
Постигнулъ таинства страданья
Душемутительный поэтъ.
Въ борьбѣ съ тяжелою судьбою
Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
Сердечныхъ судорогъ цѣною
Онъ выраженье ихъ купилъ.
И вотъ нетлѣнными лучами
Ликъ пѣснопѣвца окруженъ
И чтимъ земными племенами

Подобно мученику онъ,
А ваша муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участіе въ сердцахъ,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

VII.

Нѣтъ, обманула васъ молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я фиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца;
Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ староверца.

VIII.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой.
Соединяй протяжный вой,
Съ протяжнымъ отзывомъ долины,

Я слышу: свищетъ Аквилонъ,
Качаетъ елію скрыпучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашонъ.

Зачѣмъ, съ безумнымъ ожиданьемъ,
Къ тебѣ прислушиваюсь я?
Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?

Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Рѣчь безглагольную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

IX.

Когда взойдетъ денница золотая,
Горитъ эфиръ,
И ото сна встаетъ благоухая
Цвѣтущій міръ,

И славитъ все существованья сладость;
Съ душой твоей,
Что въ пору ту? скажи: живая радость,
Тоска-ли въ ней?

Когда на дѣвъ цвѣтущихъ и привѣтныхъ,
Передъ тобой
Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣтныхъ,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь ихъ томныхъ взоровъ сладость;
Съ душой твоей,
Что въ пору ту? скажи: живая радость,
Тоска-ли въ ней?

Страдаю я! Изъ-за дубравы дальной
Взойдетъ заря,
Міръ озаритъ, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья въ сладость,
Душѣ моей
Противенъ онъ! что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мнѣ долгій взоръ?
Обманчивъ онъ! знакомъ съ его отравой
Я съ давнихъ поръ.

Обманчивъ онъ! его живая сладость
        Душѣ моей
Страшна теперь! что прежде было въ радость,
        То въ муку ей.

X.

Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь,
Не въ дни веселые живительнаго Мая,
Когда зелеными вѣтвями помавая,
Манишь ты путника въ свою густую тѣнь;
        Когда ты вѣешь ароматомъ
Тобою бережно взлелѣянныхъ цвѣтовъ.
        Подъ очарованный твой кровъ
        Замедлилъ я моимъ возвратомъ:
Въ осенней наготѣ стояли дерева
        И непривѣтливо чернѣли;
Хрустѣла подъ ногой замерзлая трава,
И листья мертвые волнуяся шумѣли;
        Съ прохладой рѣзкою дышалъ
        Въ лицо мнѣ запахъ увяданья;
Но не весенняго убранства я искалъ,
        А прошлыхъ лѣтъ воспоминанья.
Душей задумчивый, медлительно я шелъ
Съ годовъ младенческихъ знакомыми тропами;

Художникъ опытный ихъ нѣкогда провелъ:
Увы! рука его изглажена годами!
Стези заглохшія, мечтаешь, пѣшеходъ
Случайно протопталъ. Сошелъ я въ долъ завѣтный,
Долъ, первыхъ думъ моихъ лелѣятель привѣтный
Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,
Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памятной каскады;
Тамъ, думалъ я, къ душѣ моей
Толпою полетятъ видѣнья прежнихъ дней...
Вотще! лишенные хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Ихъ ложе поросло травою,
Пріютъ хозяйственный въ немъ улья обрѣли,
И легкая тропа исчезла предо мною:
Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣталъ!
Но вотъ по прежнему, лѣсистымъ косогоромъ,
Дорожка смѣлая ведетъ меня... обвалъ
Вдругъ поглотилъ ее... я сталъ
И глубь нежданную измѣрилъ грустнымъ взоромъ;
Съ недоумѣніемъ искалъ другой тропы.
Иду я: гдѣ бесѣдка тлѣетъ
И въ прахѣ передъ ней лежатъ ея столпы,
Гдѣ остовъ мостика дряхлѣетъ.
И ты, величественный гротъ,
Тяжело-каменный постигнутъ разрушеньемъ

И угрожаетъ ужъ паденьемъ
Бывало, въ лѣтній зной, прохлады полный сводъ!
Что-жъ? пусть минувшее минуло сномъ летучимъ!
Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,
И обаяніемъ могучимъ
Исполненъ для души моей.
Онъ не былъ мыслію, онъ не былъ сердцемъ хладенъ,
Тотъ, кто глубокой нѣги жаденъ,
Ихъ своенравный бѣгъ тропамъ симъ указалъ,
Кто, преклоняя слухъ къ мечтательному шуму
Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей питалъ
Ему сочувственную думу.
Давно, кругомъ меня, о немъ умолкнулъ слухъ,
Пріяла прахъ его далекая могила,
Мнѣ память образа его не сохранила,
Но здѣсь еще живетъ его доступный духъ;
Здѣсь, другъ мечтанья и природы,
Я познаю его вполнѣ:
Онъ вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,
Онъ славить мнѣ велитъ лѣса, долины, воды;
Онъ убѣдительно пророчитъ мнѣ страну,
Гдѣ я наслѣдую безсмертную весну,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ въ сладостной сѣни невянущихъ дубровъ

У нескудѣющихъ ручьевъ
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу.

XI.

РАЗУВѢРЕНІЕ.

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь,
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!
Слѣпой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнемъ слова,
И другъ заботливый, больнова
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье:
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

XII.

ЧЕРЕПЪ.

Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльной!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:
Ужасный видъ! какъ сильно поражонъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала:
Когда-бъ тогда, когда-бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важной сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человѣкъ! увѣрься наконецъ—
Не для тебя, ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушитъ
И отъ гробовъ отвѣта не получитъ:
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ.

XIII.

Судьбой наложенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ и вновь
Я вижу васъ, родныя степи,
Моя начальная любовь.

Степнова неба сводъ желанной,
Степнова воздуха струи,
На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатѣ двухъ холмовъ
И скромный домъ въ садовой чащѣ —
Пріютъ младенческихъ годовъ.

Промчалось ты, златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ
И наблюдалъ людское племя
И наблюдая возскорбилъ.

Ко благу пылкое стремленье
Отъ неба было мнѣ дано;
Но обрѣло-ли раздѣленье,
По принесло-ли плодъ оно?...

Я братьевъ зналъ; но сны младые
Соединили насъ на мигъ:
Далече странствуютъ иные
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.

Я твой, родимая дуброва!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова,
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привелъ подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней милой, быть мой утая,
Другихъ урочищей вселенной
Не буду помнить бытія.

Пускай о свѣтѣ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

XIV.

МАДОНА.

Близь Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ).

Межь древнихъ развалинъ стояла лачушка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ.

И дочка порою душой унывала;
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.

Не плачь, не крушися ты, солнце мое!
Тогда утѣшала старушка ее.

Не плачь, перемѣнится доля крутая:
Придетъ къ намъ на помощь Мадона святая.

Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ:
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ!

Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало крестилась дрожащей рукою.

И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она съ умиленнымъ и кроткимъ лицомъ,

На живопись темную взоръ подымала,
Что уголъ въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда ихъ тѣснитъ,
Дочь плачетъ, старушка свое говоритъ.

Съ утра по руинамъ бродилъ любопытный:
Забылся, красѣ ихъ дивясь ненасытный.

Кровъ нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей:
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.

На лавку садился пришлецъ утомленный;
Но вспрянулъ, картиною вдругъ пораженный.

«Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ! Корреджій, твоя!

И въ хижинѣ этой творенье таится,
Которымъ и царскій дворецъ возгордится!

Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее я сто піастровъ даю».

—Сеньоръ, я бѣдна, но душой не торгую:
Продать не могу я икону святую.

«Я двѣсти даю, согласися продать».
—Сеньоръ, Сеньоръ! бѣдность грѣшно искушат

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ:
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадона святая.

XV.

Слыхалъ я, добрые друзья,
Что наши прадѣды въ печали

Бывало бѣса призывали:
Имъ подражаю въ этомъ я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не съ проклятымъ сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старой Громобой;
Узнайте: ласковый бѣсенокъ
Меня младенцемъ навѣщалъ
И колыбель мою качалъ
Подъ шопотъ легкихъ побасенокъ.
Съ тѣхъ поръ я вышелъ изъ пеленокъ,
Между мужами возмужалъ,
Но для него еще ребенокъ:
Случится-ль горе иль бѣда,
Иль безотчетно иногда
Сгруснется мнѣ въ моей конуркѣ,—
Махну рукой: по старинѣ
На сѣромъ волкѣ, сивкѣ буркѣ
Онъ мигомъ явится ко мнѣ.
Больному духу здравьемъ свиснетъ,
Бобами думу разведетъ,
Живой водой веселье вспрыснетъ,
А горе мертвое зальетъ.
Когда въ задумчивомъ совѣтѣ
Съ самимъ собой, изъ-за угла
Гляжу на свѣтъ и видя въ свѣтѣ
Свободу глупости и зла,

Добра и разума прижимку,
Насильемъ сверженный законъ,
Я слабымъ серцемъ возмущёнъ;
Проворно шапку невидимку
На шаръ земной набросить онъ;
Или въ мгновеніе зеницы,
Чудéсный коврикъ самолéтъ
Онъ подомною развернетъ
И коврикъ тотъ въ сады жаръ-птицы,
Въ чертоги дивной царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай владѣнье грустной были
Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

XVI.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала и старецъ великой смѣжилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ,
Въ предѣлѣ земномъ все земное.
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царской чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ
И въ небѣ земное его не смутитъ.

XVII.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака.

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхой листъ,

Какъ прежде, подъ моей ногой
И шуменъ и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый, жаворонокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей
И съ птичкой птичка! съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!

За чѣмъ такъ радуетъ ее
И солнце, и весна!
Ликуетъ ли какъ дочь стихій
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на немъ
Забвенья мысли пьетъ,
Кого далеко отъ нее
Онъ дивный унесетъ!

XVIII.

На что вы, дни! Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнитъ....
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулитъ.

Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь,—а оно

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣняя,
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ кане
Вѣнецъ пустаго дня.

НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

Родился въ 1803 г., скончался въ 1846 г.

МОЛИТВА.

Молю святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени;
Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

ЭЛЕГІЯ.

Любовь, любовь веселымъ днемъ
И мнѣ, я помню, ты свѣтила;
Ты мнѣ восторги окрилила,
Ты назвала меня пѣвцомъ.

21

Волшебна ты, когда впервые
Въ груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучатъ и блещутъ золотые!

Свѣтлѣе зеркальныхъ зыбей,
Звѣзды прелестнѣе разсвѣтной,
Пышнѣе ленты огнецвѣтной,
Повязки сладостныхъ дождей,

Твои надежды: но умчится
Очаровательный ихъ сонъ;
Зови его—не внемлетъ онъ,
И сердцу снова не приснится.

ГЕНІЙ.

Когда гремя и пламенѣя
Пророкъ на небо улеталъ—
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она!—

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величьѐ познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ...
И міру новыя свѣтила—
Дѣла избранника небесъ!

КЪ МУЗѢ.

Мой ангелъ милый и прекрасный,
Богиня мужественныхъ думъ!
Ты занимала сладострастно,
Ты нѣжила мой юный умъ.
Служа тебѣ, тобою полный,
Не видѣлъ я, не слышалъ я,
Какъ на пучинѣ бытія
Росли, текли, шумѣли волны.
Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
Великій міръ уединенья:
Благообразныя ко мнѣ
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,

Твоимъ величьемъ величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, какъ слава...
И весело мои мечты,
Тобой водимыя, играли;
Тебѣ стихи мои звучали
Живые, свѣтлые, какъ ты.
Такъ разноцвѣтными огнями
Блеститъ рѣчная глубина,
Когда торжественно мирна,
Въ одеждѣ убранной звѣздами,
По поднебесью ночь идетъ
И смотрится въ лазури водъ

ВЕЧЕРЪ.

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.
Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,

Влюбленный юноша и дѣва молодая
Бродили вдоль рѣки; казалося, для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,
Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась, и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

НОЧЬ.

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны,
Тамъ подъ горой едва, едва
Бѣжитъ, журчитъ ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивныхъ сновидѣній!
Какъ сладостно ласкаешь ты
Уединенныя мечты
И нѣгу вольныхъ вдохновеній!

Онъ отдыхаетъ, грѣшный свѣтъ:
Главу страдальца утомило
Однообразіе суетъ,
Страстей и чувственности милой.
О, ночь! пошли ему покой,

Даруй видѣнья золотыя,
Да улелѣянный тобой
Забудетъ онъ и шумъ дневной,
И страхи, и надежды злыя.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья,
Тамъ, гдѣ поэтъ своей души
Свершаетъ стройныя творенья;
Пускай торжественный восходъ
Великолѣпнаго свѣтила
Его безсоннаго найдетъ,
И снова думъ его полетъ,
Подыметъ божеская сила!

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА.

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей,
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

Тамъ, гдѣ на долъ съ горы отлогой
Разнообразно сходитъ боръ,
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой,
Гдѣ древнимъ садомъ окруженъ,
Господскій домъ уединенный,
Дряхлѣетъ памятникъ почтенный
Елисаветиныхъ временъ,—

Насъ, полныхъ юности и вольныхъ,
Тамъ было трое: два пѣвца,
И онъ, краса ночей застольныхъ,
Кипѣвшій силами бойца,
Онъ, послѣ кинувшій забавы,
Себѣ избравшій ратный путь,
И освѣтившій въ полѣ славы
Свою студенческую грудь.

Вонъ тамъ—обоями худыми
Гдѣ—гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
И ты, пришедшая къ столу,—

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли—и порой

Къ своей веснѣ переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры,
И звонъ стакана объ стаканъ.

Ужъ гаситъ ночь свои свѣтила,
Зарей алѣетъ небосклонъ;
Я помню, что-то намъ про сонъ
Давнымъ-давно ты говорила—
Напрасно! взялъ свое Токай,
Шумнѣй удалая пирушка:
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай!—

Ты разскажи намъ: въ дни былые,
Не правда-ль? не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не такъ бывало! Слава Богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудренѣй и мудренѣй.

И мы... какъ дѣтство шаловлива,
Какъ наша молодость вольна,
Какъ полнолѣтіе умна,
И какъ вино краснорѣчива,

Со мной бесѣдовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вотъ тебѣ поминовенье,
На гробъ твой свѣжіе цвѣты!

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Предъ нимъ печальной головою
Склонюся; много вспомню я—
И умиленною мечтою
Душа разнѣжится моя!

ПОЭТУ.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово:

Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно-ли сіяніе денницы,
Ужасенъ-ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ;
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ.
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли не подкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ нимъ.

И святъ, о Боже! Твой избранникъ!
Мечомъ-ли руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ-ли онъ: Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ-ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ CXXXVI.

Въ дни плѣна, полные печали
На Вавилонскихъ берегахъ,
Среди враговъ мы возсѣдали
Въ молчаньи горькомъ и слезахъ,
Тамъ вопрошали насъ тираны,
Почто мы плачемъ и грустимъ.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте вашъ Ерусалимъ.
Нѣтъ! Свято намъ воспоминанье
О славной родинѣ своей;
Мы не дадимъ на посмѣянье
Высокихъ пѣсень прошлыхъ дней!
Твои, Сіонъ! онѣ прекрасны!
Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкій мой тимпанъ!
Окаменѣй языкъ лукавый,
Когда забуду грусть мою,
И пѣснь отечественной славы
Ея губителямъ спою.
А Ты, среди огней и грома,
Намъ даровавшій свой законъ,
Напомяни сынамъ Эдома
День, опозорившій Сіонъ,

Когда они въ весельи дикомъ,
Убiйства шумные виномъ,
Насъ оглушали грознымъ крикомъ:
«Все истребимъ, всѣхъ поженемъ!»
Блаженъ, кто смѣлою десницей
Оковы плѣна сокрушитъ,
Кто плачъ Израиля сторицей
На притѣснителяхъ отмститъ!
Кто въ домъ тирана мечь и пламень
И смерть ужасную внесетъ,
И съ яркимъ хохотомъ о камень
Его младенцевъ разобьетъ!

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Всевышнiй граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И геллеспонтская пучина
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморiе кругомъ.

По всей пространной Византiи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ

Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла:

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ,
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли

Носись душой превыше праха,
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

САМПСОНЪ.

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и князья филистимской земли,
Себѣ на потѣху они и Сампсона
Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла,
Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей;

И пышное лоно, и звукъ любострастной
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далида, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила,
Какой не дано ни кому.

И Бога забылъ онъ,—и падшаго взяли
Сампсона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Сампсонъ;
Но выросли кудри его,—но смирился,
И Богу покаялся онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ;
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ!

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;

Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ,
Могучи его рамена.

О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о мой Боже, послѣдней мольбѣ
Сампсона! и крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Сампсона,
И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ,
И пала божница.... и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ....

ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ.

Родился въ 1803 г., скончался въ 1873 г.

I.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужь весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ;

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

II.

Что ты клонишь надъ водами
Ива, макушку свою,
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей,
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И на солнцѣ нѣжась, блещетъ
И смѣется надъ тобой.

III.

ВЕСНА.

Какъ ни гнететъ рука судьбины,
Какъ ни томитъ людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце какъ ни полно ранъ,
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы не были подчинены,—
Что̀ устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны?

Весна—она о васъ не знаетъ,
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ,
И ни морщины на челѣ...
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ,
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ.

Цвѣтами сыплетъ надъ землею,
Свѣжа, какъ первая весна!
Была-ль другая передъ нею—
О томъ не вѣдаетъ она.
По небу много облакъ бродитъ.
Но эти облака ея:
Она ни слѣду не находитъ
Отцвѣтшихъ весенъ бытія.

Не о быломъ вздыхаютъ розы
И соловей въ ночи поетъ,
Благоухающія слезы
Не о быломъ Аврора льетъ,
И страхъ кончины неизбѣжной
Не свѣетъ съ древа ни листа,
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,
Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной,
Приди-жь, отвергни чувствъ обманъ
И ринься, бодрый, самовластный,
Въ сей животворный океанъ!
Приди—струей его эфирной
Омой страдальческую грудь,
И жизни божески-всемірной
Хотя на мигъ причастенъ будь!

IV.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерѣлъ, мы были двое,
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ бѣлѣя,
Руина зáмка вдаль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
На мглистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой....
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ зáмкомъ, и съ тобой.

И вѣтеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ,
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно вдаль глядѣла....
Край неба дымно гасъ въ лучахъ;
День догоралъ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты, съ веселостью безпечной,
Счастливый провожала день...
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

V.

Душа моя—элизіумъ тѣней!
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ годины буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ,

Душа моя—элизіумъ тѣней!
Что̀ общаго межь жизнью и тобою,
Межь вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней
И сей безчувственной толпою?

VI.

Востокъ бѣлѣлъ.... ладья катилась,
Вѣтрило весело звучало!
Какъ опрокинутое небо
Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ... Она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало,
Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало...

Востокъ вспылалъ... Она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневыя....

VII.

ДЕНЬ И НОЧЬ.

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безъимянной,
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.
День—сей блистательный покровъ—
День земнородныхъ оживленье,

Души болящей исцѣленье
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла—и съ міра роковаго
Ткань благодатную покрова
Собравъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отъ чего намъ ночь страшна.

VIII.

НЕ ВѢРЬ, НЕ ВѢРЬ ПОЭТУ.

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!
Его своимъ ты не зови,
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви.

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всесиленъ, какъ стихія,—
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодыя
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поноситъ или хвалитъ
Поэта—суетный народъ:
Онъ не змѣею сердце жалитъ,
Но какъ пчела его сосетъ.

Твоей святыни не нарушитъ
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ жизнь задушитъ,
Иль унесетъ за облака.

IX.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,

Повисли перлы дождевые
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

X.

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутитъ небесную лазурь,
И опрометчиво—безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ,—
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримою пятой
Лѣсные гнутся исполины;

Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой,—
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутясь, слетаетъ на дорогу...

XI.

СЛЕЗЫ.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

XII.

Я очи зналъ,—о, эти очи!
Какъ я любилъ ихъ—знаетъ Богъ!
Отъ ихъ волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не могъ.

Въ непостижимомъ этомъ взорѣ,
Жизнь обнажающемъ до дна,
Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!

Дышалъ онъ грустный, углубленный
Въ тѣни рѣсницъ ея густой,
Какъ наслажденье—утомленный
И какъ страданье—роковой.

И въ эти чудныя мгновенья
Ни разу мнѣ не довелось
Съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья,
И любоваться имъ безъ слезъ.

XIII.

НАШЪ ВѢКЪ.

Москва, 30 іюля 1853 года.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ,
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ...
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.

Не скажетъ вѣкъ, съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
«Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
«Приди на помощь моему невѣрью!...»

XIV.

Теперь тебѣ не до стиховъ,
О слово русское, родное!
Созрѣла жатва, жнецъ готовъ,
Настало время не земное...

Ложь воплотилася въ булатъ,
Какимъ-то Божьимъ попущеньемъ
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ
Тебѣ грозитъ ниспроверженьемъ...

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя свѣта и свободы!

Тебѣ они готовятъ плѣнъ,
Тебѣ пророчатъ посрамленье,—
Ты—лучшихъ, будущихъ временъ,
Глаголъ, и жизнь, и просвѣщенье!

О, въ этомъ испытаньи строгомъ,
Въ послѣдней, въ роковой борьбѣ,
Не измѣни-же ты себѣ
И оправдайся передъ Богомъ...

XV.

НА НОВЫЙ 1855 ГОДЪ.

Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою:
Не намъ сорвать съ нея покровъ...
Я не свое тебѣ открою,
А бредъ пророческій духовъ.

Еще намъ далеко до цѣли:
Гроза реветъ, гроза растетъ,
И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ, родится новый годъ.

Черты его ужасно строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ;

Но не однѣ войны тревоги
Несетъ онъ людямъ на землѣ.

Не просто будетъ онъ воитель,
Но исполнитель Божьихъ каръ,—
Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.

Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
Другой—сѣкира палача.

Но на кого?... Одна-ли выя,
Народъ-ли цѣлый обреченъ?...
Слова не ясны роковыя,
И смутенъ замогильный стонъ.

XVI.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,

Чтò сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной,

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь небесный
Исходилъ благословляя.

XVII.

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
И сонъ разгонитъ и туманы....
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
Чтò гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ....
Кто ихъ излечитъ, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа....

XVIII.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Ты взялъ свой день.... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка
И возвратилъ семьѣ меньшую братью...
19-го февраля 1861 года.

XIX.

ПРИ ПОСЫЛКѢ НОВАГО ЗАВѢТА.

Не легкій жребій, не отрадный,
Былъ вынутъ для тебя судьбой,
И рано съ жизнью безпощадной
Вступила ты въ неравный бой.

Ты билась съ мужествомъ немногихъ,
И въ этомъ роковомъ бою—
Изъ испытаній самыхъ строгихъ
Всю душу вынесла свою.

Нѣтъ, жизнь тебя не побѣдила,
И ты въ отчаянной борьбѣ
Ни разу, другъ, не измѣнила
Ни правдѣ сердца, ни себѣ.

Но скудны всѣ земныя силы:
Разсвирѣпѣетъ жизни зло—
И намъ, какъ на краю могилы,
Вдругъ станетъ страшно, тяжело.

Вотъ, въ эти-то часы, съ любовью,
О книгѣ сей ты вспомяни—
И всей душой какъ къ изголовью,
Къ ней припади—и отдохни.

1861 г.

XX.

НИЦЦА.

О, этотъ югъ! о, эта Ницца!...
О, какъ ихъ блескъ меня тревожитъ!
Мысль, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ и не можетъ....
Нѣтъ ни полета, ни розмаху,
Висятъ поломанныя крылья,
И вся дрожитъ, прижавшись къ праху,
Въ сознаньи грустнаго безсилья....

XXI.

НА КОНЧИНУ Е. И. В. ГОСУДАРЯ-НАСЛѢ
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Все рѣшено, и онъ спокоенъ—
Онъ, претерпѣвшій до конца—
Знать, онъ предъ Богомъ былъ достоенъ
Другаго, лучшаго вѣнца!

Другаго лучшаго наслѣдства,
Наслѣдства Бога своего,—
Онъ, наша радость съ малолѣтства,
Онъ былъ не нашъ, онъ былъ Его....

Но между нимъ и между нами
Есть связи естества сильнѣй:
Со всѣми русскими сердцами
Теперь онъ молится о ней,—

О ней, чью горечь испытанья
Пойметъ, измѣритъ только Та,
Кто, освятивъ собой страданье,
Стояла, плача, у креста....

XXIII.

НА СМЕРТЬ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
Немного было-бъ у него враговъ,
Когда бы не твои, Россія!

XXIV.

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА.

Великій день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Чтò скажемъ здѣсь передъ отчизной,
На что-бъ откликнулась она?

Какой хвалой благоговѣйной,
Какимъ сочувствіемъ живымъ
Мы этотъ славный день почтимъ—
Народный праздникъ и семейный?

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ,—
Тебѣ, нашъ добрый, чистый геній,

Средь колебаній и сомнѣній
Много-тревожныхъ этихъ лѣтъ?

При этой смѣси безобразной—
Безсильной правды, дерзкой лжи—
Такъ ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной,

Души, какой твоя была,
Какъ здѣсь она еще боролась,
Но на призывный Божій голосъ
Неудержимо къ цѣли шла?

Мы скажемъ, будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой,
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
Духъ цѣломудренно-свободный,

Умѣвшій все совокупить
Въ ненарушимомъ полномъ строѣ,
Все человѣчески-благое,
И русскимъ чувствомъ закрѣпить,—

Умѣвшій, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи...

XXV.

СЛАВЯНАМЪ.

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ славянщины концовъ!
Привѣтъ нашъ всѣмъ вамъ—безъ изъятья!
Для всѣхъ семейный пиръ готовъ!
Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви:
Но знайте, гости дорогіе,
Вы здѣсь—не гости, вы—свои!

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей,—
Здѣсь, гдѣ господство не знакомо
Иноязыческихъ властей!
Здѣсь, гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ одинъ для всѣхъ,
И не считается славянство
За тяжкій первородный грѣхъ!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы—народъ единый,
Единой матери сыны!
Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насъ:

Вамъ—не прощается Россія,
Россіи—не прощаютъ васъ!

Смущаетъ ихъ, и до испугу,
Что вся славянская семья
Въ лицо и недругу и другу
Впервые скажетъ—это я!
При неотступномъ вспоминаньи
О длинной цѣпи злыхъ обидъ,
Славянское самосознанье,
Какъ Божья кара, ихъ страшитъ!

Давно на почвѣ европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ—насилье и обманъ...
И закрѣпила стародавность
Ихъ, какъ наслѣдіе Славянъ.

И то, что дѣлалось вѣками,
Не оскудѣло и по-днесь,
И тяготѣетъ и надъ нами—
Надъ нами, собранными здѣсь...
Еще болитъ отъ старыхъ болей
Вся современная пора:
Не тронуто Коссово поле,
Не срыта Бѣлая гора!

А между тѣмъ позоръ не малый
Въ славянской, всѣмъ родной средѣ,—
Лишь тотъ ушелъ отъ ихъ опалы
И не подвергся ихъ враждѣ,
Кто для своихъ всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ:
Они лишь нашего Іуду
Честятъ лобзаніемъ своимъ.

Опально-міровое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгодъ,
И грянетъ кликъ къ объединенью,
И рухнетъ то, что̀ дѣлитъ насъ?...
Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:
Ему извѣстны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога
Ужь въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...
Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
И судъ Его не оскудѣлъ...
И слово—Царь Освободитель—
За русскій выступитъ предѣлъ!

XXVI.

ВЕЧЕРЪ.

Какъ тихо вѣетъ надъ долиной
Далекій колокольный звонъ,—
Какъ шорохъ стаи журавлиной—
И въ шумѣ листьевъ замеръ онъ.

Какъ море вешнее въ разливѣ,
Свѣтлѣя, не колышетъ день,—
И торопливѣй, молчаливѣй
Ложится по долинѣ тѣнь.

XXVII.

ВЕСНА.

Зима не даромъ злится:
Прошла ея пора;
Весна въ окно стучится
И гонитъ со двора.

И все засуетилось,
Все гонитъ зиму вонъ,

И жаворонки въ небѣ
Ужь подняли трезвонъ.

Зима еще хлопочетъ
И на весну ворчитъ,
Та ей въ глаза хохочетъ,
И пуще лишь шумитъ!

Взбѣсилась вѣдьма злая
И, снѣгу захватя,
Пустила, убѣгая,
Въ прекрасное дитя.

Веснѣ и горя мало:
Умылася въ снѣгу,
И лишь румянѣй стала
На-перекоръ врагу.

XXVIII.

СУМЕРКИ.

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ,—
Жизнь, диженье разрѣшились
Въ сумракъ зыбкій, въ дальный гулъ...

Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухѣ ночномъ...
Часъ тоски невыразимой!
Все во мнѣ—и я во всемъ!...

Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лейся въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства—мглой самозабвенья
Переполни черезъ край,
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай.

XXIX.

Еще земли печаленъ видъ,
А воздухъ ужь весною дышетъ
И мертвый въ полѣ стебль колышетъ,
И елей вѣтви шевелитъ.

Еще природа не проснулась,
Но сквозь рѣдѣющаго сна
Весну прослышала она—
И ей невольно улыбнулась.

Душа, душа, спала и ты...
Но что же, вдругъ, тебя волнуетъ,
Твой сонъ ласкаетъ и цѣлуетъ
И золотитъ твои мечты?

Блестятъ и таютъ глыбы снѣга,
Блеститъ лазурь, играетъ кровь...
Или весенняя то нѣга?
Или то женская любовь?

XXX.

ЛИСТЬЯ.

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и мятели
Закутавшись спятъ.
Ихъ тощая зелень,
Какъ иглы ежа,
Хоть въ вѣкъ не желтѣетъ,
Но въ вѣкъ несвѣжа.

Мы-жъ, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ,

И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Купались въ росѣ!...

Но птички отпѣли,
Цвѣты отцвѣли,
Луга поблѣднѣли,
Зефиры ушли.
Такъ что-же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше-ль за ними
И намъ улетѣть?

О буйные вѣтры,
Скорѣе, скорѣй!
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей.
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотимъ,—
Летите, литите!
Мы съ вами летимъ!

XXXI.

Я лютеранъ люблю богослуженье,
Обрядъ ихъ строгій, важный и простой;
Сихъ голыхъ стѣнъ, сей храмины пустой
Понятно мнѣ высокое ученье.

Но видите-ль? Собравшися въ дорогу,
Въ послѣдній разъ вамъ Вѣра предстоитъ.
Еще она не перешла порогу,
Но домъ ея ужъ пустъ и голъ стоитъ;

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но часъ насталъ, пробилъ.... молитесь Богу.
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь.

XXXII.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

(29 января 1837 г.).

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?

Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
На вѣкъ онъ высшею рукою
Въ *«цареубійцы»* заклейменъ.

А ты, въ безвременную тьму
Вдругъ поглощенная со свѣта,
Миръ, миръ тебѣ, о тѣнь поэта,
Миръ свѣтлый праху твоему!...
На зло людскому суесловью,
Великъ и святъ былъ жребій твой:
Ты былъ боговъ органъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью,

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолилъ,
И, осѣненный, опочилъ,
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Богъ разсудитъ,
Кто слышитъ пролитую кровь...
Тебя-жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

Родился 1795 года, скончался 1829 г.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ГОРЕ ОТЪ УМА».

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ I.

Фамусовъ и Слуга.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтёмъ! Достань-ка календарь
Читай, смотри, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстанов
кой.
Постой-же. На листѣ черкни, на записномъ,
Противу будущей недѣли:
«Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ, званъ я на форели».
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережёшься, то обѣдъ;

Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится.
Отмѣть-ка, въ тотъ-же день... Нѣтъ, нѣтъ:
«Въ четвергъ я званъ на погребенье».
Охъ родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда-же лѣзть—
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ нохвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключёмъ—и сыну ключъ умѣлъ доста-
вить,
Богатъ—и на богатой былъ женатъ,
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоми-
наютъ:
«Максимъ Петровичъ! миръ ему!»
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужь къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу:
«Я долженъ у вдовы у докторши крестить».
Она не родила, но по расчету
По моему, должна родить.

———

ЯВЛЕНІЕ II.

Фамусовъ и Чацкій.

ЧАЦКІЙ.

Служить-бы радъ, прислуживаться тошно.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то—всѣ вы гордецы!
Спросили-бы, какъ дѣлали отцы?
Учились-бы на старшихъ глядя.
Вотъ, напримѣръ, покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ—
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при Дворѣ—да при какомъ Дворѣ?
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны—въ сорокъ пудъ:
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ—тѣмъ паче
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе.
А дядя—что твой князь, что графъ!
Серьезный видъ, надменный нравъ—
Когда-же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:

Упалъ—да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ: голосъ хрипкой.
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой—
Изволили смѣяться. Какъ-же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ—
Упалъ вдругорядь ужь нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно.
А? какъ по вашему? По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За-то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашонъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почётъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! А? Вы, нынѣшніе—нутка!

ЧАЦКІЙ.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши!
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя.
Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,

А тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха!
Всѣ, подъ личиною усердія къ царю...
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю:
Его не возмутимъ мы праха.
Но, между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: «ахъ, если-бы мнѣ тоже!»
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣевичъ, къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно—здѣсь теплѣе:
Отдушничёкъ откроемъ поскорѣе.

СКАЛОЗУБЪ (*густымъ басомъ*).

Зачѣмъ-же лазить, напримѣръ,
Самимъ? Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой,
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа: раскиньтесь на покой.

СКАЛОЗУБЪ.

Куда прикажете, лишь только-бы усѣсться.

(*Всѣ трое садятся. Чацкій поодаль*).

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно—
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

СКАЛОЗУБЪ.

Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу её на днѣ морскомъ.
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку-ли, къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако, братецъ вашъ мнѣ другъ, и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да, счастье, у кого есть эдакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

СКАЛОЗУБЪ.

За третье августа. Засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ.
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ,
Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оста-
вилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость! Читать, а послѣ—хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

СКАЛОЗУБЪ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Вакансіи какъ-разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе смотришь перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ—вознесётъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Бываетъ, моего счастливѣе везётъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

ФАМУСОВЪ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаётъ?

СКАЛОЗУБЪ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь ли за полкомъ?
За то конечно, въ чёмъ другомъ
За вами далеко тянуться.

СКАЛОЗУБЪ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ, какъ истинный философъ, я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

ФАМУСОВЪ.

И славно судите. Дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ—а тамъ,
Зачѣмъ откладывать бы дальше,
Рѣчь завести о генеральшѣ?

СКАЛОЗУБЪ.

Жениться? я ни чуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Что жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода:
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется ещё столица, какъ Москва?

СКАЛОЗУБЪ.

Дистанція огромнаго размѣра.

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера.
На всё свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужь изстари ведётся,
Что по отцѣ и сыну честь:
Будь плохенькой, да если наберётся
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ;
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включать, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь ещё и дорожатъ дворянствомъ.
Да это ли одно! Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь!
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,

Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—
Для насъ равнёхонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ
Извольте посмотрѣть на нашу молодёжь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберёшь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьмётъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово—приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ какъ толкуютъ,
Что, если бъ кто послушалъ ихъ—бѣда!
Не то̀, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и—разойдутся,
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдётся дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ—надъ ними нѣтъ судей.
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ-
Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь самъ я былъ женатъ
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!

Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ—хоть голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путёмъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно: можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ—всё съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ,
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ—
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!

СКАЛОЗУБЪ!

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли крехтятъ!
Съ-тѣхъ-поръ дороги, тротуары,
Дома и всё—на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ (*Чацкому*).

Эй, завяжи на память узёлокъ!
Просилъ я помолчать—не велика услуга.
(*Скалозубу*).
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ!
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой.
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

ЧАЦКІЙ.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ:
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ!

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ—всѣ такъ же осуждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто? За древностію лѣтъ,

Къ свободной жизни ихъ вражда, непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Времёнъ очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ ли, что грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя сооруля палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не истребятъ кліенты—иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты.
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ—
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ
Толпою окружонный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь, и жизнь его не разъ спасали—вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки.
Или—вотъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ

От матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погружонъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ;
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ.
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого велятъ намъ на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдётся врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекрасным,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ, одинъ мундиръ! Онъ, въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету—
И намъ за ними путь счастливый?
И въ жонахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та ж страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся
Теперь ужь въ это мнѣ ребячество не впасть.

Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся!
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины «ура!»
И въ воздухъ чепчики бросали.

ФАМУСОВЪ (*про себя*).

Ужь втянетъ онъ меня въ бѣду!
(*Громко*).
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скалозубъ и Чацкій

СКАЛОЗУБЪ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно, какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейскимъ гвар-
діонцамъ.
Ихъ золоту шитью дивятся будто солнцамъ;
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій и Репетиловъ, (который вбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и встаетъ).

РЕПЕТИЛОВЪ.

Тьфу! оплошалъ! Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза! Откудова пріятель?
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сей часъ... растолковать прошу:
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу—
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ.
Пожалуй смѣйся надо мною—
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая то и страсть:
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго—ей-ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

ЧАЦКІЙ.

Да полно вздоръ молоть!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не любишь ты меня—естественное дѣло!
Съ другими—я и такъ, и сякъ;
Съ тобою—говорю не смѣло:
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!

ЧАЦКІЙ.

Вотъ странное уничиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Брани меня: я самъ кляну своё рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты, есть книга...

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ? задача для меня.
Ты Репетиловъ-ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ—
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
Объ дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
Танцовщицу держалъ, да не одну—
Трёхъ разомъ;
Пилъ мёртвую, не спалъ ночей по девяти;
Всё отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру....

ЧАЦКІЙ.

Послушай: ври, да знай же мѣру.
Есть отъ чего въ отчаянье придти!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролётъ....

ЧАЦКІЙ.

Вотъ ныньче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что ночь одна—не въ счётъ?
За-то спроси: гдѣ былъ?

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ Англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуста, молчи—я слово далъ молчать:
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно!

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зàшеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ громко говоримъ—никто не разберётъ.
Я самъ, какъ схватятся объ камерахъ присяжныхъ
О Байронѣ... ну, о матерьяхъ важныхъ—
Частенько слушаю, не разжимая губъ.

Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую что глупъ!
Ахъ, Александръ, у насъ тебя не доставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ—мы, благо, на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми! Ужь на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher: сокъ умной молодёжи.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь? Домой—я спать хочу.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Э, брось! Кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... у насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ.

ЧАЦКІЙ.

Да изъ чего, скажи бѣснуетесь вы столько?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ!

ЧАЦКІЙ.

Шумите вы—и только?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ:
Но государственное дѣло;
Оно, вотъ видишь, не созрѣло—
Нельзя же вдругъ!
Что за́ люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ—князь Григорій:
Чудакъ единственный; насъ со̀ смѣху моритъ.
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поётъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ ла-шьяръ ми но-но-но!»
Ещё у насъ два брата,
Леонъ и Боринька—чудесные ребята.
Объ нихъ не знаешь, что сказать;
Но если генія прикажите назвать:
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ-ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то

И приговаривать: «писать, писать, писать!»
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и нѣчто!»
Объ чёмъ бишь «нѣчто?»—Обо всёмъ;
Всё знаетъ: мы его на чорный день пасёмъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту—
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко нá руку не чистъ.
Да, умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
Когда-жь о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними я, конечно, за-урядъ—
Немножко поотсталъ, лѣнивъ—подумать ужасъ;
Однако-жь я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду,—часу не сижу
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ:
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо-любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;

Далъ серце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру—простятъ...

Лакей (*у подъѣзда*).

Карета Скалозуба!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Чья?

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ТУМАНСКІЙ.

Родился 1802 г., скончался 1860 г.

МЫСЛЬ О ЮГѢ.

Я взлелѣянъ югомъ, югомъ,
Яснымъ небомъ избалованъ;
Къ югу, югу вѣрной думой,
Словно цѣпью, я прикованъ.

Посмотри, тамъ волны моря
Бьются, плещутъ, голубыя,
Всѣ осыпанныя блескомъ,
Какъ надежды молодыя!

Посмотри: тамъ пирамиды—
Тополь въ виноградныхъ лозахъ!
Вкругъ фонтана вьются розы
И балконъ алѣетъ въ розахъ!

Посмотри: тамъ чудо-очи,
Чудо-очи съ долгимъ взоромъ,

Съ огнедышущей любовью,
Съ огнедышущимъ укоромъ!

Тамъ гармонія, сіянье,
Благовонье, наслажденье:
Сѣверъ гордый! сѣверъ гордый!
Что-жь ты дашь мнѣ въ утѣшенье?

МЫСЛЬ О СѢВЕРѢ.

Морозная ночь, полнолунная ночь!
Блескъ неба и снѣга вокругъ!
«Пѣвецъ! простостодушныхъ друзей не морочь:
А югъ твой, а пѣсни про югъ?»
Мой демонъ, молчи! вѣщихъ струнъ не порочь:
Мысль сердца, какъ птица, вольна.
Морозная ночь, полнолунная ночь!
Какъ весело: снѣгъ и луна:

Любуйся: ужь дымъ не ложится на долъ,
Надъ кровлей не вьется вѣнцомъ:
Онъ бѣлъ и легóкъ; какъ пророка глаголъ,
Онъ къ небу восходитъ столбомъ.
Любуйся: вдоль улицъ въ рѣшотчатый сводъ
Не льется ручей дождевой;

Тамъ, словно сребро, до боярскихъ воротъ
Разостланъ коверъ снѣговой.

На воздухъ, на воздухъ! Изъ хатъ, изъ палатъ
Дѣтей своихъ кличетъ морозъ.
Вотъ онъ, нашъ кормилецъ! какъ щоки горятъ—
Весеннихъ румянѣе розъ!
Какая отвага и удаль въ очахъ!
Льдяная нагайка въ рукѣ—
И прянулъ онъ въ сани, и мчится въ саняхъ
На бурномъ гнѣдомъ рысакѣ,

О, родина, въ снѣжныхъ сугробахъ играй
На зло полуночной судьбѣ!
Безъ роскоши солнца, безъ нѣги твой край;
Народъ твой съ природой въ борьбѣ:
Но крѣпость и волю даруетъ, борьба,
Но духъ возвышаетъ она.
Морозная ночь, полнолунная ночь,
Ты силъ богатырскихъ волна!

ѲЕДОРЪ АНТОНОВИЧЪ ТУМАНСКІЙ.

Скончался 1858 года.

ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

А. С. ПУШКИНУ.

Еще въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ дивный даръ

И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.
Не измѣнилъ онъ назначенью,
Главы предъ рокомъ не склонялъ,
И вѣрный тайному влеченью,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Младое семя дарованья
Какъ пышный цвѣтъ созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой страннический вѣкъ—
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ.
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ упоеньи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ПОДОЛИНСКІЙ.

Родился въ 1806 году.

ЗВѢЗДА.

Когда, по волѣ исполина,
Текла несмѣтная дружина—
Звѣзда побѣдъ ее вела,
И, мнилось, царствамъ въ поруганье,
Сосредоточила сіянье
Вокругъ избраннаго чела.

Питомцы мира и покоя,
Народы робкіе, безъ боя,
Безмолвно поклонялись ей;
Она жь въ своемъ полетѣ скоромъ,
Блестящимъ, дивнымъ метеоромъ
Неслась чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣй.

И вотъ—явленіемъ нежданнымъ
Подъ небомъ Сѣвера туманнымъ

Внезапно вспыхнула она:
Мгновенно очи ослѣпила—
И страшнымъ блескомъ пробудила
Холодный Сѣверъ ото сна.

Крѣпка любовью и молитвой,
На смерть рѣшительною битвой
Воздвиглась Русская земля—
И участь грознаго свершилась:
Звѣзда побѣдная затьмилась
Въ кровавомъ заревѣ Кремля.

И что-жь? Пріемля даръ свободы,
Еще со страхомъ ждутъ народы,
Откуда, вновь она блеснетъ:
Не съ береговъ ли шумной Сены,
Иль на гранитъ Святой Елены
Опять къ любимцу низойдетъ

Не тамъ! Любви народной сила
Ея полётъ остановила—
И на сѣдинѣ вѣковой
Она съ Кремля блеснула взоромъ,
Но не мгновеннымъ метеоромъ,
А неподвижною звѣздой.

ДИМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ОЗНОБИШИНЪ.

Родился 1803 г., скончался 1877 г.

КЮВЬЕ.

Таинственный, безмолвный и великій
Былъ край, куда онъ, смѣлый, нисходилъ:
На зовъ его являлись мёртвыхъ, лики,
И съ ними онъ, безстрашный, говорилъ.

Въ скупой землѣ онъ не искалъ стяжаній:
Онъ жизнь искалъ, гдѣ жизни слѣдъ погасъ—
И дивный міръ предъ силой обаяній
Затрепеталъ, услыша вѣщій гласъ.
Раскрылися предвѣчныя скрижали.
Вотще потопъ горами ихъ облёкъ;
Предъ мыслію во прахъ граниты пали:
Минувшее разоблачилъ пророкъ.

Онъ міръ прозрѣлъ, но чуждый намъ и дальный,
Гдѣ мамонтъ жилъ, драконъ и кракенъ злой,

Въ столѣтьяхъ бурь, гдѣ каменѣли пальмы
И человѣкъ надъ всѣмъ царилъ главой.
Созданій всѣхъ предъ нимъ мелькнули тѣни,
Забытыя въ преданьяхъ на землѣ—
И онъ прошолъ подземныя ступени,
Не утомясь и съ думой на челѣ.

Былъ кратокъ путь его отъ колыбели;
Но въ этотъ путь какъ много онъ вмѣстилъ!
Вѣка предъ нимъ въ хаосѣ пролетѣли
И мрачность ихъ онъ свѣтомъ озарилъ.
Какъ Прометей, обнявши всѣ сказанья,
Онъ древній міръ въ обломкахъ разгадалъ
И чудныя, погибшія созданья
Изъ персти взялъ и къ жизни возсоздалъ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

ИЗЪ

54 РУСКИХЪ ПОЭТОВ

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

Томъ II

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе князя Владиміра Петровича Мещерскаго.
1881

:погр. товар. «Общественная Польза», бол. подъяч. № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ТОМА.

ст.

стр.

45) Никол. Алексѣев. **Некрасовъ**:

46) Алексѣй Никол. **Апухтинъ**:

47) Левъ Александр. **Мей**:

НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧЪ ПАВЛОВЪ.

СѢВЕРЪ.

Люблю тебя, страны моей родной
Широкій сводъ туманно-голубой,
Когда надъ сжатыми, просторными полями
Ты низомъ стелешься, волнуясь облаками,
И вдаль идёшь—и всюду твой просторъ
Являетъ тотъ же необъятный кругозоръ.

Однообразны Сѣвера картины:
Не веселъ видъ его нѣмыхъ полей;
Ни пашни долгія, ни долгія равнины
Суровой прелестью и грустію своей,
Природою изнѣженнаго сына
Не привлекутъ восторженныхъ очей.

Но сынъ задумчивый задумчиваго края—
Онъ любитъ родину: ея печаль
Его душѣ—знакомая, родная.

От ъ раннихъ лѣтъ глядитъ онъ съ грустью вда.
Какъ небо родины его угрюмой,
Съ холодной, вопрошающею думой.

И пѣсня ли порой по степи прозвучитъ—
Суровая, её не оживитъ.
Какъ жизнь она протяжна и уныла,
Какъ сердце—жалобы безропотной полна;
Случайной странницей заслышалась она—
И пуще тайныя мечты расшевелила.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

Родился въ 1804 году, скончался въ 1860 году.

I.

ПОЭТЪ.

Всѣ звѣзды въ новый путь стремились,
Разсѣявъ вѣковую мглу,
Всѣ звѣзды жизнью веселились
И пѣли Божію хвалу.
Одна, печально измѣряя
Никѣмъ незнанныя лѣта,
Земля катилася нѣмая,
Небесъ веселыхъ сирота.
Она безъ пѣсенъ путь свершала,
Безъ пѣсенъ въ путь текла опять,
И на устахъ ея лежала
Молчанья строгаго печать.
Кто дастъ ей голосъ?... лучъ небесный
На перси смертнаго упалъ,
И смертнаго покровъ тѣлесный
Жильца безсмертнаго пріялъ.

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ;
И далъ землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

II.

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

Давно ужъ за полночь, я лягу отдохнуть.
Пора мнѣ мирнымъ сномъ сомкнуть
  Глаза, усталые отъ бдѣнья,
  И отъ житейскаго волненья
  На время успокоить грудь.
Ложуся спать... Какою нѣгой чудной
Все дышетъ здѣсь!... Какъ сладко думать мнѣ,
Что конченъ день заботливый и трудный,
  Что я могу въ безпечной тишинѣ,
Лелѣять до утра веселыя видѣнья,
И вольною мечтой свой новый міръ творить,
  И средь роскошнаго творенья
  Другою, дивной жизнью жить.
Пусть завтра вновь, привычныя волненья!...
Пусть завтра вновь!... Да кто жь порукой въ томъ,

Что встанетъ для меня денница золотая?
Кто скажетъ мнѣ, что засыпая,
Не засыпаю вѣчнымъ сномъ?
Быть можетъ, что востокъ туманный
Зажжется въ утренней зарѣ,
А на нѣмомъ моемъ одрѣ
Найдутъ лишь трупъ мой бездыханный.
Подумать страшно. Сонъ лукавъ!
Что если жизненныя силы
Коварной цѣпію связавъ,
Онъ передастъ ихъ въ плѣнъ могилы,
Что если чувство бытія
И страсти бурное волненье,
И мыслей гордое паренье,
Въ единый мигъ утрачу я?

. . . .

Я въ морѣ былъ, въ кровавой битвѣ
На краѣ пропастей и скалъ:
И никогда въ своей молитвѣ
Объ жизни къ Богу не взывалъ.
Но въ тихій часъ успокоенья
Ударъ нежданный получить;
На ложѣ темнаго забвенья
Украденымъ изъ міра быть—
Противно мнѣ.—Творецъ вселенной,
Услышь мольбы полнощный гласъ,
Когда Тобой опредѣленный

Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангелъ разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

III.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Гой красна земля Володиміра!
Много силъ въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люду въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы, ты упираешься,
Синимъ моремъ ты умываешься,
Не боишься ты люта ворога,
А боишься лишь гнѣва Божія.

Гой красна земля Володиміра
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Миромъ разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ,
Послужили тебѣ службу крѣпкую.
Службу большую я служилъ тебѣ:
Отъ меня-ль, въ степяхъ, мужички пошли,
Мужички пошли, все богатые,
Знаютъ чинъ свой, знаютъ добычу,
Братьевъ любятъ, Богу молятся.
Отъ меня-ль, въ судахъ, правда-судъ пошли,
Правда-судъ пошли не подкупные,
Правда въ слушанье, судъ въ видѣніе.
Отъ меня-ль пошла въ цѣлый міръ молва,
Что и синяго неба не выглядѣть,
Что и синяго моря не вычерпать:
Что красна земля Володиміра.
Полюбуйся ей, не насмотришься,
Черпай разумъ въ ней, не исчерпаешь!
Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому,
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчинкамъ счету нѣтъ,
По землѣ ходитъ слово Божіе,
Грѣетъ жизнію, свѣтитъ радостью,

Блещутъ главы церквей золоченыя;
А Господнихъ слугъ да молельщиковъ,
Что травы въ степяхъ, что песку въ моряхъ.

IV.

ДВѢ ПѢСНИ.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны;
Все въ ней къ любви и къ нѣгѣ насъ манитъ:
Но не звучатъ отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спитъ.

Другая пѣснь! то пѣснь роднаго края,
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горестей полна,
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про звонкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,

Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ, и кровныхъ и друзей.

V.

Благодарю тебя! Когда любовью нѣжной,
Сіяли для меня лучи твоихъ очей,
Подъ игомъ сладостнымъ заснулъ въ груди мятежной
Порывъ души моей.

Благодарю тебя! Когда твой взоръ суровый
На юнаго пѣвца съ холодностью упалъ,
Мой гордый духъ вскипѣлъ, и прежнія оковы
Я смѣло разорвалъ!

И шире мой полетъ, живѣе въ крыльяхъ сила;
Все въ груди тишина, все сердце разцвѣло;
И пѣсенъ благодать свѣжѣе осѣнила
Свободное чело!

Такъ, послѣ ярыхъ бурь, моря лазурнѣй, тише,
Благоуханнѣй лѣсъ, свѣжѣй долинъ краса,—
Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса!

VI.

МЕЧТА.

О грустно, грустно мнѣ! ложится тьма густая
На дальнемъ западѣ, странѣ святыхъ чудесъ:

Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.
А какъ прекрасенъ былъ тотъ западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ.
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ;
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И Вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ....
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!
Но горе! вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ....
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися дремлющій Востокъ!

VII.

ОСТРОВЪ.

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.
Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей;
Но смирененъ, но покоренъ,
Онъ любуется тобой;
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ,
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.
Дочь любимая природы,
Благодатная земля!
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею

Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой,
Какъ высоки пѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита, блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.
Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной;
Для тебя, морей царица,
День придетъ—и близокъ онъ—
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ:
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать,

И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.
И, забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ....

VIII.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога,

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни: кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ.....
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь, о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменат
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

IX.

РОССІИ.

«Гордись! тебѣ льстецы сказали:
«Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
«Земля несокрушимой стали,
«Полміра взявшая мечомъ!
«Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
«И прихотей твоихъ раба,
«Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
«Тебѣ покорная судьба.
«Красны степей твоихъ уборы,

«И горы въ небо уперлись,
«И какъ моря твои озёры....»
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчныхъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И чтоже Римъ и гдѣ Монголы?
И, скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ!

Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка:
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи, сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду и безкровный судъ.
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало славы и чудесъ!..
О, вспомни свой удѣлъ высокой,
Былое въ сердце воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы,
Обнявъ любовію своей,

Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный—
Прозрачный вышняго покровъ!

X.

НАПОЛЕОНУ I.

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ;
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ!...

Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?
Не новая-ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!... Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова.

XI.

ДАВИДЪ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ полѣ бралъ кремень простой:
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты,—когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула—ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,

[redacted]

А Божье слово—Божій громъ!
Не говорите: «то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ».
Нѣтъ! этотъ грѣхъ, онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ васъ, онъ въ жилахъ и крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами—
Сердцами мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той годины,
Когда, враждою упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель русской стороны;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новградъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя святоубійцы,
За раззоренный Новградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,

На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

XIII.

НАДПИСЬ НА КАРТИНѢ.

(Ангелъ спасаетъ двѣ души отъ сатаны).

Я видѣлъ, какъ посланникъ рая
Двѣ души въ небо уносилъ,
И та прекрасна, и другая,
Но образъ ихъ различенъ былъ:

Одна небесъ не забывала,
Но и земное все познала,
И пыль земли на ней легла,

Другая чуть земли коснулась
И отъ земли ужъ отвернулась,
И для безсмертья сберегла
Всю прелесть юнаго чела.

XIV.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджаръ и Турки злова
Никнетъ гордое чело.

Спишь-ли ты, нашъ Королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился словно волны,
Что ломаютъ вешній ледъ!

Спишь-ли, спишь-ли, Королевичъ?
Посмотри-ка въ чьихъ рукахъ
Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ.

Слушай! трубы загремѣли,
Бьетъ въ раскатахъ барабанъ,
Сербы съ горъ текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.

Просыпайся, Королевичъ!
Знать великій часъ насталъ:
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ.

XV.

«Мы родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину,
«Намъ Божьи громы осушили
«Морей волнистыхъ глубину.

«Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
«Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
«И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
«Въ пустыняхъ намъ казали путь.

«Намъ камень лилъ воды потоки,
«Дождили манной небеса;
«Для насъ законъ, у насъ пророки,
«Въ насъ Божьей силы чудеса»!

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
«Мы соль земли, мы столбъ святыни,
«Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ,
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,

Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ!

XVI.

Вставайте! оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужъ Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!

Вставайте, славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ!
Скорѣе другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: «намъ въ старые годы
«Въ наслѣдство Господь даровалъ

«И степи и быстрыя воды,
«И лѣсъ и ущеліе скалъ!»

Скажите: Мы люди свободны,—
«Да будетъ свободна земля,
«И горы и глуби подводны,
«И долы, и лѣсъ, и поля!

«Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
«И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
«Намъ Богъ разрываетъ оковы,
«Намъ Богъ закаляетъ булатъ!»

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!...
Вскипите жь, славянскія волны!
Проснитеся, гнѣзда орловъ!

[redacted]

ХОМЯКОВЪ.

XVII.

РОССІИ.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго:
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена:
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой

Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ!

XVIII.

РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССІИ.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;

Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идешь на Божескій призывъ!
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіянья новомъ и святомъ!

Иди! тебя зовутъ народы!
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна,—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

XIX.

26 АВГУСТА 1856 ГОДА.

Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя—избранника вѣнецъ.

Ему Господь роднаго края
Вручилъ грядущую судьбу;
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу.

Его елеемъ помазуетъ
Она живыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ.

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго Царя:

И дастъ Всевышній даръ познанья,
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ,
Даръ братолюбья къ братьямъ—людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ;

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины....

А ты, въ смиреніи глубокомъ,
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

XX.

СПИ!

Днемъ наигравшись, натѣшившись, къ ночи забылся ты сномъ;
Спишь, улыбаясь, малютка: весенняго утра лучомъ

Жизнь молодая, играя, блеститъ въ сновидѣньи
твоемъ.
Спи!

Труженикъ, въ горести, въ радости, путь ты свершаешь земной;
Утромъ отмѣренный, къ вечеру конченъ твой подвигъ дневной:
Что нибудь начато, что нибудь сдѣлано; купленъ
твой отдыхъ ночной.
Спи!

Съ свѣтлымъ лицомъ засыпаешь ты, старецъ трудомъ утомленъ;
Видно, какъ ночь погружается жизни земной небосклонъ:
Дня замогильнаго первымъ сіяньемъ ужъ твой озаряется сонъ.
Спи!

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЬЦОВЪ.

Родился въ 1809 г., скончался въ 1842 г.

ЛѢСЪ.

(Памяти А. С. Пушкина.)

Что дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Чтò Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,—

Ты стоишь—поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался....
Ты стоишь—поникъ—
И не ратуешь.

Гдѣ жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль—было—
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная....

У тебя ль—было—
Дни—роскошество.
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются....

[illegible] ль—было—
[illegible] вечеромъ
[illegible] бурею
[illegible]

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
«Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется....
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается;

Встрепенувшися,
Разбушуется:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ....

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,—
И несетъ свои
Тучи за́ море.

Гдѣ жь теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился....

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался....
Ты стоишь—поникъ—
И не ратуешь.

Гдѣ жь дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль—было—
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная....

У тебя ль—было—
Дни—роскошество.
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются....

У тебя ль—было—
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ;

Одичалъ, замолкъ....
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье....

Такъ-то темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули.

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой,
А соломенкой...

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ
ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

ь радости—веселья
мѣлемъ кудри вьются;
и съ какой заботы
нѣ не сѣкутся.

хъ не гребень чешетъ —
ɔлотая доля,
звиваетъ въ кольцы
олодецка удаль.

е родись богатымъ,
родись кудрявымъ:
о щучью велѣнью
се тебѣ готово.

его душа хочетъ—
зъ земли родится;
ɔ всѣхъ сторонъ прибыль
олзетъ и валится.

тó шутя задумалъ—
ошла шутка въ дѣло;
тряхнулъ кудрями—
ъ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
И что̀ худо—смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело̀, на бѣломъ,
Съ чорными бровями!

Во-время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются;
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи-пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ,—
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется!
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой!
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво?

ВТОРАЯ ПѢСНЯ
ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота—
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Но родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить—не поле
Пройти за сохою:
Кручину, что̀ тучу—
Не уноситъ вѣтромъ.

Зла бѣда—не буря—
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ на́йдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ,

Чуешь только сердцемъ:
При́детъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...

И щемитъ и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все—изъ рукъ вонъ—плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То— скосило градомъ,
То снесло пожаромъ....
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ....

Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ:
Старые лаптишки
Безъ онучъ обуешь:

Кафтанишка рва́ный
На́ плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлабучишь....

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи....
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ...
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меня-ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную.
Кудри черныя

Лежать скобкою;
Что работаю—
Все мнѣ спорится!
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью,
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я-ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое—
Заря алая,
Щеки полныя,

КОЛЬЦОВЪ.

Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума....
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера....
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью....

Я куплю себѣ
Косу новую
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости—прощай
Село родное!
Не плачь Грунюшка,
Косой вострою
Не подрѣжусь я....
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ;
Что внизъ пò Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!

Степь раздольная
Далеко вокругъ
Широко лежитъ
Ковылемъ-травой
Разстилается!...
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю Чорному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося....

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,

КОЛЬЦОВЪ.

Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошенная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ;
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ;
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,—
Такъ разжалоблю
Золотой казной!...

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ПОЛЕЖАЕВЪ.

Родился 1807 года, скончался 1838 г.

ГРѢШНИЦА.

И говорятъ ему: «Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое!»
И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ божественнымъ чертилъ,
И наконецъ сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,

[redacted]

Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу»?—
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья—
И предъ лицомъ его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «Покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ:—Никто, Учитель!—
«И такъ и Я твоей души
Не осужу», сказалъ Спаситель:—
«Иди въ свой домъ и не грѣши».

БОЖІЙ СУДЪ.

Есть духи зла—неистовыя чада
Благословеннаго Творца;
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада,
А жизнь—мученье безъ конца.

Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній перстъ

Изъ тьмы вѣковъ, эфиръ одушевленной
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ,—

Когда Творецъ торжественное слово,
Въ премудрой благости, изрекъ:
«Да будетъ прахъ величія основой!»
И всталъ изъ праха человѣкъ,—

Тогда, предъ нимъ свѣтлы, необозримы
Разстлались гордо небеса,
И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь волшебная краса.

И ярче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ Іорданскія струи,
Вокругъ него—Властителя Святаго—
Вились архангеловъ рои;

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ потупленнымъ челомъ.

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ—
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

[redacted]

Свершился судъ!... Могучая десница
Подъяла молніи и громъ—
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ!...

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ—
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ, преступные, свободы:
Они противны небесамъ—
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный ѳиміамъ!

ПРОВИДѢНІЕ.

Я погибалъ—
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Отступникъ мнѣній
Своихъ отцовъ,
Врагъ утѣсненій
Какъ царь духовъ,
Въ душѣ безбожкой

Надежды ложной
Я не питалъ,
И изъ Эреба
Мольбы на небо
Не возсылалъ.
Мольба и вѣра
Для люцифера
Не созданы, —
Гордынѣ смѣлой
Онѣ смѣшны.
Злодѣй созрѣлый,
Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей—
Всегда злодѣй.
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окамененъ,
Какъ хладный камень,
Ожесточенъ,
Какъ сѣрый пламень—
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній!
Мой злобный геній
Торжествовалъ!

ПОЛЕЖАЕВЪ.

Печать проклятій—
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя—самихъ—
Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ,
Душа ко мглѣ
Уже стремилась...:
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь.
И въ думѣ лютой
Все рѣшено:
Еще минута
И—свершено!...

Но вдругъ нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный,
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый,

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Я встрѣчаю зарю,
И печально смотрю,
Какъ кропинки дождя,
По эѳиру летя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ, и роститъ.
Что̀ жъ, кропинки дождя,
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Что̀, въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?
Ахъ, не цвѣтъ полевой
Жжетъ, полдневной порой,
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска

[redacted]

олодого пѣвца,
акъ въ землѣ мертвеца
юбовая доска!...
увялъ—и увялъ
авсегда, навсегда!
блаженства не зналъ
икогда, никогда!
я жилъ—но я жилъ
а погибель свою,
уйной жизнью убилъ
надежду мою!
э расцвѣлъ—и отцвѣлъ
ь утрѣ пасмурныхъ дней;
го любилъ, въ томъ нашелъ
ибель жизни моей!
ухъ унылъ, въ сердцѣ кровь
гъ тоски замерла;
ирь души погребла
ь шумной волѣ любовь...
э воскреснетъ она!
надежду имѣлъ
ь испытныхъ друзей;
о ихъ рой отлетѣлъ
ои невзгодѣ моей.
ѣмъ постылый, чужой,
икого не любя,
ь мірѣ странствую я,

Какъ вампиръ гробовой!
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ,
И въ мученіяхъ злыхъ
Не сгораючи тлѣть!...
Не кропите жъ меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

[redacted]

ДМИТРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Родился 1805 г., скончался 1827 г.

ПѢСНЬ ГРЕКА.

Подъ небомъ Аттики богатой
Цвѣла счастливая семья.
Какъ мой отецъ, простой оратай,
За плугомъ пѣлъ свободу я.
Но Турокъ злыя ополченья
На наши хлынули владѣнья...
Погибла мать, отецъ убитъ,
Со мной спаслась сестра младая,
Я съ нею скрылся повторяя:
«За все мой мечъ вамъ отомститъ».

Не лилъ я слезъ въ жестокомъ горѣ,
Но грудь стѣснило и свело;
Нашъ легкій челнъ помчалъ насъ въ море,
Пылало бѣдное село,
И дымъ столбомъ чернѣлъ надъ валомъ.

Сестра рыдала,—покрываломъ
Печальный взоръ полузакрытъ;
Но, слыша тихое моленье,
Я припѣвалъ ей въ утѣшенье:
«За все мой мечъ вамъ отомститъ».

Плывемъ, и при лунѣ сребристой
Мы видимъ крѣпость надъ скалой.
Вверху какъ тѣнь на башнѣ мшистой
Шагалъ Турецкой часовой;
Чалма склонилася къ пищали—
Внезапно волны засверкали,
И вотъ—въ рукахъ моихъ лежитъ
Безъ жизни дѣва молодая,
Я обнялъ тѣло, повторяя:
«За все мой мечъ вамъ отомститъ».

Востокъ румянился зарею,
Пристала къ берегу ладья,
И надъ шумящею волною
Сестрѣ могилу вырылъ я.
Не мраморъ съ надписью унылой
Скрываетъ тѣло дѣвы милой,
Нѣтъ, подъ скалою трупъ зарытъ;
Но на скалѣ сей неизмѣнной
Я начерталъ обѣтъ священной:
«За все мой мечъ вамъ отомститъ».

Съ тѣхъ моръ меня Магометане
Узнали въ стычкѣ боевой,
Съ тѣхъ поръ, какъ часто въ шумѣ браней
Обѣтъ я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, все припомню въ часъ ужасной;
И всякій разъ, какъ мечъ блеститъ
И падаетъ глава съ чалмою,
Я говорю съ улыбкой злою:
«За все мой мечъ вамъ отомститъ».

МОЯ МОЛИТВА.

Души невидимый хранитель!
Услышь моленіе мое:
Благослови мою обитель
И стражемъ стань у вратъ ее,
Да черезъ мой порогъ смиренный
Не прешагнетъ, какъ тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лѣнь съ убитою душой,
Ни зависть съ глазомъ ядовитымъ,
Ни ложной другъ съ коварствомъ скрытымъ.
Всегда надежною броней

Пусть будетъ грудь моя одѣта,
Да не сразитъ меня стрѣлой
Измѣна мстительнаго свѣта.
Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей.
Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни;
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ,
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни.
Но въ душу влей покоя сладость:—
Посѣй надежды сѣмена,
И отжени отъ сердца радость:
Она—невѣрная жена.

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ паритъ...
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизни предо мной
Кипитъ какъ Океанъ безбрежной...
Найду ли я утесъ надежной,
Я на... твердой обопрусь ногой?
«За вс... чаю сомнѣнья полный,
...естно глядѣть

На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что̀ любить, что̀ пѣть?

Открой глаза̀ на всю природу,—
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ,—
Но дай имъ выборъ и свободу.
Твой часъ еще не наступалъ:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когда-жъ минуты удивленья
Какъ сонъ туманный пролетятъ,
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ:—
Смирится гордое желанье,—
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья.—

Не лживъ сей голосъ прорицанья,
И струны вѣрныя мои
Съ тѣхъ поръ душѣ не измѣняли.
Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣглымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряюсь въ пламени стиховъ;

Такъ соловей въ тѣни дубровъ,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Уныло вечерь воспѣваетъ,
И утромъ весело встрѣчаетъ
Въ румяномъ небѣ ясный день.

Гдѣ
Иль вѣч
Я буду гор

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КЛЮШНИКОВЪ.

I.

МОЙ ГЕНІЙ.

Когда земныя наслажденья,
Разсчёты грязной суеты,
Игра страстей и заблужденья,
Своекорыстныя мечты
Меня измучили: тоскою
Душа наполнилась моя;
Мнѣ міръ казался пустотою:
Я въ мірѣ видѣлъ лишь себя.
Запала къ счастію дорога,
Исчезъ блаженства идеалъ,
И—Танталъ новый—я на Бога,
Томимый жаждою, роапталъ.
Въ часы грѣховныхъ сновидѣній
Тогда, свидѣтель лучшихъ дней,
Ко мнѣ являлся свѣтлый геній
Святой невинности моей.

Онъ на меня взиралъ съ тоскою;
Какъ юной дѣвы идеалъ,
Сіяя вѣчной красотою,
Онъ вѣчной благостью сіялъ,
И озарялъ онъ сумракъ ночи,
И, сознавая благодать,
Стыдомъ окованныя очи
Не смѣлъ я на него поднять.
Я падалъ ницъ предъ нимъ съ мольбою,
Я заблужденье проклиналъ;
А онъ молился надо мною
И въ новый путь благословлялъ.

II.

ЖИЗНЬ.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Всё прекрасно въ Божьемъ мірѣ!
Сотворившій міръ въ немъ скрытъ;
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ мирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

[redacted]

навать Его въ твореньѣ,
ѣть духомъ, сердцемъ чтить—
ъ въ чёмъ жизни назначенье;
ъ чтó значитъ въ Богѣ жить!

III.

ВОСПОМИНАНІЕ.

зась любилъ—давно, безъ упованья!
арфою, въ вечерней тишинѣ,
ясныя души моей желанья
звуками высказывали мнѣ.

лися въ душу сладостные звуки;
имая имъ, въ восторгѣ я рыдалъ,—
частливъ былъ: блаженство сладкой муки
бить и плакать я впервые зналъ.

асъ любилъ—невѣста молодая!
вась плѣнилъ, красавецъ молодой—
радостью небесною сіяя,
шли къ вѣнцу прекрасною четой.

ылъ въ толпѣ—и, притаивъ дыханье,
койно на обрядъ святой глядѣлъ:
пряталъ отъ людей свое страданье,
въ тишинѣ оплакалъ свой удѣлъ.

Я васъ любилъ! Склонясь на изголовье
Младенца-ангела прозрачною рукой,
Глядѣли вы съ надеждой и любовью
На первенца любви своей святой.

И я глядѣлъ—и сердцемъ забывался:
Души моей завѣтный идеалъ
Я видѣлъ въ васъ—я вами любовался.
И свято васъ любилъ—и не страдалъ.

Я васъ любилъ! На долгую разлуку
Судьба влекла меня въ далекій край,
И лобызалъ я, плача, вашу руку,
И вы сказали: «добрый другъ, прощай!»

И я теперь люблю тебя, мой геній!
Какъ даръ, храню прощальный взоръ очей,
И въ сладкій часъ волшебныхъ сновидѣній
Я слышу сердцемъ въ тишинѣ ночей
И легкій шумъ плѣнительныхъ движеній,
И музыку чарующихъ рѣчей.

IV.

Я понимаю взоръ твой страстный,
Я знаю смыслъ твоихъ рѣчей,
Я вижу все; но, другъ прекрасный,
Я не прошу любви твоей!

[redacted]

Тоску души моей холодной
Она не въ силахъ исцѣлить:
Я не могу любить свободно,
Я не могу, какъ ты любить.

Въ сіяньи дня, во мракѣ ночи
Я вижу блѣдныя уста—
И смотрятъ плачущія очи
Съ святой любовью на меня.

Непостижимой, тайной силой
Она вездѣ, всегда со мной—
И на груди твоей, другъ милый,
Я сталъ бы думать о другой!

V.

СТАРАЯ ПЕЧАЛЬ.

О чемъ, безумецъ, я тоскую?
О чемъ души моей печаль?
Зачѣмъ я помню жизнь былую?
Что назади? чего мнѣ жаль?

Гдѣ слѣдъ горячаго участья?
Любилъ ли я когда-нибудь?

Нѣтъ, я не зналъ людскаго счастья!
Мнѣ нечѣмъ юность помянуть!

Какъ очарованный—въ туманѣ
Земныхъ желаній и страстей—
Я плылъ въ житейскомъ океанѣ
Съ толпой мнѣ чуждыхъ кораблей.

Но я сберегъ остатокъ чувства,
Я жилъ, я мучился вдвойнѣ:
Въ день—рабъ сомнѣнья и безумства,
Ночь плакалъ о погибшемъ днѣ.

Душа алкала просвѣтлѣнья—
И онъ насталъ, священный мигъ!
Я сердцемъ благость Провидѣнья
И тайну бытія постигъ.

Я въ пристани. Былое горе,
Былая радость бурныхъ дней,
Простите! Но зачѣмъ же море
Такъ памятно душѣ моей?

Зачѣмъ въ міръ новый и прекрасный
Занесъ я старую печаль?
Сквозь слезъ гляжу на полдень ясный,
А утра мрачнаго мнѣ жаль!

Н. ОГАРЕВЪ.

I.

МОНОЛОГИ.

И ночь, и мракъ!... Какъ все томительно-пустынно,
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно...
Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно.
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои...
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, какъ сама судьба.

Ты мысль о неизменности давно во мнѣ сломила,
Меня на вѣкъ въ броженье вовлекла.
Ты прежню вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.
Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,
Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь,
Листокъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
И все изорвано теперь.
Я вздумалъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться,
И увидалъ вокругъ безсиліе людей,
И трудно въ правдѣ мнѣ внутри себя признаться,
А правду высказать еще труднѣй.
Предъ истиной покой исчезъ.....
И гордость личная, и сны любви.
И впереди лежитъ пустынная дорога
Да тщетный жаръ еще горитъ въ крови.

II.

Чего хочу?... чего?... О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь...
Чего хочу? Всего со всею полнотою:
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,

[redacted]

Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!...
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ;
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять за-разъ не въ нашей долѣ
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ:
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить—отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать..
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу... чего?... О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу, ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь!...

III.

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

Была чудесная весна.
Они на берегу сидѣли:
Рѣка была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пѣли;
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя:
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
Стояла темныхъ липъ алея.
Была чудесная весна.
Они на берегу сидѣли:—
Во цвѣтѣ лѣтъ была она,
Его усы едва чернѣли...
О, еслибъ кто увидѣлъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица-бъ высмотрѣлъ у нихъ,
Или подслушалъ-бы ихъ рѣчи,—
Какъ былъ бы милъ ему языкъ,
Языкъ любви первоначальной!
Онъ вѣрно-бъ самъ на этотъ мигъ,
Разцвѣлъ на днѣ души печальной...

Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ:
Она была женой другова,

[redacted]

Онъ былъ женатъ, и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова.
На лицахъ видѣнъ былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно.
Они, встрѣчаясь межь собой,
Могли смѣяться хладнокровно...
А тамъ, по берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили въ лодкѣ обветшалой
И пѣли пѣсни,—и темнó
Осталось, для людей закрыто,
Что было тамъ говорено,
И сколько было позабыто.

IV.

Еще любви безумно сердце проситъ,
Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уноситъ,
Не губитъ свѣтъ мертвящей суетой;
Безумно сердце проситъ женской ласки.
И чудныя мечта нашептываетъ сказки.
Но тщетно все!... Отвѣта нѣтъ желанью;
Въ испугѣ мысль опять назадъ бѣжитъ.

И бродитъ трепетно въ воспоминаньи...
Но прошлаго ничто не воскреситъ!
Замолкшій звукъ опятъ звучать не можетъ,
И память только онъ гнететъ или тревожитъ.

И страхъ беретъ, что чувство схоронилось;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась:
Хозяинъ умеръ.—пусто и темно;
Лепечетъ попъ надгробныя страницы,
И бродятъ въ комнатахъ все пасмурныя лица.

[redacted]

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Родился 1814 г., скончался 1841 г.

I.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: ЧЕРКЕСЫ.

1.

. . . . Солнце исчезаетъ;
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря, блистая угасаетъ,
Вдали гудитъ протяжный звонъ,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ.
И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры.
Въ тѣни развѣсистыхъ деревъ
Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу;
За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу

Съ ружьемъ охотникъ; пара псовъ
На сворахъ рвутся съ нетерпѣньемъ;
Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
Неслышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги; лишь тамъ
Весенній вѣтерокъ играетъ,
Перелетая по кустамъ,
Въ глуши кукушка занываетъ,
И на дуплѣ, какъ тѣнь, сидитъ
Полночный воронъ и кричитъ.
Межъ дикихъ скалъ крутитъ, сверкаетъ,
Подалѣ Терекъ за горой;
Высокій берегъ подмываетъ,
Крутяся пѣною сѣдой.

2.

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ,
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На холмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ,
Ихъ копья острыя блестятъ,
Другъ друга громко окликаютъ.
«Не спитъ казакъ во тьмѣ ночной;
«Чеченецъ ходитъ за рѣкой!»
Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,

[redacted]

Взвилась! и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Въ очахъ его смертельный мракъ:
Ему не зрѣть роднаго Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью.
Онъ здѣсь окончилъ жизнь свою.

. . . .

1828 г.

II.

РУССКАЯ МЕЛОДІЯ.

1.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье;
Я цѣпью ихъ связалъ между собой,
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!...

2.

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный, и свободный!...

3.

Онъ громкій звукъ внезапно раздастъ,
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни, но напрасно....
Никто конца ея не допоетъ!...

1829 г.

III.

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за тучъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ свѣтъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ—угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари....
Высоко мѣсяцъ... двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,

[redacted]

оторымъ бѣлое чело
иу убрать позволено.
го не знавалъ такихъ ночей
ь ущельяхъ горъ, иль средь степей?
цнажды, при такой лунѣ,
мчался на лихомъ конѣ,
ь пространствѣ голубыхъ долинъ,
акъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
уманный мѣсяцъ и меня
гриву, и хребетъ коня
ребристымъ блескомъ осыпалъ;
чувствовалъ какъ конь дышалъ,
акъ онъ, ударивши ногой,
тбрасываемъ былъ землей,
я, въ чудесномъ забытьи,
виженья сковывалъ свои,
съ нимъ себя желалъ я слить,
тобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
долго такъ мой конь летѣлъ,
вкругъ себя я поглядѣлъ:
е та же степь, все та жъ луна...
ой взоръ склонивъ ко мнѣ она,
азалось, упрекнула въ томъ,
о человѣкъ съ своимъ конемъ
отѣлъ владычество степей
ъ ту ночь оспоривать у ней!
1830 г.

IV.

КЪ ***.

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою!
Знай, что мы чужды съ этихъ поръ.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбки и глазамъ;
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Что бы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать, быть можетъ, тѣ мгновенья,
Что протекли у ногъ твоихъ,
Я отнималъ у вдохновенья!
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?
Быть можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я далъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то безсмертье онъ?...
Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ!
Я былъ готовъ на смерть и муку,

[redacted]

И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку—
Безумецъ!—лишній разъ пожать.
Не знавъ коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала-ль цѣну?
Ты знала—я тебя не зналъ.

1830 г.

V.

ЭПИТАФІЯ.

Прости! увидимся-ль мы снова?
И смерть захочетъ-ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать! И такъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ столько зла извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,

Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья!
1830 г.

VI.

КАВКАЗЪ.

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей.
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За то и люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ,
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.

[redacted]

Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ,—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
  Люблю я Кавказъ!
  1830 г.

VII.

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще не вѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ—или никто!...

VIII.

МОРЯКЪ.

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны;
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны!
О дѣтствѣ говорить не стану:
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И, какъ змѣю, мы топчемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать!
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ,
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
Я съ кораблемъ не разставался,
Я, какъ сѣтей, земли боялся,
Не вѣдалъ счету я друзьямъ;
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,

Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья!
Въ немъ были ласки и укоръ—
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный,
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена!...
Безумны были эти лѣта!
Но что-жъ! ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?...
Всѣ чувства тайной мукой полны—
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ-ли онъ морскія волны!...
Иль сердце женщинамъ дарилъ!...
Покрывшись пѣною рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ;
А волны, волны все однѣ!...

Я, обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы
Богъ вѣсть откуда и куда!
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И бездны безконечный шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну,
Съ другой стихіей, съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я, въ ужасѣ, Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!...

1832 г.

[redacted]

IX.

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА.

Царю Небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алехинъ глазъ,
Какъ можно рѣже,
Тамъ видитъ насъ.
Еще моленье
Позволь послать—
Дай, въ воскресенье,
Мнѣ опоздать!

1834 г.

X.

ИЗЪ ДЕМОНА.

Восточная повѣсть.

Часть первая.

1.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой,—
Тѣхъ дней, когда въ жилище свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,—
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

[redacted]

2.

Давно отверженный блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта.
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искуству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,—
И зло наскучило ему.

3.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали. И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,

Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонились головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни за́мковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часа́хъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь божій міръ, но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

4.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя разцвѣли,
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный рай земли!
Столпообразныя руины,
Звонкобѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ

На [illegible]
Чинаръ [illegible]
Густымъ [illegible]
Пещеры [illegible]
Таятся робкіе [illegible]
И блескъ, и жизнь, и шумъ [illegible]
Стозвучный говоръ [illegible]
Дыханье тысячи растеній
И [illegible]
И ароматною росой
Всегда увлажненныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ Грузинки молодой!
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ;
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ.

. . . .

На [illegible]
Какъ громъ [illegible]
Упала на постель свою,
Рыдая, бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ...

И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
«Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣвственныя жжетъ!
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ,
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни мелочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой».

«На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.

[redacted]

Часъ разлуки, часъ свиданья—
И не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
И прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни,
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они».
«Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ—
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...»

6.

Слова умолкли; въ отдаленьи,
Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ.
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ—ничто въ сравненьи;
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ,
И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смежилъ;
Но мысль ея онъ возмутилъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая не земной,
Къ ея склонился изголовью,
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ—небожитель,
Ея божественный хранитель;
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;

[redacted]

То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ,—о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!...

Тамара.

Кто бъ ни былъ ты, мой другъ случайный,
Покой на вѣки погубя,
Невольно я съ отрадой тайной,
Страдалецъ, слушаю тебя,
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты, обманъ тая...
О! пощади!.. Какая слава!
На что тебѣ душа моя?
Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже;
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Несмято смертною рукой!...
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
Скажи,—ты видишь: я тоскую,
Ты видишь женскія мечты!
Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній,
Отречься нынѣ дай обѣтъ!

Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній,
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?

Демонъ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой,
Клянусь свиданіемъ съ тобой,
И вновь грозящею разлукой;
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братій мнѣ подвластныхъ,
Мечами Ангеловъ безстрастныхъ,
Моихъ не дремлящихъ враговъ;
Клянуся небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
Твоею первою слезой,
Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шелковыхъ кудрей;
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей. —
Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести

[redacted]

Ни чей ужъ не встревожитъ умъ;
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру.
Слезой раскаяпья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня;
И міръ въ невѣдѣньи спокойномъ
Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
О! вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ.
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ.
Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ.
Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга первая моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты.

XI.

ИЗЪ ПѢСНИ

про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника, и удалого купца Калашникова.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Вотъ онъ слышитъ въ сѣняхъ дверью хлопнули,

Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя,
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,

[redacted]

Что одежда вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь, оковапную,
Что бы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...

И услышавъ то, Алена Дмитревна,
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она всплакалась,
Въ ноги мужу повалилася:

Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ,
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинешенька,
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;

Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.

И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
—Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюсь Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...

«Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать—ласкать,
И цалуя все приговаривалъ:
—Отвѣчай мнѣ, что тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!

«И ласкалъ онъ меня, цаловалъ онъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,

Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали..

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня, честную, непорочную,
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ на поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти.
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

. . . .

. . . .

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудрявую бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ нрозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было и чѣмъ похвастаться?»

Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему;
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...

И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденной;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ,
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло....

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:

«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился.
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И увидѣвъ то, Царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной-волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ,

[redacted]

Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...

XII.

БОРОДИНО.

«Скажика, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да говорятъ еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго молча отступали.

Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Чтожъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постойка братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»

И вотъ на полѣ грозной сѣчи
        Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
        Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
        Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
        Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
        Онъ спитъ въ землѣ сырой

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
        Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
—И умереть мы обѣщали
И клятву вѣрности сдержали
        Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій

Французы двинулись какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ невидать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Чтò значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась—какъ наши груди,
Смѣшались въ кучу кони, люди.
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.

Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!
1837 г.

XIII.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистый,
Румянымъ вечеркомъ, иль утра въ часъ зла
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой то смутный с
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ,—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога....

XIV.

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится-ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

1839 г.

[redacted]

XV.

ПАМЯТИ А. И. ОДОЕВСКАГО.

1.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще не зрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья... Но, безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,

Я [illegible] и [illegible] живу.
Я [illegible] въ [illegible] и [illegible].

3.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ не единый....

4.

И было-ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья,
И думы,—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:

[redacted]

Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? Зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ.

5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Кровавыя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—

6.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебряннымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А Море Черное шумитъ не умолкая.

1839 г.

XVI.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи младенецъ мой прекрасный,
Баюшки—баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли закрывши глазки,
Баюшки—баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи малютка, будь спокоенъ,
Баюшки—баю.

Самъ узнаешь,—будетъ время,—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью...

ЛЕРМОНТОВЪ.

Спи, дитя моё родное,
Баюшки—баю.

Богатырь ты будешь съ виду,
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки—баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки—баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой,
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...

Спи младенецъ мой прекрасный,
Баюшки—баю.
1840 г.

XVII.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

(Изъ Зейдлица).

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;

[redacted]

На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника—сына,
И старую гвардію онъ.

И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,

Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ,
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи—гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,

[redacted]

И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ,—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.
1840 г.

XVIII.

РЕБЕНКУ.

О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьем
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, еслибъ зналъ ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза и кудри золотыя;
И звонкій голосъ!—Не правда-ль, говорятъ
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ;

Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ не прошенныя ласки?
Не слишкомъ часто-ль я твои цалую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла-ль?
Смотри-жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...

Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала,
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной,
Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не проклянн!

———

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязной
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ—тихій разговоръ.

XXIII.

Есть рѣчи,—значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскова
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;

Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я не буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.
1841 г.

XXIV

РОДИНА.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой;
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;

Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.
1841 г.

XXV.

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;

Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ,—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча;—
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ
И ваша жизнь слилася въ немъ,—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ,—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,

[redacted]

Въ степяхъ Египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ по-
ходномъ
Зарытъ наемною рукой...

Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ

Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!...
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ;
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа дрожавшая предъ нимъ!

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно столько лѣтъ спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

1841 г.

XXVI.

ПАРУСЪ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы, онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ, лучъ солнца золотой,
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

1841 г.

XXVII.

ЖЕЛАНІЕ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,

Черногриваго коня;
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой:
Я тогда пущуся въ море
Беззаботенъ и одинъ,
Разгуляюсь на просторѣ,
И потѣшусь въ буйномъ морѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
И меня въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая
Усыплялъ и пробуждалъ...

1841 г.

XXVIII.

Не плачь, не плачь, мое дитя!
Не стоитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало-ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны,—
И что-жъ онъ могъ найти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ,
Онъ ласки дорого цѣнилъ,—
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

1841 г.

XXIX.

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной,

Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей?

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла—
Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя.
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

XXX.

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою,
Я зналъ,—ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,

И я паду,—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый—
Пускай! я имъ не дорожилъ!
. . . .

XXXI.

УТЕСЪ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

XXXII.

1.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

2.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду-ль чего? жалѣю ли о чемъ?

3.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя:
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

4.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я-бъ желалъ на вѣки тамъ заснуть,—
Что-бъ въ груди дрожали жизни силы,
Что-бъ, дыша вздымалась тихо грудь.

5.

Что-бъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

XXXIII.

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья;
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

XXXIV.

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня,—но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

XXXV.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

1836 г.

XXXVI.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде,—и убитъ!
Убитъ!... къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ

И жалкій лепетъ оправданья?—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что-жъ? веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ,—спасенья нѣтъ!
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На чтò онъ руку подымалъ!

* *
*

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,

ыча ревности нѣмой...
пѣтый, имъ съ такою чудной силой,
женный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
ѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
упилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душ-
ный
сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
ѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
ѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ лож-
нымъ—
ь, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
итый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
равлены его послѣднія мгновенья
варнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
досадой тайною обманутыхъ надеждъ...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

* *
*

вы, надменные потомки
вѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,

Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой, стоящіе—
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судъ, онъ ждетъ,
Онъ не доступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете, всей вашей черной кровью,
Поэта праведную кровь!

1837 г.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ КРАСОВЪ.

Родился 1810 г., скончался 1855 года.

ЕВРЕЙ. А. И. К—Л—РУ.

й, Еврей, гдѣ твой Ерусалимъ?
ı бѣжалъ съ прекраснаго Востока?
гвоихъ странахъ поклонники Пророка?
ки Еврей, гдѣ твой Ерусалимъ?
ıе придешь ко храму Соломона,
іаселишь земли своихъ отцовъ,
; не зрѣть высокаго Сіона,
: забылъ могущій Саваоѳъ!
ɔасно ты, рыдая, произносишь:
;алимъ, Ерусалимъ!
й, ты неба не упросишь,
ы гнѣвъ не умолимъ!
ıзнь твоя одно воспоминанье
аменной восточной сторонѣ...
ı на мигъ, на мигъ, какъ въ сладкомъ снѣ,
дешь грусть свою и горькое изгнанье;

Представишь ты себѣ священный градъ,
Куда отцы твои стекались для моленья,
Тотъ дивный храмъ, куда и старъ и младъ
Вступали трепетно при гласахъ пѣснопѣнья,
Гдѣ Саваоѳъ не зримо осѣнялъ,
Гдѣ Ангелы съ лазурными крылами,
Гдѣ жертвы тучныя священными руками
Служитель Бога закалалъ!
Играли гусли сладкогласны,
Гремѣла пѣснь Сіонскихъ дочерей...
О какъ они плѣнительны, прекрасны,
Какой огонь ихъ пламенныхъ очей!
На ихъ челѣ невинность и святыня,
Ихъ грудь полна надежды молодой!
О хоры дѣвъ Сіонскихъ! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ вертоградъ сей дорогой.
Гдѣ-жъ дивный храмъ, гдѣ вы, Востока дѣвы?
Увы исчезло; какъ благодатный сонъ,
Замолкли звучные напѣвы,
Туманенъ сумрачный Сіонъ!...
Разбитъ псалтирь, неслышенъ гулъ тимпана,
Печаленъ видъ прекрасныхъ странъ,
Святыя воды Іордана
Поятъ коней Магометанъ!
Еврей, какою ты судьбою
На сѣверѣ? зачѣмъ сюда бѣжалъ?
Зачѣмъ съ прекрасною разстался сторонóю?

ажи, Еврей, чего здѣсь ожидалъ?
я грудь тебя привѣтливо согрѣетъ?
і вѣкъ гонимъ, ты низокъ сердцемъ сталъ,
надъ тобой проклятье тяготѣетъ...
ы, Еврей, ты Бога распиналъ!...

МЕЧТА.

Есть на душѣ завѣтная мечта;
Она моя: въ ней все, что сердце любитъ.
Не знаю я спасетъ или погубитъ
Меня прекрасная мечта...
Она родилася въ минуту упоенья,
Когда я пилъ надеждъ ласкающій фіялъ
И молодой восторгъ эфирное творенье
Въ горящія объятья принималъ.

*
* *

Небесная отрадно просіяла,
Гармоніи чарующей полна;
Торжественна, свѣтла, безъ покрывала,
Душѣ моей явилася она.
И я люблю ее, надъ ней такъ сладко плачу,
Я къ ней ревнивъ,—она моя!

И горе мнѣ, когда тебя утрачу,
Мечта высокая, прекрасная моя!

*
* *

При ней молчатъ жестокія сомнѣнья,
Мой темный путь надеждой озаренъ...
О, оправдай ее, святое Провидѣнье,
И брани нѣтъ, и міръ преображенъ,
За жизнь мою, за день, въ который я рожденъ;
И мнѣ яснѣй мое предназначенье,
Доступнѣй тайна бытія;
Душа полна и силъ, и упоенья!...
Не оставляй меня, отрадное видѣнье;
Мечта высокая, прекрасная моя!

ПѢСНЯ.

Взгляни, мой другъ: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ несутся облака;
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его какъ сонъ, касаяся слегка.

* *
*

Мой милый другъ, твои младые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ;

ставь же мнѣ и громъ и непогоды...
ни твое блаженство унесутъ.

* *
*

рости, забудь, не требуй объясненій...
моей судьбы тебѣ не раздѣлить...
Ты создана для тихихъ наслажденій,
Для сладкихъ слезъ, для счастія любить!
Взгляни, взгляни—по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка!

МОЛИТВА.

Спаситель, Спаситель, Спаситель, мой Боже!
Твой крестъ тяготѣетъ на рамѣ моемъ;
Слезами улито полночное ложе,
И я умоляю тебя объ одномъ:
Спаситель! мнѣ тяжко, мнѣ грустно, Спаситель!
Душа утомилась въ оковахъ земныхъ:
О, дай мнѣ Отецъ мой, покоя обитель,
Въ свободномъ пространствѣ небесъ голубыхъ!
Житейскаго моря мятежныя волны
Давно сокрушили мнѣ юную грудь,

На путь мой, страстей возмутительныхъ полный,
Мнѣ страшно, мнѣ страшно, Спаситель взглянуть,
Лишь тихая лампа да крестъ твой священный,
Полночныя зрѣли страданья мои!
Когда же, Отецъ мой, душой обновленной.
Когда-жъ полечу я въ объятья твои!...

ЗВУКИ.

Они уносятъ духъ—властительные звуки!
Въ нихъ упоеніе мучительныхъ страстей,
Въ нихъ голосъ плачущей разлуки,
Въ нихъ радость юности моей!
Взволнованное сердце замираетъ,
Но я тоски не властенъ утолить:
Душа безумная томится и желаетъ
И пѣть, и плакать, и любить!...

ПѢСНЯ.

Не гляди поэту въ очи,
Не внимай его рѣчамъ,
Убѣгай какъ призракъ ночи,
Недоступная мольбамъ;

е буди его желаній,
изнью, другомъ не зови;
ы страшись его признаній,
не вѣрь его любви…
е желай съ нимъ тайной встрѣчи,—
Разговоръ его—бѣда…
Обольстительныя рѣчи
Очаруютъ навсегда.
Распусти же покрывало
Надъ пылающимъ лицомъ,
Жемчугомъ крупнымъ, кораломъ
Слухъ завѣсь передъ пѣвцомъ!
Но душа твоя желаетъ,—
И любимецъ твой вошелъ….
Надъ челомъ его играетъ
Вдохновенья ореолъ.
Ты съ улыбкою встрѣчаешь,
Унеслась твоя печаль,
Ты рѣчамъ его внимаешь,
Опершися на рояль.
Вся желанье, вся томленье,—
Ловишь звукъ его рѣчей…
Что не скроешь ты волненья,
Не сведешь съ него очей?
Берегись, передъ тобою
Обольстительный пѣвецъ.
Онъ къ ногамъ твоимъ съ *мольбою*

Броситъ гордый твой вѣнецъ;
Берегись, его объятья
Станъ покорный обовьютъ.
Ты погибнешь.... но проклятья
Свѣтлыхъ дней не приведутъ!...
Не приколишь, дѣва, розы
Надъ кудрявой головой,
Побѣгутъ, какъ жемчугъ, слезы
По ланитѣ молодой...
Онъ тебѣ дороже міра,
Но любимецъ твой исчезъ,
И ужъ новаго кумира
Жадно проситъ у небесъ!

ЭЛЕГІЯ.

Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!
Но,— видитъ Богъ,—я сердцемъ не злодѣй:
Я такъ хотѣлъ любить людей,
Хотѣлъ назвать ихъ братьями моими,
Хотѣлъ я жить для нихъ, какъ для друзей!
Я простиралъ къ нимъ жаркія объятья,
Младое сердце въ даръ имъ несъ:
И не признали эти братья,
Не раздѣлили братскихъ слезъ!...

, такъ любилъ! Къ чему воспоминанья?
[юноши безумныя желанья;
дитя. Теперь же вновь люблю
тихую, безмолвною мою.
ѣютъ въ тишинѣ властительныя думы,
желанія, волнуются мечты,
души моей то свѣтлый, то угрюмый,
ущается дыханьемъ клеветы,
о мной, благое Провидѣнье.
ги, мой Творецъ, не Ты ли, вѣчный Богъ,
ъ послалъ въ мое уединенье
й пламенный восторгъ,
святое размышленье?

* *
*

:е по душѣ пройдетъ страстей гроза,
тъ тягостная битва,
устахъ къ Тебѣ горящая молитва,
ізахъ дрожащая слеза.
згу людей, боясь ихъ приближенья,
ь затаить и слезы, и волненья,
зоръ лукавой клеветы
рбилъ моей мечты
но разстаюсь я съ думами моими;
нъ для людей: мнѣ скучно между ними!

ПАЖЪ ГЕНРИХА ВТОРАГО.

Il ne se trouvait qu' un page
Fidèle qui le couvrit de son manteau.

Онъ умеръ внезапно. Ужъ Генрихъ Второй
Не сядетъ на тронѣ... И годы, и злоба,
И позднія страсти, и трудъ боевой,
Сразили... король уже требуетъ гроба.
Вотъ ночь: пилигримъ, притаяся во мглѣ,
Все видѣлъ незримый: растворена зала;
Тамъ трупъ короля обнаженъ на столѣ:
Лишь кудри на мрачномъ бѣлѣлись челѣ,
И что-то какъ пламя на пальцѣ сверкало;
Толпа же рабовъ между тѣмъ расхищала
Покровы, сосуды, златые бокалы.
И тихо и страшно въ полуночной мглѣ!
Вдругъ дверь боковая, гремя, растворилась,
Пажъ блѣдный, какъ тѣнь, къ королю подбѣжалъ:
Младое чело его потъ покрывалъ,
Съ плаща и кудрей его влага струилась.
Вотъ рабъ еще перстня съ руки не сорвалъ,
Какъ въ сердце ему пажъ вонзаетъ кинжалъ,
И кровь, какъ фонтанъ, зашипѣвъ, заклубилась!
Толпа разбѣжалась. Все тихо кругомъ!
И юноша, полный смятенья и муки,
Скрестя на груди трепетавшія руки,

сюняетъ колѣно, поникнувъ челомъ.
гъ тихо встаетъ и на трупъ онъ взираетъ,
бѣлыя кудри надъ грознымъ челомъ;
съ нѣжной заботой, какъ сынъ надъ отцомъ,
ь, скинувши плащъ свой, согрѣтымъ плащемъ
пенѣющій трупъ покрываетъ.
рости!» повторялъ онъ; но голосъ дрожалъ,
долго съ мольбой и любовью
жъ хладную руку владыки лобзалъ.
вотъ одинокъ у его изголовья,
ь духомъ хранителемъ сталъ.
воетъ ли вѣтеръ въ готической залѣ,
ь легкая тѣнь по стѣнѣ пробѣжитъ,
ь чутко внимаетъ, онъ зорко глядитъ;
ка ужъ лежитъ на кинжалѣ.

МОЛИТВА.

іла Тебѣ, Творецъ, хвала, благодаренье!
сердце пламенное далъ!
къ я любилъ Твое прекрасное творенье,
какой слезой Тебя благословлялъ!
плачу: слезы эти святы;
дань Творцу отъ сердца моего
радости мои, за горе и утраты,

По гласу вѣчному закона Твоего.
Какъ я любилъ въ Твоемъ прекрасномъ мірѣ;
Какія чувства испыталъ!
Я ликовалъ на свѣтломъ жизни пирѣ,
Тебя, незримаго, въ твореньи созерцалъ;
И падалъ я, зналъ слезы и волненья...
Плоть бренна; но душой парю!
Къ Тебѣ любовь моя, къ Тебѣ мои волненья.
Благодарю, Творецъ, за все благодарю.

БАБУШКА.

Много ѣзжу я по свѣту—
То забавенъ, то угрюмъ,—
И чего, друзья, поэту
Не прійдетъ—подъчасъ на умъ:
То волшебныя картины
Дальней, милой стороны,
То гроза моей судьбины,
То несбывшіеся сны.
Но всѣхъ болѣе люблю я
Дѣтство бѣдное мое,
Съ сладкой грустію бужу я
Стародавнее житье,
Вотъ за рощей, съ колокольни—
Съ бѣдной, старой—слышенъ звонъ;

ътъ народъ нашъ богомольный
ь храмъ спѣшитъ со всѣхъ сторонъ.
гро тихо, небо ясно,
есь въ цвѣтахъ знакомый лугъ.
ы идемъ (я въ курткѣ красной),
ъ церковь съ бабушкой самъ-другъ.
старушка говорила:
«Какъ была я молода,
Такъ же съ бабушкой ходила—
Въ эту-жъ церковь я тогда.
Сколько лѣтъ она въ могилѣ!
Долго жить мнѣ Богъ привелъ,—
И ужъ жизнь мнѣ черезъ силу,
Мой ужъ вѣкъ за вѣкъ зашелъ.
Много горя я узнала,
Мало счастья въ жизнь мою...
Вотъ и внука увидала—
Буйну голову твою».
Я и слушалъ и дивился...
Но минуту чуть спустя,
Я въ лугу уже рѣзвился—
Своенравное дитя.
Много ѣзжу я по свѣту
То забавенъ, то угрюмъ—
И чего, друзья, поэту
Не прійдетъ подъчасъ на умъ!

ЧАША.

Съ дарами Чаша предо мной сіяла,
А на глазахъ моихъ слеза дрожала;
И къ Чашѣ той смиренно приступалъ
Украшенный звѣздами генералъ —
Шли набожно—и пышная графиня,
И въ рубищѣ одѣтая рабыня,
Калѣка нищій—чуть живой старикъ,
Богачъ купецъ и сильный временщикъ.

* *
*

И Чаша та не даромъ же сіяла,
Слеза не даромъ на очахъ дрожала:
Всѣ были тутъ любовнѣй и дружнѣй,
И съ умиленьемъ я предъ Чашей сей,
Прочелъ въ вельможѣ и въ рабѣ убогомъ,
Что братья мы, что всѣ равны предъ Богомъ.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА ПАВЛОВА.

Родилась въ 1810 году.

I.

ИЗЪ «БЕСѢДЫ ВЪ ТРІАНОНѢ».

Ночь лѣтнюю смѣнило утро;
Отливомъ блѣднымъ перламутра
Востокъ во мракѣ засіялъ;
Погасъ рой звѣздъ на небосклонѣ...
Не унимался въ Тріанонѣ
Веселый шумъ—и длился балъ.

И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ,
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
Живые шепоты неслись;
И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

Но гдѣ въ глуби, сквозь зелень парка,
Огни не такъ сверкали ярко,

Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчъ,
Въ тотъ часъ подъ липами густыми
Два гостя тихо, и межъ ними
Иная продолжалась рѣчь.

Не походили другъ на друга
Они: одинъ былъ сыномъ юга
По виду—странный человѣкъ;
Высокій станъ, какъ шпага гибкой,
Уста съ холодною улыбкой,
Взоръ мѣткій изъ подъ быстрыхъ вѣкъ.

Другой—рябой и безобразный—
Казался чуждъ толпѣ той праздной,
Хоть съ ней встрѣчался не впервой;
И шедши, полонъ думой злою,
Съ повадкой львиной онъ порою
Качалъ огромной головой.

Онъ говорилъ: «Приходитъ время!
Пусть тѣшится слѣпое племя...
Внезапно средь его утѣхъ
Прогрянетъ черни вопль голодный—
И предъ анаѳемой народной
Замолкнетъ наглый этотъ смѣхъ!».

—«Да, молвилъ тотъ, всегда такъ было!
Влечетъ ихъ роковая сила;

гарый долгъ они спѣшатъ
.ъ до страшнаго итога;
взыщется сполна и строго—
:изокъ тяжкій день уплатъ!

,ергая древніе законы,
ародовъ встанутъ милліоны...
ровавый наступаетъ срокъ...
.о мнѣ знакомы бури эти—
Л четырехъ тысячелѣтій
Я помню горестный урокъ.

«И нынѣшняго поколѣнья
Затихнутъ грозныя броженья.
Людской толпѣ, повѣрьте, графъ,
Опять понадобятся узы—
И бросятъ эти же французы
Наслѣдство выстраданныхъ правъ».

—«Нѣтъ, не сойдусь я въ этомъ съ вами!»
Промолвилъ графъ, сверкнувъ очами:
«Нѣтъ, лжи не вѣчно торжество!
Я сынъ скептическаго вѣка;
Я твердо вѣрю въ человѣка
И не боюся за него.

Народъ окрѣпнетъ для свободы,
Созрѣютъ медленные всходы,

кдется новыхъ онъ началъ;
›ка считая скорбнымъ счотомъ,
зоею кровью онъ и пòтомъ
.е даромъ землю утучнялъ.

Умолкъ онъ, взрывъ смиряя тщетный;
А тотъ улыбкой чуть замѣтной
На страстную отвѣтилъ рѣчь;
Потомъ, взглянувъ на графа остро,
«Нельзя», сказалъ онъ, Каліостро
Словами громкими увлечь.

Своей не терпишь ты неволи,
Свои ты ненавидишь боли
И противъ жизненнаго зла
Идешь съ неотразимымъ жаромъ;
Въ себя ты вѣришь—и не даромъ—
Графъ Мирабо, свои дѣла.

«Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила
Какъ путеводное свѣтило
Жить средь гражданскихъ непогодъ;
Что, во влеченьи вѣчно-юномъ,
Своимъ любимцемъ и трибуномъ
Превозгласитъ тебя народъ.

Да, и пойдетъ онъ за тобою,
И кости онъ твои съ мольбою,

…тъ, быть можетъ, въ Пантеонъ;
…овымъ опьянѣвъ успѣхомъ,
…проклятьемъ можетъ быть и смѣхомъ
…вѣтру ихъ размечетъ онъ.

…егда въ его тревогѣ страстной
…лялся, вслѣдъ за мыслью ясной,
…лѣпой и дикій произволъ;
…сегда любовь его безплодна;
Всегда онъ былъ поочередно,
Иль лютый тигръ, иль смирный волъ.

«Толпу я знаю не отнынѣ!
Шелъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ!
Покуда онъ моля Творца,
Народу несъ скрижаль закона—
Народъ плясалъ вкругъ Аарона
И лилъ въ безуміи тельца.

«Я видѣлъ грознаго пророка,
Какъ онъ, разбивъ кумиръ порока,
Сталъ средь трепещущихъ людей
И повелѣлъ имъ, полонъ гнѣва,
Направо рѣзать и налѣво
Отцовъ, и братьевъ, и дѣтей!..

«Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима:
На встрѣчу гибели шелъ мимо

Рабовъ послушныхъ длинный строй,
Всемірной кланяясь державѣ—
И громкое звучало ave»
Передъ несмѣтною толпой.

«Стоялъ жрецомъ я Аполлона
Вблизи у кесарева трона;
Сливались клики въ буйный хоръ;
Я тщетно ждалъ пощады знака—
И умирающаго Дака
Я взоромъ встрѣтилъ грустный взоръ.

«Я былъ въ далекой Галилеи,
Я видѣлъ какъ сошлись евреи
Судить Месію своего;
Въ награду за слова спасенья,
Я слышалъ вопли изступленья:
«Распни его! распни его!»

«Стоялъ величественъ и нѣмъ Онъ,
Когда блѣднѣющій игéмонъ
Спросилъ у черни, оробѣвъ:
Кого пущу вамъ по уставу?
«Пусти разбойника Варавву!»
Гремѣлъ толпы безумной ревъ.

«Я видѣлъ праздники Нерона.
Одѣтъ въ броню Центуріона,

амятный провелъ я съ нимъ.
ино лила Поппея,
ѣлъ стихи въ хвалу Энея
лъ кругомъ зажженный Римъ.
. . . .

II.

Въ часы раздумья и сомнѣнья,
Когда съ души своей порой,
Стряхаю умственную лѣнь я,
На зрѣющія поколѣнья,
Гляжу я съ грустною мечтой...

И трепетно молю я Бога
За этихъ пламенныхъ невѣждъ:
Ихъ осужденіе такъ строго,
Въ нихъ увѣренія такъ много,
Такъ много воли и надеждъ!...

И, можетъ, ляжетъ имъ на темя
Безъ пользы времени рука,
И пропадетъ и это нлемя,
Какъ Богомъ брошенное сѣмя
На почву камня и песка...

:ть много тяжкихъ предвѣщаній,
олодныхъ много есть умовъ,
.оторыхъ мысль, въ нашъ вѣкъ сознаній,
Іе признаетъ святыхъ алканій,
Упрямыхъ вѣръ и дѣтскихъ сновъ....

И, подавленъ земной наукой,
Въ нихъ даръ божественный исчезъ,
И взоръ ихъ, нынѣ близорукій,
Для нихъ достаточной порукой,
Что гаснутъ звѣзды средь небесъ...

Но мы глядимъ на звѣзды неба,
На міра вѣчнаго объемъ,
Но въ насъ жива святая треба,—
И не житейскаго лишь хлѣба
Для жизни мы отъ Бога ждемъ!...

И хоть пора плода благого
Уже настанетъ не для насъ,—
Другимъ онъ нуженъ будетъ снова,
И провидѣнье сдержитъ слово,
Когда-бъ надежда не сбылась...

И мы, чья нива не созрѣла,
Которымъ жатвы не сбирать,
И мы свой жребій встрѣтимъ смѣло:

етъ вѣра—наше дѣло,
льье—наша благодать!

III.

блю я васъ, младыя дѣвы,
юблю грусть жизненной весны,
Іечты неясные напѣвы,
Іще не вѣдающей Еввы
Люблю таинственные сны!

Я помню ихъ... Въ душѣ лѣнивой
Всѣ помнимъ мы упрямый бредъ,
Всѣ помнимъ мы восторгъ свой лживый
И сердца помыслъ горделивый,
И горе внутреннихъ побѣдъ.

У всѣхъ средь жизненной неволи,
Была мечта одна и та-жь...
Но мы, познавъ земныя доли,
Мы, въ коихъ смолкла жажда боли
И присмирѣла сердца блажь.

Мы, въ коихъ нынѣ силы мало,
Чтобъ настоящее нести,
Мы опускаемъ покрывало
На все, что душу волновало.
И шепчемъ тихое «прости!».

ГРАФИНЯ ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА.

Родилась въ 1811 году, скончалась 1858 г.

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.

И больно, и сладко,
Когда, при началѣ любви,
То сердце забьется украдкой,
То въ жилахъ течетъ лихорадка,
То жаръ запылаетъ въ крови...
И больно, и сладко,

Пробьетъ часъ свиданья,—
Потупя предательный взоръ,
Въ волненьи, въ томленьи незнанья,
Боясь и желая признанья,—
Начнешь и прервешь разговоръ...
И въ муку свиданье!...

Не вымолвишь слова...
Немѣешь, робѣешь, дрожишь,

проклиная оковы,
ъ рѣчи излиться-бъ готова...
олько глядишь и молчишь!
Нѣтъ силы, нѣтъ слова.

Настанетъ разлука!—
холодно, гордо простясь,
йдешь съ своей тайной и мукой...
въ сердцѣ истома и скука,—
а вѣчностью каждый намъ часъ,
И смерть намъ разлука.

И сладко, и больно!
И трепетъ безумный затихъ:
И сердцу легко и раздольно,—
Слова полились бы такъ вольно,
Но слушать ужъ не кому ихъ...
И сладко и больно!...

ЧАСЫ УЕДИНЕНЬЯ.

О, какъ люблю я быть одною...
О, какъ одной дышать легко,
Когда и сердцемъ и душою
Я уношуся высоко,

Когда вокругъ меня все дремлетъ,
Живу и мыслю только я,
И слухъ обрадованный внемлетъ
Упокоенье бытія...

Заботы жизни мелочныя,
Нелѣпыхъ празднословій шумъ,
И разговоры заказные,—
Все, въ чемъ вольнолюбивый умъ
Находитъ скуку и терзанье,
Все стихло, смолкло, я одна...
Безпечно сладкому мечтанью
И созерцанью предапа.

Надъ изголовьемъ безмятежнымъ
Младенцевъ спящихъ помолясь,
Улыбкой ихъ въ восторгѣ нѣжномъ
Налюбовавшись, насладясь,—
Я запираюсь... Томной лѣни
Полна безмолвной ночи тѣнь:
Прошелъ день суетныхъ волненій,
И настаетъ духовный день.

Съ небесъ, осыпанныхъ звѣздами,
Мнѣ лучъ поэзіи блеснулъ,
И, убаюканный мечтами,
Въ ихъ нѣгѣ умъ мой отдохнулъ:

венье свѣтлымъ токомъ
на главу мою...
говѣніи глубокомъ
ивящую струю.

аній горящихъ,
райскихъ, райскихъ сновъ,
хъ думъ и грезъ блестящихъ
ый полонъ кровъ.
въ сердцѣ умиленномъ
ѣснь и гимнъ звучитъ:
я, эхомъ отдаленнымъ
вѣчный гимнъ гремитъ.

, вызванныя силой,
гъ тихо предо мной
кто дороги и милы,
кого люблю душой...
памятныя рѣчи,
ихъ голоса:
то вымоленной встрѣчи
орили небеса.

амѣтно прол аютъ
уга и мечты...
полночь. Исчезаютъ
зды съ горней высоты.

ѣдь тишины, уединеньемъ
ша моя освѣжена,
забываетъ съ восхищеньемъ
есь міръ существенный она.

КТО ПОЭТЪ.

Не тотъ поэтъ, кто въ очеркѣ обычномъ,
Кто въ обществѣ людей спокойно взросъ,
Кто вскормленъ былъ разсѣяньемъ столичнымъ,
Кто крестъ тоски на раменахъ не несъ!...

Не тотъ поэтъ, кто роскошью и счастьемъ
Взлелѣянъ былъ отъ колыбельныхъ дней,
Кто не знавалъ бушующихъ страстей
Съ ихъ промежуточнымъ безстрастьемъ!...
Кто съ бальнаго паркета не сходилъ,
Кого любовь въ гостинныхъ отыскала,
Кто суетой жену суетъ плѣнилъ;
Кто въ области святаго идеала
Страданьями гражданства не купилъ...

Не тотъ поэтъ, кто слова правды рѣзкой,
Кто мощный стихъ отвагой молодецкой,
Безстрашіемъ своимъ не заклеймилъ!...

:тины не высказалъ предъ свѣтомъ,
лабый духъ пороку былъ клевретомъ,
потакалъ грѣху и сильнымъ льстилъ...
тотъ поэтъ, кто съ странничьей клюкою
нанья путь терновый не прошелъ,
.о, прислонясь о камень головою,
ночь бурную въ чужбинѣ не провелъ!....
Не тотъ поэтъ, кто съ смертью не братался,
Кто звукъ меча, свистъ пули не слыхалъ,
Кто синевой небесъ не восхищался,
Кто глубь морей мечтой не пожиралъ!...

Поэтъ прямой,—Кто съ раннихъ лѣтъ обжился
Съ грозой небесъ и бурею души,
Кто чистому кумиру поклонился
Не одинокъ, въ убійственной глуши,
Младые дни свои сгубилъ въ тиши...
Кто выгорѣлъ возвышенной любовью,
Кто выплакалъ свой вдохновенный стихъ,
Кто призывалъ къ ночному изголовью
Рой свѣтлыхъ сновъ и чувство неподкупныхъ,
Кто былъ не скупъ младой и жаркой кровью
За край родной и за друзей своихъ...

Поэтъ прямой—кто съ дѣтской простотою
Взмужалость думъ и мыслей сочеталъ,
Кто понялъ свѣтъ догадливой мечтою,
Кто сердце прочь отъ свѣта оторвалъ,

отъ него, какъ отъ змѣи, бѣжалъ!...
го глухъ и слѣпъ для дольныхъ искушеній,
.и почестьми, ни златомъ не прельщенъ,
Кто въ пламени житейскихъ треволненій,
Какъ штыкъ стальной, на вѣки закаленъ!...

Поэтъ прямой—кто вышнему избранью
Не измѣнилъ, въ борьбѣ съ судьбой не палъ,
Кто обреченъ душевному изгнанью,
Кто каждый день терялъ по упованью,
Кто каждый шагъ утратой измѣрялъ!...

Пусть онъ поетъ, пусть вѣщими струнами
Разскажетъ быль души своей живой,
Пусть для толпы онъ облечетъ словами
Нетлѣнныхъ думъ, видѣній міръ святой,
Пусть какъ пророкъ, торжественно-грозящій
Онъ вопіетъ на нашъ преступный свѣтъ,
Пусть, возстаетъ онъ пѣснію гремящей,
На чадъ земли и на рабовъ суетъ!...
Ему, ему наградой многоцѣнной
Пусть загоритъ восторгъ въ сердцахъ младыхъ,
Пусть заблиститъ слеза въ глазахъ живыхъ,
И пусть въ отвѣтъ онъ встрѣтитъ вдохновенный
Сочувственной души созвучный стихъ!...
Его поймутъ, его оцѣнятъ въ свѣтѣ
Не многіе,—но вправду, всей душой...

найдетъ въ ихъ взорѣ и привѣтѣ
го братства жаръ святой.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: «БОЛѢЗНИ ВѢКА».

ѣ жалко васъ, скучающихъ и блѣдныхъ,
емли непрошенныхъ, взыскательныхъ гостей,
богатыхъ опытомъ, а радостями бѣдныхъ,
Живущихъ на-обумъ, безъ жизни, безъ страстей...
Мнѣ жалко васъ, младое поколѣнье
Несѣдовласыхъ старичковъ!...
Хотѣлось бы вамъ дать уразумѣнье,
Родъ не разумныхъ мудрецовъ!

Вы смотрите надменно, безъ участья,
На братьевъ, свыкшихся съ ихъ долею земной;
Вы наслажденьями присытились,—а счастья,
Слѣпцы! не поняли холодною душой.
Вамъ въ тягость жизнь, вы небомъ не довольны,
На васъ самъ Богъ не угодилъ...
Безсильные! въ другихъ вамъ видѣть больно
Богатство воли, чувствъ и силъ.

Вы отжили не живши... Вы, какъ гости,
Которые пришли хмѣльные ужъ на пиръ:

Не въ сладость чаша вамъ: пресыщены,—отъ злости
Къ ликующимъ,—съ тоской глядите вы на міръ...
Ни тайнъ, ни чаръ, ни свѣтлыхъ упованій—

Бездольные—въ немъ нѣтъ для васъ!...
Въ цвѣту убили вы порывъ желаній,
Восторгъ и страсть, и счастья часъ...

Вы сердца сны зовете заблужденьемъ,—
Любовь, поэзію и славу суетой;
Гордясь, безвѣріе свое разувѣреньемъ
Вы величаете... Неправъ вашъ судъ пустой!...
Прекрасна жизнь, и Божій міръ прекрасенъ,—

Но родъ людей и лживъ, и золъ
Да зависти шипучій злой опасенъ,
Да страненъ рока произволъ...

Прекрасна жизнь, и Божій міръ прекрасенъ,—
Но слишкомъ часто мы другъ другу портимъ ихъ...
Вашъ ропотъ суетенъ, безуменъ и напрасенъ:
Не распознали вы прямыхъ путей земныхъ.

Въ самихъ себѣ вы жизни не искали,
Духовныхъ благъ не обрѣли;
У чистаго источника не ждали,
Ключъ животворный не нашли.

а вы просили упоеній,
ій, жалкій свѣтъ васъ глупо обманулъ.
али, что жизнь—цѣпь легкихъ наслажденій,
оръ всѣмъ прихотямъ, младыхъ страстей
разгулъ..

Ошиблись вы:—своей ошибки пошлой
Простить не можете себѣ,
Ни жизни, ни землѣ, ни вашей прошлой
На вѣтеръ брошенной судьбѣ.

Не тамъ искали вы, гдѣ должно, жизни...
Не тамъ она цвѣтетъ, не тамъ она горитъ!...
Ни вашему суду, ни вашей укоризнѣ
Таинственность ея путей не подлежитъ.

Вы шли въ потьмахъ дорогой заблужденій,
Васъ самолюбіе вело:—
Кто виноватъ, что къ цѣли сожалѣній
Оно васъ рано привело?...

Душѣ сказали вы: «Ты хламъ напрасный,
Не нужный спутникъ намъ!...» И вы расстались
съ ней,
Отбросивъ все, что въ насъ и свято, и прекрасно.
Какъ тварь, вы слушались лишь крови и страстей;

Вы только благъ вещественныхъ просили;
Манила внѣшность васъ одна...

въ кару вамъ, что о душѣ забыли, —
забыла тоже васъ она!

. . . .

денъ міръ, гдѣ вѣчная природа
ерпаемый мыслителю предметъ, —
иудно высится твердь голубого свода,
къ солнца яснаго смѣняетъ лунный свѣтъ,

Гдѣ океанъ бушуетъ горделиво,
Цвѣтетъ душистая весна,
И лѣто сходитъ знойное на нивы,
И прелесть осени дана....

АФЪ АЛЕКСѢЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Родился 1817 г., скончался 1875 г.

I.

Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь:
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено...
А и зашелъ-бы Спѣсь къ отцу, къ матери,—
Да ворота не крашены....
А и помолился-бъ Спѣсь въ церкви Божіей,—
Да полъ не метенъ.
Идетъ Спѣсь, видитъ,—на небѣ радуга,
Повернулъ Спѣсь въ другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися....

II.

Ой, кабы Волга Матушка да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты разцвѣтали,
Кабы мы любили да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измѣрить,
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!...
Ой, кабы всѣ бабы были-бъ молодицы,
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту,
Кабы кривосудье по боку да къ чорту!...
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ,
Да кабы неправды человѣкъ не вѣдалъ!

III.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ІОАННЪ ДАМАСКИНЪ».

Колоколовъ унылый звонъ
Съ утра долину оглашаетъ;
Покойникъ въ церковь принесенъ;
Обрядъ печальный похоронъ
Соборъ отшельниковъ свершаетъ.

ли свѣтится алтарь,
ъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
напутственный тропарь,
лонахи вторятъ хоромъ.

ТРОПАРЬ.

«Какая сладость въ жизни сей
мной печали не причастна?
ье ожиданье не напрасно,
«И гдѣ счастливый межъ людей?
«Все то превратно, все ничтожно,
«Что мы съ трудомъ пріобрѣли—
«Какая слава на земли
«Стоитъ тверда и непреложна?
«Все пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ,
«Исчезнетъ все какъ вихорь пыльный,
«И передъ смертью мы стоимъ
«И безоружны и безсильны.
«Рука могучаго слаба,
«Ничтожны царскія велѣнья—
«Пріими усопшаго раба,
«Господь, въ блаженныя селенья!
«Средь груды тлѣющихъ костей
«Кто царь, кто рабъ, судья иль воинъ?
«Кто царства Божія достоинъ,
«И кто отверженный злодѣй?

«О, братья, гдѣ сребро и злато,
«Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
«Среди невѣдомыхъ гробовъ
«Кто есть убогій, кто богатый?
«Все пепелъ, дымъ, и пыль, и прахъ,
«Все призракъ, тѣнь и привидѣнье—
«Лишь у тебя па небесахъ,
«Господь, и пристань и спасенье!
«Исчезнетъ все, что было плоть,
«Величье наше будетъ тлѣнье—
«Пріими усопшаго, Господь,
«Въ твои блаженныя селенья!

«И Ты, предстательница всѣмъ,
«И Ты, заступница скорбящимъ,
«Къ Тебѣ о братѣ, здѣсь лежащемъ,
«Къ Тебѣ, Святая, вопіемъ!
«Моли Божественнаго Сына,
«Его, Пречистая, моли,
«Дабы отжившій на земли
«Оставилъ здѣсь свои кручины!
«Все пепелъ, прахъ, и дымъ, и тѣнь,
«О, други, призраку не вѣрьте!
«Когда дохнетъ въ нежданный день
«Дыханье тлительное смерти,
«Мы всѣ поляжемъ какъ хлѣба,
«Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ—

ли усопшаго раба,
одь, въ селеніяхъ счастливыхъ!
въ незнаемый я путь,
межъ страха и надежды;
й взоръ угасъ, остыла грудь,
е внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды;
эжу безгласенъ, недвижимъ,
е слышу братскаго рыданья,
отъ кадила синій дымъ
не мнѣ струитъ благоуханье;
«Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
«Моя любовь не умираетъ,
«И ею, братья, васъ молю,
«Да каждый къ Господу взываетъ:
«Господь! Въ тотъ день, когда труба
«Вострубитъ міра преставленье—
«Пріими усопшаго раба
«Въ Твои блаженныя селенья!»

Такъ онъ съ монахами поетъ.
Но вотъ межъ ними гость нежданный,
Нахмуря брови, предстаетъ
Наставникъ старый Іоанна.
Суровы строгія черты,
Главу подъемля величаво:
«Пѣвецъ—онъ молвитъ—такъ-ли ты

«Блюдешь и чтишь мои уставы?
«Когда предъ нами братній прахъ,
«Не пѣть, но плакать намъ пристойно!
«Въ твоихъ-ли звукахъ и стихахъ
«Теперь нуждается покойный?
«Изыди, инокъ недостойный—
«Не въ нашихъ жить тебѣ стѣнахъ!»
И гнѣвной рѣчью пораженный,
Виновный палъ къ его ногамъ:
«Прости, отецъ! Не знаю самъ,
«Какъ преступилъ твои законы!
«Во мнѣ звучалъ немолчный гласъ,
«Въ неодолимой сердца мукѣ
«Невольно вырвалися звуки,
«Невольно пѣсня полилась!»
И ноги старца онъ объемлетъ:
«Прости вину мою отецъ!»
Но тотъ раскаянью не внемлетъ,
Онъ говоритъ: «Бѣги, пѣвецъ!
«Досель житейская гордыня
«Еще жива въ твоей груди—
«Отъ нашихъ келій отойди,
«Не оскверняй собой пустыни!»

IV.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ГРѢШНИЦА».

жно немощнымъ обидамъ
лалъ онъ дѣвы молодой,
слѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ
ходитъ къ храминѣ другой.
, его смиренномъ выраженьи
осторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Іо мысль глубокая легла
Іа очеркъ дивнаго чела.
Го не пророка взглядъ орлиный,
Іе прелесть ангельской красы—
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы!
Поверхъ хитона, упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада—
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ
Какъ дуновенье тишины,
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.

Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя—
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердце сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный

мъ мрачила ежечасно.
первый разъ гнушаясь зла,
въ томъ взорѣ благодатномъ
.ру днямъ своимъ развратнымъ.
милосердіе прочла;
чуя новое начало,
не страшась земныхъ препонъ,
на, колебляся стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

V.

Господь, меня готовя къ бою,
Любовь и гнѣвъ вложилъ мнѣ въ грудь,
И мнѣ десницею святою
Онъ указалъ правдивый путь,
Одушевилъ могучимъ словомъ,
Вдохнулъ мнѣ въ сердце много силъ.
Но непреклоннымъ и суровымъ

ня Господь не сотворилъ.
гнѣвъ я свой истратилъ даромъ.
обовь не выдержалъ свою,
даръ напрасно за ударомъ
.. отбивая, устаю.
Іа встрѣчу ихъ враждебной вьюгѣ
І вышелъ въ поле безъ кольчуги,
И гибну, раненый въ бою!

VI.

Когда кругомъ безмолвенъ лѣсъ дремучій
И вечеръ тихъ;
Когда невольно просится пѣвучій
Изъ сердца стихъ:
Когда упрекъ мнѣ шепчетъ шелестъ нивы,
Иль шумъ деревъ;
Когда кипитъ во мнѣ нетерпѣливо
Правдивый гнѣвъ;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелыхъ тучъ;
Когда вдали мелькнетъ передо мною
Надежды лучъ;
Средь суеты мірскаго развлеченья.
Среди заботъ,

уша въ надеждѣ и сомнѣньи
Тебя зоветъ,
дно мнѣ умомъ понять разлуку,
Ты такъ близка!
ючетъ сжать твою родную руку
Моя рука.

VII.

Колокольчики мои
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темноголубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несетъ меня стрѣлой
На полѣ открытомъ,
Онъ васъ топчетъ подъ собой,
Бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,

е кляните вы меня,
емноголубые!

I бы радъ васъ не топтать,
Радъ промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бѣгъ неукротимый!
Я лечу, лечу стрѣлой,
Только пыль взметаю,
Конь несетъ меня лихой,
А куда—не знаю!

Онъ ученымъ ѣздокомъ
Не воспитанъ въ холѣ,
Онъ съ буранами знакомъ,
Выросъ въ чистомъ полѣ,
И не блещетъ какъ огонь
Твой чепракъ узорный,
Конь мой конь, славянскій конь,
Дикій, непокорный!

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? Кручиной?

гь не можетъ человѣкъ—
,етъ Богъ единый!

ıаду-ль на солончакъ
ı мирать отъ зною?
Іли злой киргизъ-кайсакъ,
Съ бритой головою,
Молча, свой натянетъ лукъ,
Лежа подъ травою,
И меня догонитъ вдругъ
Мѣдною стрѣлою?

Иль влетимъ мы въ свѣтлый градъ
Со кремлемъ престольнымъ?
Чудно улицы гудятъ
Гуломъ колокольнымъ,
И на площади народъ,
Въ шумномъ ожиданьи,
Видитъ: съ запада идетъ
Свѣтлое посланье.

Въ кунтушахъ и въ чекменяхъ,
Съ чубами, съ усами,
Гости ѣдутъ на коняхъ,
Машутъ булавами,
Подбочась, за строемъ строй
Чинно выступаетъ,

укава ихъ за спиной
вѣтеръ раздуваетъ.

И хозяинъ на крыльцо
Вышелъ величавый;
Его свѣтлое лицо
Блещетъ новой славой;
Всѣхъ его исполнилъ видъ
И любви и страха,
На челѣ его горитъ
Шапка Мономаха

«Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!»
Говоритъ державный,
«Долго, дѣти, ждалъ я васъ
«Въ городъ православный!»
И они ему въ отвѣтъ:
«Наша кровь едина,
«И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
«Чаемъ господина!»

Громче звонъ колоколовъ,
Гусли раздаются,
Гости сѣли вкругъ столовъ,
Медъ и брага льются,
Шумъ летитъ на дальній югъ
Къ туркѣ и къ венгерцу—

.овшей славянскихъ звукъ
.мцамъ не по сердцу!

.й, вы, цвѣтики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня,
Темноголубые?
И о чемъ грустите вы
Въ день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

VIII.

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

IX.

Поразмысливъ акуратно,
Я избралъ себѣ дорожку
И иду по ней безъ шума,
Понемножку, понемножку!

Впрочемъ я вѣдь не безстрастенъ,
Я не холоденъ душою,
И во мнѣ вѣдь закипаетъ
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидитъ,
Не спущу я, какъ же можно!
Изъ себя какъ разъ я выйду,
Осторожно, осторожно!

Безъ ума могу любить я,
Но любить конечно съ толкомъ;
Я готовъ и правду рѣзать,
Тихомолкомъ, тихомолкомъ!

Если-бъ братъ мой захлебнулся,
Я-бъ не сталъ махать руками,
Тотчасъ кинулся бы въ воду,
Съ пузырями, съ пузырями!

Радъ за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я—

›ю лягу въ чистомъ полѣ
, увѣчья, безъ увѣчья!

служу я и въ синклитѣ,
къ чтобъ вѣдали потомки,
› ужъ если пасть придется—
‹акъ соломки, такъ соломки!

Кто мнѣ другъ, тотъ другъ мнѣ вѣчно,
Всѣ родные сердцу близки,
Всѣмъ союзникамъ служу я,
По-австрiйски, по-австрiйски!

X.

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ—
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ—
Мою любовь, широкую какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы мiровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкiе лучи.

И порознь ихъ отыскивая, жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти, земное минетъ горе,
Пожди еще—неволя недолга—
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что не вмѣстятъ земные берега.

XI.

1.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что̀ ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

2.

ударь ты нашъ, батюшка,
арь Петръ Алексѣевичъ,
ты изволилъ крупы достать?
-моремъ, матушка, зà-моремъ,
оремъ, сударыня, зà-моремъ!

3.

Государь ты нашъ, батюшка,
осударь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

4.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?
— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

5.

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

6.

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ сóлона?
Солона, матушка, сóлона,
Солона, сударыня, сóлона!

7.

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А кто-жъ будетъ ее расхлёбывать?
Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

XII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ПОТОКЪ—БОГАТЫРЬ».

1.

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русыхъ отъ косъ, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ-ли отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что съ потѣхой охотно мѣшали дѣла,
Отъ ихъ времени пѣсня теперь повела,

)-ль старорусскаго краю,
, кончится пѣсня—не знаю.

2.

диміра-Солнышка праздникъ идётъ,
ванье идётъ, ликованье,
молодицами гридни ведутъ хороводъ,
лей звонъ и кимваловъ бряцанье;
лодицы что свѣтлыя звѣзды горятъ,
подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ,
Азгибаяся, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на-диво.

3.

Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошолъ:
Взглянетъ—искрами словно обмечетъ;
Повернется на право—что̀ сизый орелъ,
Повернется на-лѣво—что̀ кречетъ;
Подвигается мѣрно и взадъ, и впередъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнётъ,
То вдругъ станетъ, тряхнувши кудрями,
Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.

4.

И дивится Владиміръ на стройную стать,
И дивится на свѣтлое око:
— Никому, говоритъ, на Руси не плясать
Супротивъ молодого Потока!

Но ужъ поздно—встаетъ со княгинею князь,
На-три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь,
Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться—
Это значитъ: пора разставаться.

5.

И съ поклонами гости уходятъ домой,
И Владиміръ княгиню уводитъ,
Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
Подбочася, по прежнему ходитъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнётъ,
Не замѣтилъ онъ, какъ отошолъ хороводъ,
Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
Продолжаетъ по прежнему пляску.

6.

Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за̀-лѣсу кажетъ рога,
И туманомъ подернулись балки,
Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
Въ Заднѣпровьѣ послышался лѣшаго вой,
По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
На трубѣ вѣдьма пологомъ машетъ,
А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.

7.

Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,

) бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь
, взадъ и впередъ, подбочася,
ь самой зарей утомился Потокъ,
собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ.
эстницы какъ снопъ упадаетъ,
юлтысячи лѣтъ засыпаетъ.

8.

.ого сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
идитъ славныя схватки и сѣчи,
Красныхъ дѣвицъ внимаетъ радушный привѣтъ,
И съ боярами судитъ на вѣчѣ;
Или видитъ Владиміра вѣжливый дворъ,
За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
Иль на ловлѣ со княземъ гуторитъ.
Иль въ совѣтѣ настойчиво споритъ.

9.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ,
Предъ собой видитъ теремъ дубовый,
Подъ узорнымъ окномъ, въ закутномъ цвѣтникѣ,
Распускается розанъ махровый.
Полюбился Потоку красивый цвѣтокъ,
И понюхать его норовится Потокъ,
Какъ въ окнѣ показалась царевна,
На Потока накинулась гнѣвно:

10.

— Шеромыжникъ, болванъ, неучоный холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросёнокъ, телёнокъ, свинья, эфіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло.
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Чтó иного словца мнѣ сказать не велитъ,
Я тебя прощелыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала!

. . . .

14.

И пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца:
—Гдѣ здѣсь, дядя, сбирается вѣче?
Но на томъ отъ испугу не видно лица:
—Чуръ меня, говоритъ, человѣче!
И пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
У того-жъ голова заходила кругомъ,
Онъ на землю какъ снопъ упадаетъ,
Лѣтъ на триста еще засыпаетъ.

15.

Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
На какой—не припомнитъ преданье;
Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ,
Входитъ онъ во просторное зданье;

судьи сидятъ, и торжественно тутъ
реступникомъ гласный свершается судъ:
лѣнны и тяжки улики
упленья-жъ довольно велики:

16.

отца отравилъ, пару тётокъ убилъ,
лъ подлогомъ чужое имѣнье,
двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ—
жидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
—Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чёмъ!
Тутъ платками имъ слѣва и справа
Машутъ барыни съ криками: браво!

17.

И промолвилъ Потокъ:—Со присяжными судъ
Былъ обыченъ и нашему міру,
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!
А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
— Вишь какой затесался сюда ретроградъ!
Отстало́й онъ, то видно, по платью,
Притѣснять хочетъ меньшую братью!

18.

Но Потокъ изъ ихъ словъ ничего не пойметъ
И въ другое онъ зданіе входитъ;
Тамъ какой-то аптекарь, не то патріотъ,
Предъ толпою ученье проводитъ:
Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существуетъ Господь,
То онъ только есть видъ кислорода,
Вся же суть въ безначальи народа.

19.

И увидя Потока, къ нему свысока
Патріотъ обратился сурово:
— Говори, уважаешь ли ты мужика?
Но Потокъ вопрошаетъ:—Какого?
— Мужика вообще, чтó смиреньемъ великъ?
Но Потокъ говоритъ:—Есть мужикъ и мужикъ;
Если онъ не пропьетъ урожаю,
Я тогда мужика уважаю.

20.

— Феодалъ! закричалъ на него патріотъ,
Знай, что только въ народѣ спасенье!
Но Потокъ говоритъ—Я вѣдь тоже народъ,
Такъ за что-жъ для меня исключенье?
Но къ нему патріотъ—ты народъ, да не тотъ,
Править Русью призванъ только чёрный народъ;

гарой системѣ всякъ равенъ,
.шей лишь онъ полноправенъ.

21.

всѣ подняли крикъ, словно дернулъ ихъ бѣсъ,
жаютъ Потоку бѣдою;
ашно: *почва, гуманность, коммуна, прогрессъ,*
ıто *кто-то заѣденъ средою.*
;жъ собой вперерывъ, на подобье галчатъ,
ɔсѣ объ общемъ какомъ-то о дѣлѣ кричатъ,
И Потока съ язвительнымъ тономъ
Называютъ остзейскимъ барономъ,

22.

И подумалъ Потокъ:—Ужъ, Господь борони,
Не проснулся ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лёжа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана;
А сегодня велятъ мужика обожать.
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на брюхѣ,
На вчерашнемъ основана духѣ.

23.

Въ третій входитъ онъ домъ—и объялъ его страхъ:
Видитъ, въ длинной палатѣ вонючей,

Всѣ острижены вкругъ, въ сюртукахъ и въ очкахъ,
Собралися красавицы кучей.
Про какія-то женскія споря права,
Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
Пресловутое общее дѣло:
Потрошать чье-то мертвое тѣло.

24.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжитъ,
А онѣ восклицаютъ ехидно:
Ахъ, какой онъ *пошлякъ*! ахъ, какъ онъ *не развитъ*!
Современности вовсе не видно!
Но Потокъ говоритъ, очутясь на дворѣ:
То-жъ бывало у насъ и на Лысой горѣ,
Только вѣдьмы, хоть голы и босы,
Но по крайности есть у нихъ косы!

25.

И что̀ видѣть и слышать ему довелось:
И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,
И въ сіяньи мужикъ, и дѣвицы безъ косъ—
Все приводитъ его къ заключенью:
Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ чудесъ;
Я не знаю что̀ значитъ какой-то прогрессъ,
Но до здраваго русскаго вѣча,
Вамъ еще, государи, далече!

26.

, сдѣлалось гадко и тошно ему,
лъ нà-земь какъ снопъ упадаетъ,
цъ слово прогрессъ, какъ въ чаду и дыму,
на двѣсти еще засыпаетъ.
уждѣнья его мы теперь подождёмъ,
, проснувшись, увидитъ, о томъ и споемъ,
юкудова онъ не проспится,
удачу намъ пѣть не годится.

XIII.

МАДОННА РАФАЭЛЯ.

Склоняся къ юному Христу,
Его Марія осѣнила,
Любовь небесная затмила
Ея земную красоту.
А Онъ, въ прозрѣніи глубокомъ,
Уже вступая съ міромъ въ бой,
Глядитъ впередъ—и яснымъ окомъ
Голгоѳу видитъ предъ собой.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Родился 1825 года.

Изъ поэмы.

Въ теплый вечеръ въ ульяхъ чистыхъ
Зрѣютъ свѣтлые соты:
Въ теплый вечеръ липъ душистыхъ
Благовонные цвѣты;
И когда по нимъ слезами
Потечетъ прозрачный медъ,
Вьется жадно надъ цвѣтами
Пчелъ ликующій народъ.
Наклоняя сладострастно
Свой усталый стебелекъ,
Гостя милаго напрасно
Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ:
Такъ и ты цвѣла стыдливо,
И въ тебѣ, дитя мое,
Созрѣвало прихотливо
Сердце пылкое твое...

>, въ красѣ расцвѣта,
полна,
ишь подъ солнцемъ лѣта
ка и пышна.

ѲЕДЯ.

ача въѣзжаетъ, да ночью морозной,
арень въ село на лошадкѣ усталой.
Гучи сѣдыя столпилися грозно,
Звѣздочки нѣтъ ни великой, ни малой.

Энъ у забора встрѣчаетъ старуху:
«Бабушка, здравствуй!»—Ахъ Ѳедя, откуда?
Гдѣ пропадалъ ты?... Ни слуху, ни духу!...
«Гдѣ я бывалъ—не увидишь отсюда...

«Живы-ли братья? Родная жива-ли?
«Наша изба все цѣла, не сгорѣла?
«Правда-ль, Параша, въ Москвѣ мнѣ сказали
«Наши ребята, постомъ овдовѣла.

— Домъ вашъ какъ былъ, словно полная чаша,
Братья всѣ живы, родная здорова,
Умеръ сосѣдъ, овдовѣла Параша,—
Да черезъ мѣсяцъ пошла за другого.—

Вѣтеръ подулъ... Засвисталъ онъ легонько,
На небо глянулъ, и шапку надвинулъ;
Молча рукой онъ махнулъ, и тихонько
Лошадь назадъ повернулъ... да и сгинулъ.

НОЧЬ.

О, ночь безлунная, ночь теплая, нѣмая,
Ты нѣжишься, ты млѣешь, изнывая,
Какъ отъ любовныхъ ласкъ усталая жена...
Иль, можетъ быть, невѣдѣньемъ полна,
Мечтательнымъ невѣдѣньемъ желаній,
Стыдливая, ты ждешь таинственныхъ лобзаній.
Скажи мнѣ ночь, въ кого ты влюблена?
Но ты молчишь на мой вопросъ нескромный
И надъ тобой покровъ густѣетъ темный.

Я зараженъ тобой: вдыхаю влажный паръ,
И чувствую,—въ груди тревожный вспыхнулъ жаръ;
Мнѣ слышится твой безконечный ропотъ,
Твой лепетъ вкрадчивый, твой непонятный шепотъ...
И тѣнь пахучая подъемлется кругомъ;
Лицо горитъ невѣдомымъ огнемъ,

ная грудь дрожитъ воспоминаньемъ,
грустію, блаженствомъ и желаньемъ —
ухъ ласковый, чуть-дышащій, ночной,
будто самъ дрожитъ и пышетъ надо мной.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

яють тучи золотыя
адъ отдыхающей землёй;
оля просторныя нѣмыя
лестятъ, облитыя росой;
учей журчитъ во мглѣ долины;
дали гремитъ весенній громъ,
Лѣнивый вѣтръ въ листахъ осины
Трепещетъ пойманнымъ крыломъ.

Молчитъ и млѣетъ лѣсъ высокій,
Зеленый тёмный лѣсъ молчитъ,
Лишь иногда въ тѣни глубокой
Безсонный листъ прошелеститъ.
Звѣзда дрожитъ въ огняхъ заката,
Любви прекрасная звѣзда,
А на душѣ легко и свято,
Легко, какъ въ дѣтскіе года.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОЛОНСКІЙ.

Родился въ 1820 году.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КУЗНЕЧИКЪ-МУЗЫКАНТЪ».

Впереди оркестра, на своей скрипицѣ
Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
Выходила замужъ бабочки кузина—
И женихъ былъ славный съ хоботомъ дѣтина;
По уму, конечно, не былъ изъ проворныхъ,
Но происходилъ онъ изъ червей отборныхъ.
По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ несносенъ
Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ сосенъ
Сравнивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,
Уважалъ шиповникъ и боялся галокъ.
Но какое дѣло намъ до этихъ вздоровъ!
Балъ великолѣпный. Звуки льются съ хоровъ.
Шпанскихъ мухъ десятки въ золотыхъ ливреяхъ
Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ
Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.

Копошатся гости. Въ мѣсячномъ сіяньѣ
Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣяньѣ;
Стрекоза, сцѣпившись съ стрекозой, несётся;
Пестрый вихорь вальса шелеститъ и вьется;
Жуколицы ходятъ около буфета;
Ползаютъ козявки, а большого свѣта
Жосткія особы, божія коровки,
Собрались другъ другу показать обновки.
Молча подбираясь къ двумъ зеленымъ мухамъ,
Два жука какихъ-то выступали брюхомъ
На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
Важно и небрежно, присѣдая пляшетъ;
Рѣзвая сильфида крылышками машетъ:
Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры—
Все въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры.
Мой артистъ-кузнечикъ и душой пылаетъ,
И очей не сводитъ, и какъ чортъ играетъ.
По ея же просьбѣ—сердцемъ неизмѣнный—
Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
Танецъ, подъ который скачутъ и понынѣ
Стаи насѣкомыхъ на любой куртинѣ
Вашего же сада, если, о читатель,
Садъ иль хоть садишко далъ тебѣ Создатель.
Но и насѣкомыхъ балъ не обошелся
Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашелся
Злой паукъ, который, съ вѣточки. на вѣтку

Протянувши нити, невидимку—сѣтку
Сдѣлалъ такъ канальски ловко и искусно,
Что тайкомъ быть можетъ и покушалъ вкусно.
Говорятъ, вдобавокъ шлепнулась коровка,
И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его сильфиду
Паучокъ какой-то, пренаивный съ виду,
За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли,
Притянуть старался, и глядѣлъ ужъ-нѣтъ-ли
Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ,
Что-бъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ
Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья.
Но артистъ ревнивый понялъ ухищренья,
Подскочилъ и порвалъ роковыя нити.
Паучокъ надулся; а комаръ: «смотрите»,
Пропищалъ артисту, «какъ вы замарались,
Точно въ неприличномъ мѣстѣ обретались».
Покраснѣлъ кузнечикъ: видитъ—паутина,
Къ рукаву прилипла! «Экая скотина!»
Проворчалъ и—вытеръ. Бабочка ни слова
Не сказала, только выбрала другого
Въ танцахъ кавалера: кавалеръ крылатый
Былъ ея сосѣдки братецъ глуповатый.
«Правда-ли», спросилъ онъ: «слухъ идетъ изъ
нивы,
Будто бы въ маэстро страстно влюблены вы?
Будто бы кузнечикъ говорилъ, что хочетъ

Онъ на васъ жениться и о томъ хлопочетъ?»
—«Что вы говорите?» молвила сильфида:
«Мой женихъ кузнечикъ! Какова обида!
Кто такіе въ свѣтѣ распускаетъ слухи?
Или эту глупость выдумали мухи!»
— «Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! Кто-то изъ оркестра
Говорилъ, что слышалъ будто отъ маэстро».
Фея надъ собою сдѣлала усилье,
Чтобъ не разсердиться и встряхнувши крылья,
Бросила холодный взглядъ на музыканта,
А когда кричали въ честь его таланта:
«Браво! фора! фора!» дѣлала гримаски,
Или улыбалась, опустивши глазки.
. . . .

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

На скамьѣ, въ тѣни прозрачной
Тихо-шепчущихъ листовъ,
Я всю ночь готовъ, какъ сторожъ,
Просидѣть до пѣтуховъ.
Далеко мелькаютъ звѣзды,
Облака озарены,
И дрожа тихонько льется

Свѣтъ волшебный отъ луны.
Жизни лучшія мгновенья,
Сердца жаркія мечты,
Роковыя впечатлѣнья
Зла, добра и красоты:
Все, что близко, что далеко,
Все, что грустно и смѣшно,
Все, что спитъ въ душѣ глубоко—
Въ этотъ мигъ озарено...

Отчего-жъ былого счастья
Мнѣ теперь ни-чуть не жаль,
Отчего былая радость
Безотрадна, какъ печаль?
Отчего печаль былая
Такъ свѣжа и такъ ярка?...
Непонятное блаженство,
Непонятная тоска!

* *
*

Пришли и стали тѣни ночи
На-стражѣ у моихъ дверей:
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей;
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ моей небрежной

Рукой измятое кольцо.
Помедли, ночь! Густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви...
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!...
Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаяся, назадъ:
Ея потупленныя очи
Уже глядятъ и не глядятъ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла;
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О, солнце, солнце! Погоди...

СТАТУЯ.

(Изъ воспоминаній художника).

Въ часъ заката, съ послѣднимъ лучомъ
Покидалъ я въ Локридѣ мой домъ;
Въ часъ мерцанія вѣчныхъ свѣтилъ
Отдыхать я на камнѣ любилъ,
Возлѣ моря Коринѳскаго, тамъ,
Гдѣ почіетъ разрушенный храмъ.

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
О, Эллада! Эллада!

Тамъ, [illegible]
И [illegible]
Помню [illegible] какъ бр[illegible] стада.
И зеленою плетью вился.
То взбѣгая, то падая внизъ,
По руинамъ живые листы
Повилики, и мохъ выступалъ
И на сѣромъ обломкѣ плиты
Желтый змѣй чешуею сверкалъ...
О, Эллада! Эллада!

По-надъ пепельной грудой камней,
Изъ-за темнозеленыхъ вѣтвей

Поднималась статуя. Вѣка
На лицѣ пощадили черты
Первобытной ея красоты,
И была лишь отбита рука
Да обтесаны, складки одеждъ
Безпощадной рукою невѣждъ...
И была обвита вся кругомъ
Та статуя зеленымъ плющемъ.

Помню ночь,—ночь была
Упоительной нѣги полна,
Въ облака погружаясь луна,
И изъ нихъ выплывая, была
Такъ тепла, такъ волшебно свѣтла,
Что, казалось, въ заливѣ морскомъ,
Золотымъ подвигаясь столбомъ,
Ея лучъ волны моря зажжетъ,
Что ей гимнъ гдѣ-то нимфа поетъ...
Чей-то парусъ бѣлѣлся вдали,
Кто-то правилъ чуть видный рулемъ;
Темный руль догоняли струи,
Отливаясь вдали серебромъ...
И, колеблясь, прозрачно-густой
Отъ земли къ небесамъ паръ ночной
Поднимался,—какъ будто богамъ,
Безъ огня, самъ-собой ѳиміамъ
Воскурялся...

Въ эту ночь на холмѣ я стоялъ.
Я къ статуѣ мой взоръ приковалъ,
И ея блѣдно-мраморный ликъ,
Съ томно-яснымъ челомъ, съ высоты
Мнѣ на встрѣчу глядѣлъ, и въ тайникъ
Моей юной души всѣ черты
Я хотѣлъ уловить, и съ собой
До утра унести ихъ домой:
Чтобы съ утреннимъ первымъ лучомъ
Въ мертвый мраморъ ударить рѣзцомъ—
Благороднымъ и рѣзкимъ чертамъ
Уловленную мысль передать,
И чредою грядущимъ вѣкамъ
Все, что было завѣщано намъ,
Въ первобытной красѣ завѣщать,
Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна—
Пропадая вдали,—разливается...
Подъ грозой—моя пѣсня, какъ туча, темна,
На зарѣ—въ ней заря отражается.
Если-жъ вдругъ вспыхнутъ искры нежданной любви,
Или на сердце горе накопится—
Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,
И волна уносить ихъ торопится.

ВНУТРЕННІЙ ГОЛОСЪ.

Когда душа твоя, страдая,
Полна любви; а между тѣмъ
Ты любишь, самъ не понимая,
Кого ты любишь и за чѣмъ—

Изъ глубины, откуда бьется
Пульсъ жизни сердца твоего,
Мой голосъ смутно раздается:
Услышь его! пойми его!

Кто я!—меня не видитъ око...
Но—близкій сердцу, какъ печаль—
Я, какъ мечта, ношусь далеко,
Зову и—увлекаю вдаль.

Я—недоступный мыслямъ празднымъ—
Я тотъ, кто въ благости своей,
Законы далъ звѣздамъ алмазнымъ,
Свободу далъ душѣ твоей.

Живой источникъ мыслей тайныхъ,
Свой вѣчный свѣтъ вливая въ нихъ,
Мнѣ мало дѣла до случайныхъ
Тревогъ и радостей твоихъ;

Но безконечно всюду вѣя,
Хочу, чтобъ жизнь была полна,
Въ твоей душѣ вопросы сѣя,
Дышу на эти сѣмена—

И говорю: на почвѣ скудной
Дай вызрѣть Божьимъ сѣменамъ,
Въ день благодатный жатвы трудной
Я за дѣла твои воздамъ.

She walks in beauty like the night.
Biron.

Тѣнь ангела прошла съ величіемъ царицы:
Въ ней были мракъ и свѣтъ, въ одно видѣнье слиты.
Я видѣлъ темныя, стыдливыя ресницы,
Приподнятую бровь и блѣдныя ланиты...
И съ гордой кротостью уста ея молчали;
И мнилось, если-бъ вдругъ они заговорили,
Такъ много бы прекраснаго сказали;
Такъ много бы прекраснаго открыли,
Что и самой бы стало ей невольно
И грустно, и смѣшно, и тягостно и больно.

Какъ воплощенное страданіе поэта,
Она прошла въ толпѣ съ величіемъ смиренья;

Я проводилъ ее глазами безъ привѣта
И безъ восторженныхъ похвалъ и безъ моленья,
Съ благоговѣніемъ уста мои молчали;
Но если-бъ какъ нибудь, онѣ заговорили,
Такъ много бы безумнаго сказали,
Такъ много бы сердечныхъ язвъ раскрыли,
Что самому мнѣ стало-бъ вдругъ невольно
И стыдно, и смѣшно, и тягостно и больно.

УТРАТА.

Когда предчувствіемъ разлуки
Мнѣ грустно голосъ вашъ звучалъ,
Когда, смѣясь, я ваши руки
Въ моихъ рукахъ отогрѣвалъ,
Когда дорога яркой далью
Меня манила изъ глуши—
Я вашей тайною печалью
Гордился въ глубинѣ души.

Передъ непризнанной любовью
Я веселъ былъ въ прощальный часъ,
Но, Боже мой! съ какою болью
Въ душѣ очнулся я безъ васъ!

Какими тягостными снами
Томитъ, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной!

Напрасно голосъ вашъ привѣтный
Звучалъ мнѣ, какъ далекій звонъ,
Изъ-за пучины; путь завѣтный
Мнѣ къ вамъ на вѣки прегражденъ!
Забудь же сердце образъ блѣдный,
Мелькнувшій въ памяти твоей,
И вновь у жизни чувствомъ бѣдной
Ищи подобья прежнихъ дней!

А. ФЕТЪ.

(АѲАНАСІЙ АѲАНАСЬЕВИЧЪ ШЕНШИНЪ).

Родился въ 1820 году.

I.

шелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—
ззать, что солнце встало,
но горячимъ свѣтомъ
стамъ затрепетало,
ззать, что лѣсъ проснулся,
іроснулся, вѣткой каждой,
й птицей встрепенулся,
енней полонъ жаждой...
ззать, что съ той-же страстью,
вчера, пришелъ я снова,
уша все также счастью
ѣ служить готова,
ззать, что отовсюду
ня весельемъ вѣетъ,
е знаю самъ, что буду
—но только пѣсня зрѣетъ...

II.

На зарѣ ты её не буди;
На зарѣ она сладко такъ спитъ!
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко дышетъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И чернѣясь, бѣгутъ на плеча̀
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что скользя затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей,
Всё блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ.
Не буди-жъ ты её, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!

III.

ВЕСЕННІЯ МЫСЛИ.

цы летятъ издалека
мъ, расторгающимъ ледъ,
плое ходитъ высоко,
яго ландыша ждетъ.

сердцѣ ничѣмъ не умѣришь
восходящую кровь,
подкупленной вѣришь.
міръ безконечна любовь...

зя-ли снова такъ близко
роды разнѣженной мы,
ло ходившее низко
дное солнце зимы?...

IV.

робкое дыханье,
звья,
колыханье
учья,
іной, ночныя тѣни.

[illegible] СНѢГА.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Брилліанты въ свѣтѣ лунномъ,
Брилліанты въ небесахъ,
Брилліанты на снѣгахъ...
Но боюсь я, другъ мой милый,
Какъ-бы въ вихрѣ духъ ночной

Не завѣялъ-бы тропинку,
Проложенную тобой...

VI.

ДЕРЕВНЯ.

Люблю я пріютъ вашъ печальный
И вечеръ деревни глухой,
И за лѣсомъ благовѣстъ дальный,
И кровлю, и крестъ золотой.
Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающій паръ,
И тѣснаго, тихаго круга
Не разъ долитой самоваръ.
Люблю я на тѣхъ посидѣлкахъ,
Старушки чепецъ и очки;
Люблю на окнѣ, на тарелкахъ
Овса золотые злачки,
На столикѣ близко къ окошку
Корзину съ узорнымъ чулкомъ,
И по-полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ.
И милой застѣнчивой внучки
Красивый дѣвичій нарядъ,

[illegible] ручки
[illegible] взглядъ.
[illegible] пташекъ.
[illegible] восходъ.
[illegible] чашекъ
[illegible] ходъ.
[illegible] сказки.
[illegible] струю.
[illegible] глазки.
[illegible]

VII.

[illegible]льной.

[illegible] Тяжелый зной печей,
[illegible] воздухъ оспаривалъ у груди. ..
[illegible] безсмысленныхъ рѣчей:
[illegible] люди.

На [illegible] смотрѣлъ, какъ на тюрьму:
Онъ обращалъ къ окну горящія зѣницы.
И свѣта Божьяго хотѣлося ему,
Хотѣлось воздуха, которымъ дышутъ птицы....

А тамъ за стеклами, какъ чуткій сонъ, легки,
Съ востока яркаго все шире дни летѣли.

нце теплое, морозамъ вопреки,
крышъ развѣсило капели.

живая дни, онъ думалъ все одно:
аю, небеса весны меня излечутъ...»
лъ онъ: скоро-ли весна пахнетъ въ окно,
ъ двѣ ласточки, прижавшись, защебечутъ.

VIII.

ФАНТАЗІЯ.

ни: изъ сада въ стекла оконъ
тъ мѣсяцъ; тусклы наши свѣчи;
душистый, твой послушный локонъ,
заясь, падаетъ на плечи,
ъ молчимъ мы?... Или самовластно
во тихой, свѣтлой ночи мая?
оетъ и ярко такъ, и страстно
ѣй, надъ розой изнывая?
роснулись птички за кустами,
гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды.
жа ревнивыми лучами
, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды.
ку извилистомъ и чудномъ,
ыхъ сказокъ пышная жилица,
ь огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,

Надъ водой качается жаръ птица,
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ;
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры...
Много сновъ приносится знакомыхъ
И на сердцѣ много сладкой вѣры.
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ;
Мигъ еще,—и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.
Мы одни: изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ; тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

IX.

О долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать,
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый.

Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты,
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, на перекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму!...

X.

Богини дѣвственной округлыя черты,
Во всемъ величіи блестящей наготы,
И видѣлъ межь деревъ надъ ясными водами,
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами...
Высоко поднялось открытое чело,
Его недвижностью вниманье облегло,—
И дѣвъ моленію, въ тяжелыхъ мукахъ чрева,
Внимала чуткая и каменная дѣва...
Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ проникъ:
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ.
Я ждалъ,—она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межь древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинные.., Но мраморъ недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.

Родился 1821 года.

I.

СОНЪ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы жолтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь.
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ —
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ
Съ таинственныхъ высотъ воздушною стезей
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ.

А кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ.
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

II.

СОМНѢНІЕ.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой, и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота!
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ!
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ
И на-ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ!
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всёмъ таинственный языкъ;

И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты—
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты.

III.

Вхожу съ смущеніемъ въ забытыя палаты.
Блестящій нѣкогда, но нынѣ сномъ объятый
Пріютъ державныхъ думъ и царственныхъ забавъ.
Всё пусто. Времени губительный уставъ
Во всемъ величіи здѣсь блещетъ: все мертвѣетъ!
Въ аркадахъ мраморныхъ молчанье цѣпенѣетъ;
Вкругъ гордыхъ колоннадъ съ старинною рѣзьбой
Ель пышно разрослась, и въ зелени густой,
Подъ сѣнью древнихъ липъ и золотыхъ акацій,
Бѣлѣютъ кое-гдѣ статуи нимфъ и грацій.
Гремѣвшій водометъ изъ пасти мѣдныхъ львовъ
Замолкъ; широкій листъ виситъ съ нагихъ столбовъ,
Качаясь по вѣтру. О, гдѣ въ аллеяхъ спящихъ
Красавицъ легкій рой, звонъ колесницъ блестящихъ?
Не слышно ужь литавръ бряцанья; пирный звукъ
Умолкъ и стихъ давно оружья бранный стукъ;
Но миръ, волшебный сонъ въ забытые чертоги
Вселились—новые, невѣдомые боги.

IV.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькають и жужжатъ колосья предо мной,
И колятъ мнѣ лицо. Иду я наклонясь,
Какъ-будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный
день.
О, Божья благодать! О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужь вяжутъ весело тяжолые снопы;
Вонъ—по зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и мёда;
Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ какъ муравьи, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влагѣ ударяя.

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба;
Но хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна
И непогодами несгубленныя зёрна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! пошли Ты вёдра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороз-
дамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стари-
ками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

V.

АНГЕЛЪ И ДЕМОНЪ.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла
Владыко сумрачнаго міра:

огненной его порфирой
» два огненныхъ крыла.
ржество кому-жь уступитъ
ыли рожденный человѣкъ?
щъ-ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
чашу временную нѣгъ?
зподень ангелъ тихъ и ясенъ:
о живитъ смиренья лучъ;
гордый демонъ такъ прекрасенъ,
акъ лучезаренъ и могучъ!

VI.

пять горитъ Востокъ! Опять и кровь, и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять—блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья!

Европа на сей разъ внимаетъ ихъ мольбамъ;
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей:
Тамъ—Царь-помазанникъ! стратигъ Востока—
тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей!

И знаетъ это Русь—и долгъ свой приняла—
И былъ онъ для нея, что̀ свѣтъ для морехода;
И мысль великая съ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа.

Ужь близокъ Николай у цѣли былъ; но Богъ
Еще отсрочилъ день. Настала-ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено-ль свершить, быть-можетъ, сердцу
сына?

VII.

ДУРОЧКА.

Всѣмъ довольна я, старушка!
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка—
Хоть мала, да можно жить.

У меня семья большая:
Дѣтки вкругъ насъ стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ.

Но, какъ въ ясномъ небѣ тучка,
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была.

Вовсе здраваго понятья
Не имѣла: что ни дай
Ей хоть шолковое платье—
Въ мигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Благонравныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. «Да поди!»
Говорю: «тамъ всѣ сестрицы:
Только такъ хоть посиди».

—«Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!»—«Какъ такъ?»
—«Что мнѣ съ этакими злыми!»
И забьется на чердакъ.

Только встала—полетѣла:
Всю деревню обѣжитъ!
Это—первое ей дѣло:
Все друзья вѣдь. Просто стыдъ!

Свадьба-ль въ домѣ—все равно ей;
Посѣтитъ-ли смерть кого—
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать—и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подъ часъ и бьетъ—
Какъ къ стѣнѣ горохъ: ни мало—
То есть, ухомъ не ведетъ.

Ну, ее за-то жь и гнали!
Вѣчно съ нею воркотня:
На хлѣбъ, на воду сажали—
Баловала только я.

И она какъ-будто чуетъ
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее—цалуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ.

Надорветъ мое сердечко…
«Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!»

«Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю.
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было—
Няньчить маленькихъ дѣтей:
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся…
Дѣти такъ и разревутся—
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ—на улицу и скачетъ!
А возьмутъ ее домой—
Въ уголъ спрячется и плачетъ:
Домъ ей словно какъ чужой.

Все-бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.

Мы видали: къ ней станицей
Птица всякая летитъ—
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ.

Порча-ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужь такой—
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она не много.
Видимъ, нѣтъ ужь въ ней пути:
Что лечить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.

Докторовъ иныхъ-бы нужно—
Повести-бы по мощамъ,
Ну, да лѣтомъ недосужно—
Жатва, сѣвы—знаешь самъ!

Вотъ—и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
Вздоръ разсказываетъ намъ:

Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ растетъ; что тамъ
Зрѣютъ жолтые лимоны
По высокимъ деревамъ;

Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями—
А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;

Да безумная невѣста...
Но всего не передать.
Есть-ли гдѣ такое мѣсто—
Не могу тебѣ сказать.

Только видимъ—дѣвка бредитъ,
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ прійдетъ зима.

Между тѣмъ прошла ужь осень!
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей.
Разъ ушла она; мы ждали—
Нѣтъ. Ужь поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ—
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло.
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ—
Снѣгъ въ лѣсу-то размело.

«Взглянь-ко», говорю я, «Саша!»
А сама-то вся дрожу:
«Что тамъ? ужь не Дуня-ль наша?»
Такъ и есть—она! Гляжу—

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На рученки прилегла—
И голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала.

Я вотъ такъ тутъ и завыла,
Точно что оторвалось
Отъ души-то. Горько было,
А могилку рыть пришлось.

Послѣ все ужь мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краёвъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ—
Такъ пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала—туда-жь!

Гдѣ-же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужь, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ!
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти—
Прямо въ рай Онъ ихъ беретъ!

Безъ нея-же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей.
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея-жь замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ.

VIII.

ИЗЪ ДРАМЫ «ДВА МІРА».

ДЕЦІЙ (*въ разгарѣ страсти*).

Мильоны ближнихъ!... Что такое
Мнѣ эти ближніе!... Рабовъ
Ты разумѣешь!... О, пустое

Мечтанье—этихъ мудрецовъ!
Рабы и въ пурпурѣ—мнѣ гадки!
Какъ? изъ того, что той порой,
Когда стихіи межь собой
Боролись въ бурномъ безпорядкѣ,
Земля, межь чудищъ и звѣрей,
Межь грифовъ и химеръ крылатыхъ,
Изъ нѣдръ извергла и—людей,
Свирѣпыхъ, дикихъ и косматыхъ,—
Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?..
Да первый тотъ, кто возложить
На нихъ ярмо возмогъ,—тотъ разомъ
Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
Кто-жь суевѣрья ихъ презрѣлъ,
И мыслью смѣлою къ чертогамъ
Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ,
И—въ полномъ правѣ съ высоты
Глядѣть, какъ въ безотчетномъ страхѣ,
Внизу барахтаются въ прахѣ
Всѣ эти темные кроты!...
Да если есть душа вселенной,
Есть божество,—оно во мнѣ!
И если, чтобъ ему вполнѣ
Раскрыться, нужно непремѣнно,
Чтобъ гибли тысячи тупыхъ
Существъ, немыслящихъ, слѣпыхъ,—

уеть гибнуть!... Такова ихъ доля!
мъ даже счастіе—неволя!
ишь съ дня, когда онъ въ рабство впалъ,
ля міра рабъ—хоть нѣчто сталъ.

МАРЦЕЛЛЪ (*строго и горько*).

Такъ это разумъ! онъ, который
Самъ о себѣ намъ говоритъ:
«Я—истина», и безъ опоры
На мечь,—блѣднѣетъ и дрожитъ!
Неронъ—онъ убѣжденъ, что тоже
Въ немъ истина!... Великій жрецъ
И циникъ—также... Отчего-же
Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

ЛИДА (*смотритъ на Деція съ ужасомъ, и говоритъ сперва выразительно и тихо, потомъ съ возрастающимъ одушевленіемъ*).

Какъ ночь мрачна твоя душа—
Ты—никого не любишь!...

....Боже! Боже!

Христосъ былъ распятъ на крестѣ—
И за враговъ своихъ молился!
Кругомъ народъ надъ Нимъ глумился—
Онъ все простилъ ихъ слѣпотѣ...

Не зналъ ни варвара, ни грека,
Кто господинъ, кто рабъ—не зналъ!
Во всѣхъ Онъ видѣлъ человѣка,
Одну всѣмъ заповѣдь онъ далъ!
Простеръ ко всѣмъ свои объятья,
Для всѣхъ раскрылъ Онъ небеса,
И говоритъ намъ: «всѣ вы братья!
За всѣхъ на казнь Я отдался!...»
Вашъ гордый разумъ не выноситъ,
Что могъ онъ съ вами всѣхъ равнять,
И Римъ, какъ зрѣлищъ, жадно проситъ,
Чтобъ въ насъ опять Его распять!...
О, распинайте! разбивайте
Темницу духа моего—
Плоть эту жалкую,—но знайте,—
Что въ этомъ наше торжество!
Что—Римъ пускай вопитъ и злится,—
Христосъ любовью побѣдитъ,
Все побѣдитъ! и воцарится,
Средь всѣхъ племенъ, во всѣхъ сердцахъ,
И царство Божье водворится,
Что на землѣ, что въ небесахъ!...

ДЕЦІЙ (*пораженный*).

Ты точно внѣ ужь міра, Лида!
Куда умчалась ты! Изъ вида
Теряю... Какъ ты хороша!...

ЛИДА (*послѣ сильнаго напряженія, голосомъ искренняго чувства*).

, Децій!... Я весь день молилась—
е за себя... ужь я простилась
› всѣмъ земнымъ!... Твоя душа—
ы—міръ обнять не можешь взоромъ,
вознестись на высоту,
ту постигнуть красоту,
'о совершенство, предъ которымъ
Іичто твой жалкій, бѣдный міръ,
'дѣ ты лишь самъ себѣ кумиръ!

ДЕЦІЙ.

Іе постигаю... тѣ-жь, что прежде,
)душевленныя черты,
Іто-жь въ нихъ такое?

МАРЦЕЛЛЪ.

Прежде ты—
Зналъ Лиду—въ вѣющей одеждѣ,
Зъ цвѣтахъ; но, если-бы ее
Гы увидалъ среди страдальцевъ,
Зъ тюрьмѣ, гдѣ сотни у нея
Хотятъ одеждъ коснуться, пальцевъ,
Услышать слово... все кругомъ
Благодаритъ, благословляетъ,—

Ты понялъ-бы, что въ ней сіяетъ,
Кто пробужденъ въ ней былъ Христомъ!

ДЕЦІЙ (*послѣ нѣкотораго молчанія, съ искренностью*).

Все-жъ—это бредъ, Марцеллъ!... Прекрасный,
Не спорю, бредъ,—но намъ напрасно—
Безумно намъ увлечься имъ,
Подобно женщинамъ и дѣтямъ!

ЛИДА (*съ новымъ одушевленіемъ*).

Бредъ—говоришь ты? Но ужь Римъ,
Ужь міръ имъ объятъ! Съ бредомъ этимъ,
Простые рыбари прошли
Теперь во всѣ концы земли,
И въ Римѣ—ужь теперь два Рима!
Здѣсь—этотъ Римъ; ужь онъ—какъ тѣнь
Стоитъ, какъ призракъ... Близокъ день—
И онъ разсѣется... и новый
Возстанетъ Римъ...

(*Слышно издали пѣніе и въ глубинѣ сада показываются медленно проходящіе въ сіяньи свѣточей христіане*).

ПѢНІЕ ХРИСТІАНЪ.

Ясный, немеркнущій,
Тихій свѣтъ утренній!
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому,
Свѣту безсмертному,

Дню беззакатному!...
О, Іисусе Христе!

ДЕЦІЙ (*вспыхнувъ*).

Кто эти люди? кто такіе?
Кто?

ЛИДА (*восторженно*).

Новый Римъ!

МАРЦЕЛЛЪ (*твердо*).

Да! Новый Римъ
Изъ мрака предстаетъ впервые
Предъ очи міра!

ЛИДА (*задушевнымъ и молящимъ голосомъ*).

Децій! Здѣсь
У васъ пиры,—а тамъ, подъ вами,
Въ землѣ, тамъ, въ катакомбахъ,—весь
Всечасно молитъ со слезами
О васъ же христіанскій Римъ,—
Чтобъ Богъ вселюбящій далъ силы
Ему спасти васъ!...

ДЕЦІЙ (*стремительно*).

Новый Римъ!!
Такъ христіане—новый Римъ?!
Тутъ, въ катакомбахъ, гдѣ могилы
Великихъ предковъ!...

МАРЦЕЛЛЪ (*твердо и торжественно*).

Часъ насталъ!
Лучъ Божьей славы въ мракъ упалъ—
Могилы стали колыбелью!
Изъ смерти—жизнь...

ДЕЦІЙ (*съ крикомъ гнѣва и ужаса*).

Свой Римъ!! Свое
У нихъ тамъ царство!...

ЛИДА (*тономъ примиренія*).

Да, свое,
Но не отъ міра! Нашъ Владыка
На небѣ! Мигъ насталъ великій,
И во свидѣтельство о Немъ
Мы всѣ предъ Кесаря идемъ...

ДЕЦІЙ (*быстро ее перебивая*).

На смерть?

ЛИДА.

На смерть!

(*Христіане все продолжають идти, изъ пѣсни ихъ доносятся слова*).

«Въ жизнь вѣчную и воскресеніе!»

ДЕЦІЙ (*мрачно, смотря на христіанъ*).

Глазамъ не вѣрю!
На казнь идти и гимны пѣть,

И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть...
И кто-жь? Рабы!.. рабы!

МАРЦЕЛЛЪ.

Рабовъ
Предъ Богомъ нѣтъ...

ДЕЦІЙ (*въ изступленіи*).

Да кто-жь вы? кто вы!
Марцеллъ! вѣдь строя Римъ твой новый,
Пойми, ты губишь, Римъ отцовъ,
Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!
Римъ—словно небо крѣпкимъ сводомъ
Облекшій землю, и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ,
Или отжившимъ, иль привычнымъ
Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ,
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье—
Кому же?... Тѣмъ, кто годенъ былъ
Какъ вьючный скотъ, въ цѣпяхъ лишь къ носкѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того, что мнѣ бъ и мулъ свозилъ!
Рабы!... Марцеллъ, да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!

Что намъ позоръ—имъ не позоръ!
Они *(указывая на статуи)* предъ этими мужами
Не заливалися слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И вдругъ, безъ всякаго преданья,
Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
Звѣрей, которымъ пропитанье—
Всей жизни цѣль,—придутъ сюда!
И гдѣ-жь узда для дикой воли?
Что ихъ удержитъ?... Все падетъ!
И Пантеонъ, и Капитолій
Травою сорной заростетъ!

ЛИДА.

Мы странники въ земной юдоли,
И тайнъ Господнихъ никогда
Намъ не узнать!... Проходитъ, да,
Проходитъ зримый образъ міра—
Но, Децій, міръ не погубить
Пришелъ Христосъ, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить.

МАРЦЕЛЛЪ.

И жизнь вдохнуть въ него!

ДЕЦІЙ (*Марцеллу съ презрѣніемъ*).

Несчастный!

(*взглянувъ на чашу съ ядомъ*).

О, умирать теперь ужасно!

Или игралищемъ судьбы
Я былъ досель? съ врагами бился,
А злѣйшій врагъ межъ тѣмъ подрылся
Уже подъ самые столбы
Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма:
Я тѣни предковъ вызывалъ,
Противу моря зла упрямо
Средь ярыхъ волнъ его стоялъ
Живымъ укоромъ и проклятьемъ,
Непобѣдимъ, неколебимъ....

ЦИНИКЪ (*проснувшись*).

Хозяинъ, умеръ?

МАРЦЕЛЛЪ.

Вотъ—твой Римъ
Тебя зоветъ: къ его объятьямъ
Стремись скорѣе—что нужды,
Что этотъ мужъ въ своемъ пареньи,
Не видитъ далѣе ѣды?
Одной вы матери рожденье,
Того-же дерева плоды!

Между тѣмъ почти разсвѣло, христіане, все въ возрастающемъ числѣ, продолжаютъ проходить вдали, при пѣніи гимновъ. Изъ нихъ выдѣляются группы рабовъ Деція, которые останавливаются передъ входомъ въ залу, и потомъ, впереди *старикъ* привратникъ и *юноша*, входятъ въ залу, по окончаніи слѣдующей рѣчи Марцелла. Мар-

целлъ и Лида дѣлаютъ нѣсколько шаговъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ. Децій отступаетъ на другую сторону сцены. Къ нему присоединяется циникъ; онъ со словами: «это что?» указываетъ на христіанъ и прислушивается.

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Радуйтесь, нищіе духомъ, кроткіе сердцемъ!
Царство небесное ваше! Землю наслѣдите вы!

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ АКСАКОВЪ.

Родился въ 1823 году.

I.

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ!
Не упрекнутъ бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску: какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво—
И мнится мнѣ досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право.

Въ былые дни поэта чаровалъ
Блаженства сонъ, Эдемъ въ неясной дали,
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ—
И были намъ смѣшны его печали.

И осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:

Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній.

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
Направилъ я—и громъ далекій слышалъ...
Мила и ты, о молодая кровь!
Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ...

И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духом
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ.

И понялъ я; что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла—и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный.

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни
И юности лукавые порывы
Опасны намъ, затѣмъ—что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ нёмъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ; долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь, тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишонъ ты всей отрады упоенья—
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья.

Но слышно мнѣ порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время.
Когда-же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?

II.

ДВѢ ДОРОГИ.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога:
Ты вдаль протянулась, пряма, какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла;
Ты камнемъ убита, жесткà для копыта;
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта,
Въ тебѣ что ни шагъ то мужикъ работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято:
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ.

Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, до Божье хотѣнье!

А съ каменной рядомъ, поодоль немножко,
Окольная вьется, живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведёшь?
Безъ званья-ли ты, иль со званьемъ слывешь!
Идёшь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣку и гору;
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла.
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха;
Грязна ты въ ненастье; а въ вёдро суха.

III.

ВЕЧЕРЪ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада,
Длинный день покончилъ рядъ заботъ:
По дворамъ давно загнали стадо
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова,

Тихо все. Часъ ночи не далёкъ.
Подымался и улёгся снова
На закатѣ лёгкій вѣтерокъ.
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій;
Пала сильно нà землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились;
Встрѣтить ночь готовится природа—
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаётъ, и будто шевелится,
И ростетъ и шепчется трава.

IV.

Добро-бъ мечты, добро бы страсти,
Съ мятежной прелестью своей,
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
Нѣтъ, счастьемъ мелкаго объема
Довольны мы безъ бурь и грома
И мирно путь проходимъ свой,

И, тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днемъ, съ погодой сѣрой
Въ согласный ладъ живемъ душой.

Но эта жизнь—ни сонъ, ни бдѣнье—
Богъ знаетъ что. Подъ часъ, друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
Намъ все дано. Мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду Божью—
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали.
Её мы чтимъ, о ней мы тужимъ;
Но гдѣ-же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?

А впрочемъ мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ.
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно-убранной палатѣ,
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ.

Что-жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта,
Любовь по прежнему мертва.

О, слово старое поэта:
«Слова, слова, одни слова!»
Не то, что-бъ лгали мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно,
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешовыхъ
Счастливо гаснутъ каждый часъ.

Не всё же сонъ! Худыхъ желаній
Соблазнъ послышавъ иногда,
Обману ловкихъ оправданій
Мы поддаёмся безъ труда.
Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
Какъ примирился ты съ собою?
Какъ столько выгодъ согласилъ
Ты съ духомъ мудрости змѣиной?
Какъ золотою серединой
Ты путь опасный проходилъ?

Нѣтъ, тёмныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути!
Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ,
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самимъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія Твои!

V.

Могучимъ юности призывамъ
Правдивый выслушай отвѣтъ:
Не уступай ея порывамъ,
Не вѣрь кипѣнью бурныхъ лѣтъ.
Ея любви восторгъ поспѣшный
Бѣжитъ труда; дороже ей
Ненужный шумъ борьбы потѣшной,
Красивый жаръ ея страстей;
Ей недоступенъ подвигъ темный,
И много грѣшной суеты
Таитъ нерѣдко пылъ нескромный
Ея возвышенной мечты...

И рѣчи шумныя для слуха,
Въ разладѣ съ правдой и добромъ:—
Не въ блескѣ дѣлъ, не въ буйствѣ духа
Мы силы духа познаемъ.
Пусть твердость мужа, съ безпощадной,
Докучной зоркостью суда,
Блюдетъ отъ той заразы смрадной
Заслугу честнаго труда;
И всѣхъ тщеславныхъ обольщеній
Мятежъ корыстный усмиривъ,—
Да будетъ святъ тебѣ призывъ
Однихъ лишь строгихъ побужденій,
Чтобъ трезвымъ мужествомъ дыша,

робѣлъ судьбы безславной,
честно шелъ ты въ бой неравный,
ненавидѣла душа—
ни былъ ты, въ глуши-ль невидной
опасной высотѣ—
дрыхъ силахъ сонъ обидный,
равдой міра миръ постыдный,
ство лжи и суетѣ.

VI.

: толпа людей нахмурившись стоитъ,
печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
ь страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
юй мечтательной и съ тѣломъ полновѣс-
нымъ,
чь умную, но праздную ведутъ,
и мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
ятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
сочувствовать умѣя благородно....
племя ихъ добра не принесетъ?
тайная подчасъ меня беретъ,
тся мнѣ имъ, въ замѣнъ досужей скуки,
ıступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
ки прекратя объ участи людской,
иковъ изъ нихъ составить полкъ лихой.

VII.

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Изъ поэмы: «Бродяга»).

День вечерѣлъ. Косая тѣнь
Ложилась низко и широко....
Заутра праздникъ, вѣщій день
Ильи, гремящаго пророка...

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!...
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая;
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божія
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ:
Сперва помолится,

Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится...
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ.
Густой отъ ладона,
И заходящими
Лучами сильными
И вкось блестящими
Столбами пыльными—
Отъ солнца—Божій храмъ
Горитъ и свѣтится;
Стоитъ Алешка тамъ
И также свѣтится
Довольствомъ, радостью,
Здоровьемъ въ добрый часъ,
Удачей, младостью
И тѣмъ, что въ первый разъ
На кружку вынулъ онъ

Изъ сумы кожанной,
И слышалъ мѣдный звонъ
Копѣйки вложенной,
Въ трудѣ добытой имъ...
Въ окно-жъ открытое
Несется синій дымъ,
И пѣнье слитое.

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЩЕРБИНА.

Родился въ 1821 году, скончался 1869 г.

МЫСЛЬ И ДѢЛО.

Въ трудахъ уставшій и разбитый
Душой задумчивой моей
Я слышу смѣхъ и лепетъ, слитый
Съ игрой безсмысленной дѣтей:
Я не горжусь тогда собою,
Что много мыслилъ я и жилъ,
И что извѣданное мною
Я въ душу кладомъ положилъ...
Нѣтъ, предо мной тогда малютка
Во всемъ величіи ростетъ,
И болтовня его, и шутка
Сокрытой мыслію цвѣтетъ.
Все, что исполнилъ я, блѣднѣло,
Предъ этой дѣтской простотой:
Я—ограниченное дѣло,
Онъ—мысль съ безбрежной широтой,

Всего зародышъ и начало...
Еще грядетъ его пора:—
Таитъ онъ сѣмя идеала,
Возможность счастья и добра.

ЖЕНЩИНѢ.

Какъ надъ тобою посмѣялась
Твоя жестокая судьба!
Какая жизнь въ удѣлъ досталась
Тебѣ, царица и раба!

Ты стала, средь мгновенной власти,
Мишурнымъ блескомъ облитой,
Игрушкою нужды и страсти,
Не человѣкомъ, не женой...

И на колѣняхъ предъ тобою,
Страдая, плача и любя,
Мужчина съ жаркою мольбою
Цѣпями путаетъ тебя.

Свое призванье ты забыла
Для грезъ дремоты вѣковой,
И новая, живая сила
У міра отнята съ тобой.

Живо бѣгутъ и, колеблясь зефиромъ, по мраморной шейкѣ
Черныя кудри струятся; смѣются уста ихъ и глазки.
Рады они и хохочутъ въ безумномъ весельи малютки;
Весело имъ, что кузнечику ножки они оборвали.
«Прыгать съ дороги въ пшеницу ужъ больше не станетъ»,
Дѣти себѣ разсуждаютъ, смѣяся отъ чистаго сердца.
Чуждый товарищъ, стоялъ я межъ ними и слезы смочили
Старыя вѣки мои, и на сердцѣ теплѣй становилось:
Дѣтямъ завидовалъ я съ умиленіемъ, полнымъ отрады;
Годы сѣдые хотѣлось мнѣ сбросить и юностью милой
Снова зажить и безпечно рѣзвиться, какъ прежде рѣзвился.
Долго я грезилъ такимъ сновидѣньемъ, когда-жь пробудился,
Стали мнѣ милы прожитыя лѣта и дороги стали
Жизнію опытъ стяжанный и свѣточь высокаго знанья.
Гордо вѣнецъ свой колючій на лобъ обнаженный,

Крона косою изрытый опять я надвинулъ и молча
Въ путь свой собрался, но—стыдно признаться—съ печальною думой.

ГОЛОСА НОЧИ.

Тихо бреду по широкому полю
Лѣтнею ночью прохладной,
Воздухъ впивая живительный въ-волю,
Жаждой исполненъ отрадной.

Братской всемірной бесѣдѣ я внемлю—
Все говоритъ предо мною:
Падаютъ рѣчи съ эфира на землю,
Льются лучистой рѣкою;

Просятъ у звѣздъ позолоты и краски
Зрѣющій колосъ и слива,
Ловятъ ночныя красавицы ласки
У вѣтерка шаловливо.

А подъ горою бесѣдуютъ воды
Съ вѣтками ивъ и съ камнями;
Шепчутся тайно древесные своды,
Держутъ совѣтъ съ облачками.

Слышу—кузнечиковъ пѣсня живая
Мелкою дробью несется—
И угадалъ я, той пѣсни внимая,
Что и о чемъ имъ поется.

Пѣли кузнечики: «красное лѣто
Вслѣдъ улетитъ за весною;
Жить намъ покуда лишь поле согрѣто
Ризой хлѣбовъ золотою.

«Счастливы темныя сосны и ели—
Вѣчно онѣ зеленѣютъ!
Гибели имъ не приносятъ мятели,
Смертью морозы не вѣютъ!»

Новая пѣсня изъ рощи несется,
Смѣлостью звуковъ блистаетъ
И перекатными трелями льется—
То соловей распѣваетъ:

«Жизнь хороша, но не долго живу я!
Пѣть мнѣ хотѣлось бы вѣчно:
Съ розой родился я съ розой умру я,
Жаждая жить безконечно.

«Все для людей! Имъ и долгіе вѣки,
Пѣснь соловья и поэта,
Небо и горы, и рощи, и рѣки
Въ перлахъ и въ золотѣ свѣта».

Пѣсня другая въ саду раздается,
Трель соловья прерывая:
Это и громко, и стройно несётся
Грустная пѣсня людская:

«Волосы наши кудрями разлиты—
Время пошлетъ имъ сѣдины;
Этотъ румянецъ, зажогшій ланиты,
Скоро погасятъ морщины.

«Ты только счастливъ своею безсмѣнной
И несходящей весною,
Ты только вѣченъ, румянецъ вселенной,
Въ небѣ горящій зарёю!»

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ РОЗЕНГЕЙМЪ.

Родился въ 1820 году.

19-е ФЕВРАЛЯ 1862 ГОДА.

тосъ, Христосъ воскресъ! Воистину вос-
кресъ!
ойте: живъ Господь и слава въ вышнихъ
Богу!
нулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ не-
бесъ!
на! Вайями усыплемте дорогу!

ита рабства цѣпь. Вставайте, мертвецы!
вайте, Лазари, изъ гроба вѣкового,
вы родилися, гдѣ отжили отцы!
ценье прошлому! забвеніе былого!

тъ коснѣнія и порчи сокрушонъ:
вѣтъ, на Божій свѣтъ скорѣе выходите!

Граждане новые, привѣтъ вамъ и поклонъ!
Богъ помочь братья вамъ, Богъ помочь въ новомъ
бытѣ!

Не стойте—прочь скорѣй отъ двери гробовой!
Васъ жизнь къ себѣ зоветъ: живымъ работы
много.
Впередъ, насъ братья ждутъ, впередъ, рука съ
рукой!
Теперь вамъ всѣмъ одно—всѣмъ общая дорога.

Вы, чуждые досель сыны одной семьи,
Средь рабства явнаго и тайнаго проклятья,
Вглядитесь наконецъ другъ въ друга: вы свои,
Одной неволей лишь разрозненные братья.

Но рабство сломано: давайте-жь руки намъ,
Давайте и пойдемъ, пойдемъ: насъ ждетъ ра-
бота!
И радость и печаль—все вмѣстѣ, пополамъ!
Про дѣло земское всѣмъ общая забота.

Пойдемъ! свободы лучъ блеснулъ съ родныхъ не-
бесъ;
Побѣду довершимъ при кликахъ всенародныхъ:
«Христосъ, Христосъ воскресъ!» Воистину вос-
кресъ!
И стала наша Русь землей людей свободныхъ:

Христосъ, Христосъ воскресъ! Хвала и честь
Тому,
Тому, кто, какъ пророкъ, евреямъ Богомъ данный,
Воздвигнулъ свой народъ отъ рабства и ему
Открылъ широкій путь къ землѣ обѣтованной!

ПРОРОКЪ.

Когда Господь открылъ мнѣ вѣжды
И скверну міра показалъ,
Когда—испуганный—одежды
Я, полный скорби, разорвалъ;

Когда—въ порывѣ сокрушенья—
Бѣжать въ пустыню я хотѣлъ,
Чтобы не видѣть униженья
И черноты и грязи дѣлъ;

Тогда, сверкая мнѣ изъ тучи
И гласомъ гнѣва и суда,
Онъ—малодушному Могучій—
Изрекъ мнѣ грозное: «куда?

«Куда?» воззвалъ онъ громогласно:
Куда, лукавый человѣкъ?

Бѣжишь въ пустыню безопасно
Влачить безплодно жалкій вѣкъ!

«Не сокрушенья, не молитвы—
Мнѣ нуженъ истины пророкъ,
Мнѣ нуженъ мужъ для смѣлой битвы,
Мнѣ нуженъ молотъ на порокъ!»

И я пошолъ. Вражду, гоненье
Я видѣлъ, зналъ и перенесъ;
Я слышалъ пошлое глумленье
И вопли гнѣва и угрозъ—

Не кроюсь: пусть въ меня каменья
Бросаютъ ближніе мои—
Иду безъ злобы и смущенья
Во имя правды и любви.

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГРИГОРЬЕВЪ.

Родился въ 1822 году, скончался въ 1864 году.

ИЗЪ ЮВЕНАЛА.

Великолѣпный градъ, пускай тебя иной
Привѣтствуетъ съ надеждой и любовью,
Кому не обнаженъ скелетъ печальный твой,
Чье сердце ты еще не облилъ кровью,
И страшнымъ холодомъ не могъ обдать,
И не сковалъ уста тяжелой думой,
И ранней старости не положилъ печать
На бѣдный ликъ, суровый и угрюмый.

Пускай надъ Тибромъ онъ душею молодой
Мечтаетъ о судьбѣ какъ Тибръ широкой,
И въ ночь прозрачную, любуяся тобой,
Дремотою смежить боится око,
И длинный столпъ луны на зыби волнъ слѣдитъ.
И очи шлетъ къ невѣдомымъ палатамъ,

. . . .

. . . .

Пускай по форумамъ и портикамъ твоимъ
Бродя безъ цѣли, съ вѣчнымъ изумленьемъ.
Еще на многихъ онъ, встрѣчающихся съ нимъ,
Подъемлетъ взоръ съ нѣмымъ благоговѣньемъ,
И видѣть думаетъ избранниковъ боговъ,
Свѣтилъ и главъ младаго поколѣнья,
Пока лицемъ къ лицу не узритъ въ нихъ глупцовъ
Или рабовъ корысти, униженья.

Пускай томительнымъ снѣдаемый огнемъ,
Подъ ризою нѣмой, волшебной ночи
Готовъ повѣрить онъ, съ притворствомъ не знакомъ,
Въ зовущія увлаженныя очи,
Готовъ еще страдать о падшей красотѣ,
Искать въ ея объятьяхъ наслажденья,
Пока, во всей его позорной наготѣ,
Не узритъ онъ недуга истощенья.

Но я... я чуждъ тебѣ, великолѣпный градъ!
Ни тихихъ слезъ, не бѣшеннаго смѣха
Не вырветъ у меня ни твой больной развратъ,
Ни надъ святыней жалкая потѣха!
Тебѣ уже ничѣмъ не удивить меня—
Ни гордостью дешеваго безвѣрья,
Ни коловратностью безсмысленнаго дня,
Ни безполезной маской лицемѣрья.

Увы! столь многое прошло передо мной,
До слезъ, до слезъ страданія смѣшное,
И не одинъ порывъ возвышенно святой,
И не одно великое земное
Судьба передо мной по вѣтру разнесла,
И не одинъ погибъ избранникъ вѣка,
И не одна душа за деньги продала,
Свою святыню—гордость человѣка;

И не одинъ изъ тѣхъ, когда-то полныхъ силъ,
Искавшихъ жадно лучшаго когда-то,
Благоразумно бредъ покинуть разсудилъ
Или погибъ добычею разврата;
А многіе изъ нихъ на-вѣки отреклись
Отъ всѣхъ надеждъ безумныхъ и опасныхъ,
Спокойно въ чьи-нибудь клевреты продались,
И за людей слывутъ себѣ прекрасныхъ...

Любуйся-жъ, юноша, на пышный, гордый градъ,
Стремись къ нему съ надеждой и любовью
Пока еще тебя не истощилъ развратъ,
Иль гнѣвъ твое не облилъ сердце кровью,
Пока еще тебѣ, въ божественныхъ лучахъ,
Сіяетъ все великое земное,
Пока еще тебѣ невѣдомъ низкій страхъ
Иль истощенье жадное покоя...

СТАРАЯ КНИГА.

Книга старинная, книга забытая,
Ты ли попалась мнѣ вновь,
Глупая книга, слезами облитая
Въ годы, когда, для любви не закрытая,
Душа понимала любовь?

Съ жолтыхъ страницъ твоихъ ветхихъ,
Чтó же мнѣ вѣетъ опять?
Запахъ цвѣтовъ ли безъ времени сорванныхъ,
Звуки ли струнъ въ изступленіи порванныхъ,
Святой ли любви благодать?

Чтó бы то ни было—книга забытая,
О, не буди, не тревожь
Муки заснувшія, раны закрытыя!
Прочь твои пятна, годами не смытыя,
И прочь—твоя сладкая ложь!

Ждёшь ли ты слезъ? Ожиданія тщетныя:
Ты на страницахъ твоихъ
Слезъ сохранила слѣды неисчетные....
Были то первыя слезы завѣтныя!
Да что-жь было проку отъ нихъ?

Въ годы ли дѣтства съ моленія шопотомъ,
Ночью-ль безсонной потомъ

илисъ тѣ слезы съ рыданьемъ и ропотомъ—
гб мнѣ за дѣло? извѣдалъ я опытомъ:
Съ надеждой давно незнакомъ.

зать я на судъ тебя, книга лукавая,
Передъ разсудкомъ готовъ—
ы содрогнешься предъ нимъ, какъ неправая:
ы облила своей сладкой отравою
Рядъ даромъ прожитыхъ годовъ.

ЮЛІЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА ЖАДОВСКАЯ.

Родилась въ 1825 году.

I.

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души...
Надо сильно бурѣ,
Море взволновать,
Чтобъ оно, въ бореньи,
Выбросило перлъ:
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ,
Выразила мысль.

II.

ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ТУЧА.

Какъ хорошо!.. въ безмѣрной высотѣ
Летятъ рядами облака, чернѣя,—
И свѣжій вѣтеръ дуетъ мнѣ въ лицо,
Передъ окномъ цвѣты мои качая;
Вдали гремитъ, и туча, приближаясь,
Торжественно и медленно несется...
Какъ хорошо!.. передъ величьемъ бури
Души моей тревога утихаетъ.

III.

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни разлюбишь, полюбишь,
А я—никого, никогда!
Ты новыя лица увидишь
И новыхъ друзей изберешь;
Ты новыя чувства узнаешь—
И можетъ-быть счастье найдешь.
Я—тихо и грустно свершаю,
Безъ радостей, жизненный путь;
И какъ я люблю и страдаю—
Узнаетъ могила одна.

НАДЕЖДА ДМИТРІЕВНА ХВОЩИНСКАЯ.

Родилась въ 1825 году.

Стоялъ онъ, прислонясь къ стволу сухому дуба,
Плотнѣе запахнувъ кафтанъ суконный, грубый,
Разсѣянно глядя, какъ вѣтеръ кочевой
По нивѣ прогонялъ волну вслѣдъ за волной.
Шептались звонкія колосья; листья, травы
Стлались встревожены на днѣ сухой канавы,
И колыхалися высоки и пестры
Цвѣты осенніе. Песчаный склонъ горы
Мелькалъ между кустовъ дубовыхъ; даль синѣла
И небо блѣдное подъ тучей холоднѣло.

Стоялъ онъ, голову свободно приподнявъ,
И въ зелень пышную цвѣтущихъ, свѣжихъ травъ
Спокойно опустивъ свои босыя ноги.
Двѣ лошади свой кормъ щипали при дорогѣ,
Но онъ забылъ о нихъ. Недвижный, дѣтскій взоръ

Лѣниво устремилъ онъ въ небо и просторъ:
Какъ-будто думая, покорно и уныло,
Что есть другая жизнь, гдѣ воля, радость, си-
ла.—
И не свобода то, когда въ степи глухой
Гуляетъ только звѣрь да вѣтеръ кочевой.

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЛЕЩЕЕВЪ.

Родился въ 1825 году.

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки;
Вонъ вдали—соломой крытыя избушки.
И бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку
Изъ роднаго края въ дальнюю сторонку.
Бѣлыя березы, жидкія осины,
Пашни да овраги—грустныя картины:
Не пройдешь безъ думы безъ тяжелой мимо!
Что-же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?

Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно.
Но и тамъ, при блескѣ голубого моря,
Наше сердце ноетъ отъ тоски и горя,
Что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ,
Ни избушекъ этихъ сѣренькихъ, какъ тучи;
Что-же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило
И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

Родился въ 1822 году, скончался въ 1877 году.

I.

ТРОЙКА.

го ты жадно глядишь на дорогу
ъ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
нать, забило сердечко тревогу—
се лицо твое вспыхнуло вдругъ.

зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
а промчавшейся тройкой во слѣдъ?..
а тебя, подбоченясь красиво,
аглядѣлся проѣзжій корнетъ.

а тебя заглядѣться не диво,
олюбить тебя всякій не прочь:
ьется алая лента игриво
ь волосахъ твоихъ, черныхъ какъ ночь;

Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ,
Изъ-подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ.

Взглядъ одинъ чернобровой дикарки,
Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
Старика раззоритъ на подарки,
Въ сердцѣ юноши кинетъ любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка...
Да не то тебѣ пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ-привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть.

Отъ работы и черной и трудной
Отцвѣтешь, не успѣвши разцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудной,
Будешь няньчить, работать и ѣсть.

И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни—появится вдругъ
Выраженье тупаго терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.

И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Не гляди-же съ тоской на дорогу
И за тройкой во слѣдъ не спѣши,
И тоскливую въ сердцѣ тревогу
Поскорѣй навсегда заглуши!

Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки:
Кони крѣпки и сыты и бойки,—
И ямщикъ подъ хмѣлькомъ, и къ другой
Мчится вихремъ корнетъ молодой...

II.

ВЛАСЪ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ,
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконешникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

Бога не было; побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Бралъ съ роднаго, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ;
Нрава былъ крутаго, строгаго...
Наконецъ, и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахаря—
Да поможешь-ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще все не можется.
Годъ прошелъ—а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

оворятъ, ему видѣніе
се мерещилось въ бреду:
идѣлъ свѣта преставленіе,
идѣлъ грѣшниковъ въ аду:

Гучатъ бѣсы ихъ проворные,
Калитъ вѣдьма—егоза.
фіопы—видомъ черные
. какъ угліе глаза,

рокодилы, зміи, скорпіи
рипекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
оютъ грѣшники въ прискорбіи,
ѣпи ржавыя грызутъ.

ромъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
душаетъ лютый смрадъ,
. кружитъ надъ ними съ хохотомъ
ерный тигръ-шестокрылатъ.

ѣ на длинный шестъ нанизаны,
ѣ горячій лижутъ полъ...
амъ, на хартіяхъ написаны,
ласъ грѣхи свои прочелъ:

очтены дѣла безумныя.
о всего не описать!
огомолки, бабы умныя,
огутъ лучше разсказать.

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе.
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Словомъ истины евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань...

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студенную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары—

И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной...

III.

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;

Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы.
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы:
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей.
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

IV.

ШКОЛЬНИКЪ.

—Ну, пошелъ-же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ—
Не веселая дорога...
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!—

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дѣло?
Это многихъ славный путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку.
Такъ, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаёкъ.

Или, можетъ, ты дворовый,
Изъ отпущенныхъ?.. Ну, что-жь!
Случай тоже ужь не новый—
Не робѣй, не пропадешь!

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ,—
Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужъ поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа.
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,—

Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!

V.

Я посѣтилъ твое кладбище,
Подруга трудныхъ, трудныхъ дней!
И образъ твой свѣтлѣй и чище
Рисуется душѣ моей.
Бывало, натерпѣвшись муки,
Уставъ и тѣломъ и душой,
Подъ игомъ молчаливой скуки
Встрѣчался грустно я съ тобой.
Ни смѣхъ, ни говоръ твой веселый
Не прогоняли темныхъ думъ:
Они бѣсили мой тяжелый,
Больной и раздраженный умъ.
Я думалъ: нѣтъ въ душѣ безпечной

Сочувствія душѣ моей,
И горе въ глубинѣ сердечной
Держалось дольше и сильнѣй...
Увы, то время невозвратно!
Въ ошибкахъ юность не вольна:
Безъ слезъ ей горе не понятно,
Безъ смѣху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы.
Другую женщину я зналъ,
Я поминутно видѣлъ слезы
И часто смѣхъ твой вспоминалъ.
Теперь мнѣ дороги и милы
Тѣ грустно прожитые дни,—
Какъ много нѣжности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу съ упрекомъ и тоскою:
«Зачѣмъ я не цѣнилъ тогда?»
Забудусь—ты передо мною
Стоишь—жива и молода,
Глаза блистаютъ, локонъ вьется,
Ты говоришь: «будь веселѣй!»
И звонкій смѣхъ твой отдается
Больнѣе слезъ въ душѣ моей.

VI.

ИЗЪ ПОЭМЫ: «РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ».

Слава Богу! морозная ночь—
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудилъ я гусей на пруду,
Я со стога спугнулъ ястребенка,
Какъ онъ вздрогнулъ! какъ крылья развилъ!
Какъ взмахнулъ ими сильно и плавно!
Долго, долго за нимъ я слѣдилъ,
Я невольно сказалъ ему: славно!
Чу! стучитъ проѣзжающій возъ,
Деготькомъ потянуло съ дороги...
Обоняніе тонко въ морозъ,
Мысли свѣжи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняютъ ожившую грудь;
Жаждой дѣла душа закипаетъ,
Вспоминается пройденный путь,
Совѣсть пѣсню свою запѣваетъ...

:овѣтую гнать ее прочь—
цетъ время еще сосчитаться!
эту тихую, лунную ночь
зерцанію должно предаться.
іь глубоко прозрачна, чиста,
сяцъ полный плыветъ надъ дубровой
'осподствуютъ въ небѣ цвѣта
губой, бѣловатой, лиловой.
цы ярко блестятъ средь полей,
земля прихотливо одѣта
волны бѣлаго луннаго свѣта
узорчатыхъ, странныхъ тѣней.
ь большихъ очертаній картины
тончайшихъ сѣтей паутины,
) по воздуху тихо плывутъ—
: отчетливо видно: далече
отянулися полосы гречи,
асной лентой по скату бѣгутъ;
мыкающій сонныя нивы,
съ сквозитъ, весь усыпанъ листвой;
цны красокъ его переливы
цъ играющей, ясной луной;
бъ-ли пасмурный, кленъ-ли веселый—
немъ легко отличишь издали;
удью къ сѣверу, воронъ тяжелый—
дишь—дремлетъ на старой ели!
э, чѣмъ можетъ порадовать сына

Поздней осенью родина-мать;
Зеленѣющій озими гладь,
Подо-льномъ—золотая долина,
Посреди освѣщенныхъ луговъ
Величавое войско стоговъ.
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если-бъ даже пришлось въ эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ея бѣдность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она,—
И стоитъ словно полная чаша.
Пожелай ей покойнаго сна—
Утомилась кормилица наша!...

Спи, кто можетъ,—я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умѣлъ я съ тобой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой...

Въ эту ночь я хотѣлъ-бы рыдать
　　На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,

гъ на горѣ невысокой
ı, вся видна, при лунѣ,
старая чудится мнѣ,
юй церковной стѣнѣ
тся крестъ одинокой.
жу тебя, Божій домъ!
дписи вдоль по карнизу
ıла Павла съ крестомъ,
ıаго въ свѣтлую ризу.
ıется сторожъ-старикъ
колокольню—руину,
онъ громадно великъ:
ь пересѣкъ всю равнину.
ıь!—и медлительно бей,
ıышалось долго гудѣнье!
нѣ деревенскихъ ночей
уковъ властительно пѣнье:
ь въ околоткѣ больной,
нихъ встрепенется душой
внимательно звуки,
гъ на мигъ свои муки;
ли путникъ ночной
ышитъ—бодрѣе шагаетъ;
тливый пахарь считаетъ
иъ осѣнясь въ полуснѣ,
Бога о ведряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ гудя прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ—все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Что-бъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...
Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью па мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты,—грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты не дрогнувъ ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,

На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, Кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?...

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Что-бъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

VII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «МОРОЗЪ КРАСНЫЙ НОСЪ».

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ—хорошо-ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ-ли гдѣ сломанной ели,
И нѣтъ-ли гдѣ голой земли?

Пушисты-ли сосенъ вершины,
Красивъ-ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко-ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

Дорога вездѣ чародѣю,
Ну! ближе подходитъ сѣдой,—
И вдругъ очутился надъ нею,
Надъ самой ея головой!

вшись на сосну большую,
точкамъ палицей бьетъ,
ъ про себя удалую,
ливую пѣсню поетъ:

дись, молодица, смѣлѣе,
овъ воевода-морозъ!
ядъ тебѣ парня сильнѣе
аше видать привелось?

ели, снѣга и туманы
рны морозу всегда,
у на моря-океаны—
рою дворцы изо-льда.

маю—рѣки большія
олго упрячу подъ гнетъ,
рою мосты ледяные,
ихъ не построитъ народъ.

быстрыя, шумныя воды
вно свободно текли,—
дня прошли пѣшеходы,
ы съ товаромъ прошли.

лю я въ глубокихъ могилахъ
йниковъ въ иней рядить,
овь вымораживать въ жилахъ
згъ въ головѣ леденить.

«На горе недоброму вору,
«На страхъ сѣдоку и коню,
«Люблю я въ вечернюю пору
«Затѣять въ лѣсу трескотню.

«Бабенки, пеняя на лѣшихъ,
«Домой удираютъ скорѣй,
«Но пьяныхъ и конныхъ и пѣшихъ
«Дурачить еще веселѣй.

«Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу,
«А носъ запылаетъ огнемъ,
«И бороду такъ приморожу
«Къ возжамъ—хоть руби топоромъ!

«Богатъ я, казны не считаю,
«А все не скудѣетъ добро;
«Я царство мое убираю
«Въ алмазы, жемчугъ, серебро.

«Войди въ мое царство со мною
«И будь ты царицею въ немъ!
«Поцарствуемъ славно зимою,
«А лѣтомъ глубоко уснемъ.

«Войди! приголублю, согрѣю,
«Дворецъ отведу голубой»...
И сталъ воевода надъ нею
Махать ледяной булавой.

Тепло-ли тебѣ, молодица?»
ъ высокой сосны ей кричитъ.
–Тепло! отвѣчаетъ вдовица,
ама холоднѣетъ, дрожитъ.

орозко спустился пониже.
пять помахалъ булавой,
шепчетъ ей ласковѣй, тише:
Тепло-ли?...»—Тепло, золотой!—

епло—а сама коченѣетъ.
орозко коснулся ее:
ъ лицо ей дыханіемъ вѣетъ
иглы колючія сѣетъ
ъ сѣдой бороды на нее.

вотъ передъ ней опустился!
Тепло ли?» промолвилъ опять,
въ Проклушку вдругъ обратился
сталъ онъ ее целовать.

ъ уста ее, въ очи и въ плечи
ѣдой чародѣй целовалъ,
тѣ же ей сладкія рѣчи,
то милый, о свадьбѣ шепталъ

такъ-то-ли любо ей было
нимать его сладкимъ рѣчамъ,

Что Дарьюшка очи закрыла,
Топоръ уронила къ ногамъ,

Улыбка у горькой вдовицы
Играетъ на блѣдныхъ губахъ,
Пушисты и бѣлы рѣсницы,
Морозныя иглы въ бровяхъ...

VIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ «РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ».

КНЯГИНЯ М. Н. В—СКАЯ.

Простите, родные! Мнѣ сердце давно
Мое подсказало рѣшенье.
И вѣрю я твердо: отъ Бога оно!
А въ васъ говоритъ—сожалѣнье.
Да, ежели выборъ рѣшить я должна
Межъ мужемъ и сыномъ—не болѣ,
Иду я туда, гдѣ я больше нужна,
Иду я къ тому, кто въ неволѣ!
Я сына оставлю въ семействѣ родномъ,
Онъ скоро меня позабудетъ.
Пусть дѣдушка будетъ малюткѣ отцомъ,
Сестра ему матерью будетъ.

нъ такъ еще малъ! А когда подростетъ
I страшную тайну узнаетъ,
I вѣрю: онъ матери чувство пойметъ
I въ сердцѣ ее оправдаетъ!

Iо если останусь я съ нимъ... и потомъ
)нъ тайну узнаетъ и спроситъ:
«Зачѣмъ не пошла ты за бѣднымъ отцомъ?..»
Л слово укора мнѣ броситъ?
О, лучше въ могилу мнѣ заживо лечь,
Чѣмъ мужа лишить утѣшенья
И въ будущемъ сына презрѣнье навлечь...
Нѣтъ, нѣтъ! не хочу я презрѣнья!..

А можетъ случиться—подумать боюсь!—
Я перваго мужа забуду,
Условіямъ новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачихой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бѣдный изгнанникъ!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранникъ...

Отецъ! ты не знаешь, какъ дорогъ онъ мнѣ!
Его ты не знаешь! Сначала,
Въ блестящемъ нарядѣ, на гордомъ конѣ,
Его предъ полкомъ я видала;

О подвигахъ жизни его боевой
Разсказы товарищей боя
Я слушала жадно—и всею душой
Я въ немъ полюбила героя...

Позднѣе, я въ немъ полюбила отца
Малютки, рожденнаго мною.
Разлука тянулась межь тѣмъ безъ конца.
Онъ твердо стоялъ подъ грозою...
Вы знаете, гдѣ мы увидѣлись вновь—
Судьба свою волю творила!—
Послѣднюю, лучшую сердца любовь
Въ тюрьмѣ я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Онъ былъ безупречнѣй, чѣмъ прежде,
И я полюбила его какъ Христа...
Въ своей арестантской одеждѣ
Теперь онъ безсмѣнно стоитъ предо мной,
Величіемъ кроткимъ сіяя.
Терновый вѣнецъ надъ его головой,
Во взорѣ—любовь не земная...

Отецъ мой! должна я увидѣть его...
Умру я, тоскуя по мужѣ...
Ты долгу служа, не щадилъ ничего,
И насъ научилъ ты тому-же...

й, выводившій своихъ сыновей
ı, гдѣ смертельнѣй сраженье,—
ıѣрю, чтобъ дочери бѣдной своей
:амъ не одобрилъ рѣшенье!

. . . .

ţушала музыку, грусти полна,
ѣнію жадно внимала;
ı я не пѣла,—была я больна,
лько другихъ умоляла:
ţумайте: я уѣзжаю съ зарей…
ойте-же, пойте! играйте…
узыки я не услышу такой,
ѣсни… Наслушаться дайте!..»

дные звуки лились безъ конца!
:ественной пѣсней прощальной
чился вечеръ,—не помню лица
грусти, безъ думы печальной!
ı неподвижныхъ, суровыхъ старухъ
тили холодъ надменной,
ръ, что казалось на-вѣки потухъ,
ился слезой умиленной…
:ты старались себя превзойти,
іаю я пѣсни прелестнѣй
іѣсни—молитвы о добромъ пути,
лагословляющей пѣсни…
ıкъ вдохновенно играли они!

Какъ пѣли!.. и плакали сами ..
И каждый сказалъ мнѣ: «Господь васъ храни!»
Прощаясь со мной со слезами...

. . . .

Морозно. Дорога бѣла и гладка,
Ни тучи на всемъ небосклонѣ...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожитъ онъ въ своемъ балахонѣ.
Спина его, плечи и шапка въ снѣгу,
Хрипитъ онъ, коней понукая,
И кашляютъ кони его на бѣгу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустыннаго русскаго края,
Угрюмо шумятъ строевые лѣса,
Гигантскія тѣни бросая;
Равнины покрыты алмазнымъ ковромъ,
Деревни въ снѣгу потонули,
Мелькнулъ на пригоркѣ помѣщичій домъ,
Церковныя главы блеснули...

Обычныя встрѣчи: обозъ безъ конца,
Толпа богомолокъ старушекъ,
Гремящая почта, фигура купца
На грудѣ перинъ и подушекъ;
Казенная фура! съ десятокъ подводъ:
Навалены ружья и ранцы.

и! Жидкой, безусый народъ,
ыть, еще новобранцы;
провожаютъ отцы-мужики,
, сестры и жены:
, уводятъ сердечныхъ въ полки!»
горькіе стоны...

кулаки надъ спиной ямщика,
мчится фельдъегерь.
дорогѣ, догнавъ русака,
омѣщичій егерь
черезъ ровъ на проворномъ конѣ,
псовъ отбиваетъ.
оей свитой стоитъ въ сторонѣ
—борзыхъ подзываетъ...

сцены: на станціяхъ адъ—
спорятъ, толкутся.
ай!» изъ оконъ ребята глядятъ,
я куры дерутся;
і бьется лошадка въ станкѣ,
весь сажей покрытый
ъ раскаленной подковой въ рукѣ:
нь, держи ей копыты!..»

я сдѣлала первый привалъ,
мъ диванѣ уснула,
гостинницы видѣла балъ

И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: часъ или два съ небольшимъ
Осталось до новаго года.
«Счастливые люди! какъ весело имъ!
У нихъ и покой, и свобода,
Танцують, смѣются!.. а мнѣ не знавать
Веселья... я ѣду на муки! .»
Не надо-бы мыслей такихъ допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здѣсь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь—позволенье со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я одѣлась.—Готовъ-ли ямщикъ?
«Княгиня, вамъ лучше дождаться
Разсвѣта»,—замѣтилъ смотритель старикъ:
«Мятель начала подыматься!»
—Ахъ! то-ли придется еще испытать!
Поѣду. Скорѣй, ради Бога!..

Звенитъ колокольчикъ, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно въ бока,
Какими-то ѣдемъ грядами.
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугоръ намело между нами.

·чуть не упала кибитка моя,
ıхнулась тройка и стала.
ıкъ мой заохалъ: «Докладывалъ я:
;ать-бы! дорога пропала!..»

ıла дорогу искать ямщика.
тку рогожей закрыла,
мала: вѣрно ужь полночь близка,
:инку часовъ подавила:
адцать ударило! Кончился годъ,
вый успѣлъ народиться!
нувъ цыновку, гляжу я впередъ—
ежнему вьюга крутится.
е ей дѣло до нашихъ скорбей,
ıшего новаго года?
равнодушна къ тревогѣ твоей
стонамъ твоимъ, непогода!
у меня роковая тоска
ней я борюсь одиноко...

налъ одиночество въ дальнемъ пути,
:путники—горе да вьюга,
провидѣньемъ дано обрѣсти
устынѣ негаданно друга,
нашу взаимную радость пойметъ...
·тала, устала я, Маша!
плачь, моя бѣдная Катя! Спасетъ
дружба и молодость наша!

Насъ жребій одинъ неразрывно связалъ,
Судьба насъ равно обманула,
И тотъ-же потокъ твое счастье умчалъ,
Въ которомъ мое потонуло.
Пойдемъ-же мы объ-руку труднымъ путемъ,
Какъ шли зеленѣющимъ лугомъ,
И обѣ достойно свой крестъ понесемъ
И будемъ мы сильны другъ другомъ.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Немного!
Теперь передъ нами дорога добра,
Дорога избранниковъ Бога!
Найдемъ мы униженныхъ, скорбныхъ мужей,
Но будемъ мы имъ утѣшеньемъ,
Мы кротостью нашей смягчимъ...
Страданье осилимъ терпѣньемъ.
Опорою гибнущимъ, слабымъ, больнымъ
Мы будемъ въ тюрьмѣ ненавистной,
И рукъ не положимъ, пока не свершимъ
Обѣта любви безкорыстной!..
Чиста наша жертва,—мы все отдаемъ
Избранникамъ нашимъ и Богу,
И вѣрю я: мы невредимо пройдемъ
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала съ собой воевать—
День ясной. морозной и тихой.

а подъ Нерчинскомъ явились опять,
санях покатили мы лихо...
ыльныхъ разсказывалъ русскій ямщикъ
ь зналъ ихъ фамиліи даже):
, этихъ коняхъ я возилъ ихъ въ рудникъ.
только въ другомъ экипажѣ;
жно быть, дорога легка имъ была:
тили, смѣшили другъ дружку;
завтракъ ватрушку мнѣ мать испекла,
зъ я подарилъ имъ ватрушку,
гривенный дали—я брать не хотѣлъ:
Возьми, паренекъ, пригодится...»

тая, онъ живо въ село прилетѣлъ.
у, барыни! гдѣ становиться?»
Вези насъ къ начальнику прямо въ острогъ.
!, други, не дайте въ обиду!»

альникъ былъ тученъ и кажется строгъ,
осилъ:—по какому мы виду?
ь Иркутскѣ читали инструкцію намъ
ыслать въ Нерчинскъ обѣщали...»

Застряла, застряла голубушка тамъ!
тъ копія, намъ ее дали...»
Іто копія? съ ней попадешься въ просакъ!
тъ царское вамъ позволенье!»
зналъ по-французски упрямый чудакъ,

Не вѣрилъ намъ,—смѣхъ и мученье!
—Вы видите подпись царя: Николай?
До подписи нѣтъ ему дѣла,
Ему изъ Нерчинска бумагу подай!
Поѣхать за ней я хотѣла,
Но онъ объявилъ, что отправится самъ
И къ утру бумагу добудетъ.
—Да точно-ли?.. «Честное слово! А вамъ
Полезнѣе выспаться будетъ!..»

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнемъ утрѣ мечтая;
Съ оконцемъ изъ слюды, низка, безъ трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стѣны,
А въ дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти намъ были смѣшны,
Не то ужь случалося съ нами.
Мы вмѣстѣ! теперь-бы легко я снесла
И самыя трудныя муки...

Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревнѣ отъ скуки:
Избушки такія-жь какъ наша, числомъ
До сотни, въ оврагѣ торчали,
А вотъ и кирпичный съ рѣшетками домъ!
При немъ часовые стояли.
—Не здѣсь-ли преступники? «Здѣсь, да ушли».

'да?—«На работу, вѣстимо!»
я-то дѣти меня повели...
ыли мы всѣ—нестерпимо
лось мнѣ мужа увидѣть скорѣй;
близко! Онъ шелъ тутъ недавно!
ы видите ихъ? я спросила дѣтей,
,а, видимъ!—Поютъ они славно!
этъ дверца... гляди-же! Пойдемъ мы теперь.
рощай!..» Убѣжали ребята...

. словно подъ землю ведущую дверь
Увидѣла я—и солдата.
Сурово смотрѣлъ часовой,—на-голо
Въ рукѣ его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здѣсь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть можетъ, вамъ хочется дальше читать.
Да просится слово изъ груди!
Помедлимъ немного. Хочу я сказать
Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
Все трудное каторги время,
Народъ! я бодрѣе съ тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебѣ пало на часть,
Ты дѣлишь чужія печали,
И гдѣ мои слезы готовы упасть,

Твои ужъ давно тамъ упали!..
Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
Страданія насъ породнили...
«Васъ въ каторгѣ самый законъ не спасетъ!»
На родинѣ мнѣ говорили;
Но добрыхъ людей я встрѣчала и тамъ,
На крайней ступени паденья,
Умѣли по своему выразить намъ
Преступники дань уваженья;
Меня съ неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встрѣчали:
«Вы—ангелы наши!» За нашихъ мужей
Уроки они исполняли.
Не разъ мнѣ украдкой давалъ изъ полы
Картофель колодникъ клейменый:
«Покушай! горячій, сейчасъ изъ золы!»
Хорошъ былъ картофель печоный,
Но грудь и теперь занываетъ съ тоски,
Когда я о немъ вспоминаю...
Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки!
Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!
Спасибо!.. Считали свой трудъ ни во что
Для насъ эти люди простые,
Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
Никто—изъ народа, родные!..
Рыданьямъ моимъ часовой уступилъ,
Какъ Бога его я просила!—

ильникъ (родъ факела) онъ засвѣтилъ.
акой-то подвалъ я вступила,
лго спускалась все ниже; потомъ
ла я глухимъ корридоромъ,
пами шелъ онъ; темно было въ немъ
ушно; гдѣ плѣсень узоромъ
жала; гдѣ тихо струилась вода
лужами къ низу стекала.
слышала шорохъ: земля иногда
омками со стѣнъ упадала;
видѣла страшныя ямы въ стѣнахъ;
азалось, такія-жь дороги
тъ нихъ начинались. Забыла я страхъ,
Проворно несли меня ноги!

И вдругъ я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамамъ туда!
Вернитесь скорѣй! Погодите!»
Бѣда моя! видно дежурный пришелъ
(Его часовой такъ боялся),
Кричалъ онъ такъ грозно, такъ голосъ былъ
золъ,
Шумъ скорыхъ шаговъ приближался...
Что дѣлать? Я факелъ задула. Впередъ
Въ потьмахъ наугадъ побѣжала...
Господь коли хочетъ, вездѣ проведетъ!

Не знаю, какъ я не упала,
Какъ голову я не оставила тамъ!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасныхъ разсѣлинъ, проваловъ и ямъ
Богъ вывелъ меня невредимо:
Я скоро увидѣла свѣтъ впереди,
Тамъ звѣздочка словно свѣтилась...
И вылетѣлъ радостный крикъ изъ груди:
«Огонь!» Я крестомъ осѣнилась...
Я сбросила шубу... Бѣгу на огонь,
Какъ Богъ уберегъ во мнѣ душу!
Попавшій въ трясину испуганный конь
Такъ рвется завидѣвши сушу...

«И стало, родные, свѣтлѣй, и свѣтлѣй!
Увидѣла я возвышенье:
Какая-то площадь... и тѣни на ней...
Чу, молотъ! работа... движенье...
Тамъ люди! Увидятъ-ли только они?
Фигуры отчетливѣй стали...
Вотъ ближе, сильнѣй замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявшій на самомъ краю
Воскликнулъ: «Не ангелъ-ли Божій?
Смотрите, смотрите! «Вѣдь мы не въ раю:
Проклятая шахта похожѣй
На адъ!—говорили другіе смѣясь.

ıстро на край выбѣгали,
приближалась поспѣшно. Дивясь,
ıижно они ожидали.

Вол—кая! вдругъ закричалъ Т—кой
ˏнала я голосъ). Спустили
нѣ лѣстницу; я поднялася стрѣлой!
ˈсе люди знакомые были:
ˈ—ѣй Т—ой, А—нъ М—евъ,
ˏ—въ и кн. О—iй...
Iотокомъ сердечныхъ, восторженныхъ словъ,
Iохвалъ моей дерзости женской
Ъыла я осыпана; слезы текли
По лицамъ ихъ, полнымъ участья...
Но гдѣ-же Сергѣй мой? «За нимъ ужь пошли.
Не умеръ-бы только отъ счастья!
Кончаетъ урокъ: по три пуда руды
Мы въ день достаемъ для Россiи,
Какъ видите, насъ не убили труды!»
Веселые были такiе,
Шутили, но я подъ веселостью ихъ
Печальную повѣсть читала;

. . . .

. . . .

Извѣстьемъ о Катѣ, о милой женѣ
Утѣшила я Т—ого;
Всѣ письма по счастiю были при мнѣ,

Съ привѣтомъ изъ края родного —
Спѣшила я ихъ передать. Между тѣмъ
Внизу офицеръ горячился:
«Кто лѣстницу принялъ? Куда и зачѣмъ
Смотритель работъ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое
Убьетесь!.. Эй, лѣстницу, черти!
Живѣй!..» (Но никто не подставилъ ее...)
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что-жь вы?..» Но мы
Все въ глубь уходили... Отвсюду
Бѣжали къ намъ мрачныя дѣти тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мнѣ путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземныхъ работъ на пути,
Провалы, бугры мы встрѣчали.
Работа кипѣла подъ звуки оковъ,
Подъ пѣсни — работа надъ бездной!
Стучались въ упругую грудь рудниковъ
И заступъ и молотъ желѣзный.
Тамъ съ ношею узникъ шагалъ по бревну.
Невольно кричала я «тише!»
Тамъ новую мину вели въ глубину,
Тамъ люди карабкались выше
По шаткимъ подпоркамъ... Какіе труды!

Какая отвага?.. Сверкали
Мѣстами добытыя глыбы руды
И щедрую дань обѣщали...

Вдругъ кто-то воскликнулъ: идетъ онъ! идет —
Окинувъ пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись впередъ—
Канава была передъ нами.
«Потише, потише! Ужели затѣмъ
Вы тысячи верстъ пролетѣли,
Сказалъ Т—ой, чтобъ на горе намъ всѣмъ
Въ канавѣ погибнуть—у цѣли?»
И за руку крѣпко меня онъ держалъ;
«Чтобъ было, когда-бъ вы упали?»
Сергѣй торопился, но тихо шагалъ.
Оковы уныло звучали.
Предъ нимъ разступались, молчанье храня,
Рабочіе люди и стража...
И вотъ онъ увидѣлъ, увидѣлъ меня!
И руки простеръ ко мнѣ: «Маша!»
И сталъ, обезсиленный словно, вдали...
Два ссыльныхъ его поддержали.
По блѣднымъ щекамъ его слезы текли,
Простертыя руки дрожали...

Душѣ моей милаго голоса звукъ
Мгновенно послалъ обновленье,

Отраду, надежду, забвеніе мукъ.
Отцовской угрозы забвенье!
И съ крикомъ: «Иду!» я бѣжала бѣгомъ,
Рванувъ неожиданно руку,
По узкой доскѣ надъ зіяющимъ рвомъ
На встрѣчу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мнѣ ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я подбѣжала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки.
И силу его... и готовность страдать!..
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни,—и прежде чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!..

И тихаго ангела Богъ ниспослалъ
Въ подземныя копи,—въ мгновенье
И говоръ, и грохотъ работъ замолчалъ
И замерло словно движенье.
Чужіе, свои—со слезами въ глазахъ,
Взволнованы, блѣдны, суровы
Стояли кругомъ. На недвижныхъ ногахъ
Не издали звука оковы.

И въ воздухѣ поднятый молотъ застылъ...
Все тихо—ни пѣсни, ни рѣчи...
Казалось, что каждый здѣсь съ нами дѣлилъ
И горечь и счастіе встрѣчи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.—

«Да гдѣ-же вы всѣ запропали?»
Вдругъ снизу донесся неистовый крикъ.
Смотритель работъ появился.
«Уйдите!» сказалъ со слезами старикъ:
«Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранятъ!
Начальники люди крутые...»
И словно изъ рая спустилась я въ адъ...
И только... и только, родные!
По русски меня офицеръ обругалъ
Внизу, ожидавшій въ тревогѣ,
А сверху мнѣ мужъ по французски сказалъ:
«Увидимся, Маша, въ острогѣ!»

IX.

ИЗЪ ПОЭМЫ: «МАТЬ».

Я книги перебралъ, которыя съ собой
Родная привезла когда-то издалека,
Замѣтки на поляхъ случайныя читалъ:
Въ нихъ жилъ пытливый умъ, вникающій глуб
И снова плакалъ я, и думалъ надъ письмомъ.
И вновь его прочелъ внимательно сначала,
И краткая душа, терзаемая въ немъ,
Впервые предо мной въ красѣ своей предста
И неразлучною осталась ты съ тѣхъ поръ,
О, мать-страдалица! съ своимъ печальнымъ
ном
Тебя, твоихъ слѣдовъ искалъ повсюду взоръ,
Досугъ мой преданъ былъ прошедшаго картин

Та блѣдная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшаго огня
Въ младенчествѣ я сиживалъ съ тобою,
Мнѣ въ сумерки мерещилась порою,
И голосъ твой мнѣ слышался впотьмахъ,
Исполненный мелодіи и ласки,
Которымъ ты мнѣ сказывала сказки
О рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ.

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встрѣчалъ знакомыя черты:

[redacted]

То образы изъ ихъ живаго міра
Въ моемъ умѣ напечатлѣла ты.
И сталъ я понимать, гдѣ мысль твоя блуждала,
Гдѣ ты душой, страдалица, жила,
Когда кругомъ насилье ликовало,
И стая псовъ на псарнѣ завывала,
И вьюга въ окна била и мела...

Незримой лѣстницей съ недавнихъ юныхъ дней
Я къ дѣтству нисходилъ, ту жизнь припоминая,
Когда еще была ты нянею моей
И ангеломъ-хранителемъ, родная.

Въ иномъ краю, не менѣе несчастномъ,
Но менѣе суровомъ рождена,
На сѣверѣ угрюмомъ и ненастномъ
Въ осьмнадцать лѣтъ ужъ ты была одна.
Тотъ разлюбилъ, кому судьба вручила,
Съ кѣмъ въ чуждый край довѣрчиво пошла,
Ужь онъ не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

Я опоздалъ! я медленно и ровно
Завѣтный трудъ не въ силахъ совершить,
Но я дерзну въ картинѣ малословной
Твою судьбу, родная, совмѣстить.

И я смогу!... Поможетъ мнѣ искуство,
Поможетъ смерть—я скоро нуженъ ей...

Мала слеза—но въ ней избытокъ чувства...
Что океанъ безбрежный передъ ней!...

И вспыхнулъ день! Онъ твой: ты побѣдила!
У ногъ твоихъ—дѣтей твоихъ отецъ,
Семья давно вины твои простила,
Лобзаетъ рабъ терновый твой вѣнецъ...
Но... двадцать лѣтъ!... Кàкъ сладко, умирая,
Вздохнула ты... Кàкъ тихо умерла!
О сколько силъ явила ты, родная!
Какимъ путемъ къ побѣдѣ ты пришла!...

Душа твоя—она горитъ алмазомъ,
Раздробленнымъ на тысячи крупицъ
Въ величьи дѣлъ неуловимыхъ глазомъ.
Я понялъ ихъ—я палъ предъ ними ницъ,
Я ихъ пою (даруй мнѣ силы, небо!...)
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу.

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ АПУХТИНЪ

Родился 1841 г.

I.

ОСЕННІЕ ЛИСТЬЯ.

нчалось лѣто. Астры отцвѣтали…
дъ гнетомъ жгучей, тягостной печали
  Я сѣлъ на старую скамью,
листья надо мной склоняяся, шептали
  Мнѣ повѣсть грустную свою.
авно-ли мы цвѣли подъ знойнымъ блескомъ
                    лѣта?
вотъ ужъ осень намъ грозитъ;
  Немного дней тепла и свѣта
  Судьба гнетущая сулитъ.
что-жъ! пускай холодными руками
  Зима охватитъ скоро насъ,—
ı счастливы теперь подъ этими лучами—
  Намъ жизнь милѣй въ прощальный часъ.

Смотри, какъ золотомъ облитъ нашъ паркъ печальный,
Какъ радостно цвѣты въ послѣдній разъ блестятъ,
Смотри, какъ пышно погребально
Горитъ надъ рощею закатъ!
Мы знаемъ, что какъ сонъ ненастье пронесется,
Что снѣгу не всегда поляны покрывать,
Что явится весна, что все кругомъ проснется...
Но мы, проснемся-ли опять?
Вотъ здѣсь подъ кровомъ нашей тѣни,
Гдѣ груды хвороста теперь лежатъ въ пыли,
Когда-то цвѣлъ роскошный кустъ сирени
И розы пышныя цвѣли.
Пришла весна. Во славу новымъ розамъ
Запѣлъ какъ прежде соловей,
Но бѣдная сирень, охвачена морозомъ,
Не подняла своихъ вѣтвей.
А если къ жизни вновь вернутся липы наши,
Не мы увидимъ ихъ возвратъ,
И вмѣсто насъ, быть можетъ, ярче, краше
Другіе листья заблестятъ...
Ну что-жъ! пускай холодными руками
Зима охватитъ скоро насъ,—
Мы счастливы теперь подъ этими лучами—
Намъ жизнь милѣй въ прощальный часъ.
Помедли смерть! Еще-бъ хоть день отрады!

[redacted]

А можетъ быть, сейчасъ, клоня верхушки ивъ,
Сорветъ на землю безъ пощады
Насъ вѣтра буйнаго порывъ.
Желтѣя, ляжемъ мы подъ липами родными...
И даже ты, объ насъ мечтающій съ тоской,
Ты встанешь со скамьи, разсѣянный, больной,
И полонъ мыслями своими,
Раздавишь насъ небрежною ногой!»

II.

Истомилъ меня въ жизни безрадостный сонъ,
Ненавистна мнѣ память былаго...
Я въ прошедшемъ моемъ, какъ въ тюрьмѣ заключенъ
Подъ надзоромъ тюремщика злаго.

Захочу-ли уйти, захочу-ли шагнуть,
Роковая стѣна не пускаетъ;
Лишь оковы звучатъ, да сжимается грудь,
Да безсонная совѣсть терзаетъ...

Но подъ взглядомъ твоимъ распадается цѣпь,
И я весь освѣщаюсь тобою,
Какъ цвѣтами нежданно одѣтая степь,
Какъ туманъ, серебримый луною!

III.

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

На берегъ сходитъ ночь беззвучна и тепла,
Не видно кораблей изъ-за туманной дали,
И словно очи безъ числа
Надъ моремъ звѣзды замигали.
Ни шелеста въ деревьяхъ вѣковыхъ,
Ни звука голоса людскаго...
И кажется, что все на вѣкъ уснуть готово
Въ объятіяхъ ночныхъ.
Но морю не до сна. Какимъ-то гнѣвомъ полны
Надменныя нахмуренныя волны
О берегъ бьются и стучатъ.
Чего-то требуетъ ихъ ропотъ непонятный,
Въ ихъ шумѣ съ ночью благодатной
Какой-то слышится разладъ.
Съ какимъ-же ты гигантомъ въ спорѣ?
Чего-же хочешь ты, бунтующее море,
Отъ бѣдныхъ жителей земныхъ?
Кому ты шлешь свои велѣнья,
И въ этотъ часъ, когда весь міръ затихъ,
Кто выдвинулъ мятежное волненье
Изъ нѣдръ невѣдомыхъ твоихъ?
Отвѣта нѣтъ. . Громадою нестройной
Кипитъ и пѣнится вода...

Не такъ-ли въ сердцѣ иногда,
Когда кругомъ все тихо и спокойно
И ровно дышетъ грудь, и ясно блещетъ взоръ,
И весело звучитъ знакомый разговоръ,
Вдругъ поднимается нежданное волненье?
Зачѣмъ весь этотъ блескъ? Откуда этотъ шумъ?
Что значитъ этихъ бурныхъ думъ
Неодолимое стремленье?
Не вспыхнулъ-ли любви завѣтный огонекъ?
Предвѣстье-ль это близкаго ненастья,
Воспоминанье-ли утраченнаго счастья,
Иль въ сонной совѣсти проснувшійся упрекъ, —
Кто можетъ это знать?... Но разумъ понимаетъ,
Что въ сердцѣ есть у насъ такая глубина,
Куда и мысль не проникаетъ,
Откуда, какъ съ морскаго дна,
Могучимъ трепетомъ полна
Невѣдомая сила вылетаетъ,
И что-то смутно повторяетъ
Какъ набѣжавшая волна.

IV.

БУДУЩЕМУ ЧИТАТЕЛЮ.

Хоть стихъ нашъ устарѣлъ, но приклони свой
слухъ
И знай, что ихъ ужъ нѣтъ, когда-то бодро пѣв-
шихъ:
Ихъ пѣсня замерла и взоръ у нихъ потухъ
И перья выпали изъ рукъ окоченѣвшихъ.

Но смерть не все взяла! Средь этихъ урнъ и плитъ
Неизгладимый слѣдъ минувшихъ дней таится:
Всѣ струны порвались, но звукъ еще дрожитъ
И жертвенникъ погасъ, но дымъ еще струится.

[redacted]

V.

НЕДОСТРОЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ.

Однажды снилось мнѣ, что площадь русской с
Была полна людей, гудѣли голоса;
Огнями пышными горѣли окна, стѣны
И съ трескомъ падали ненужные лѣса,—
И изъ-за тѣхъ лѣсовъ, въ сіяніи великомъ,
Явилась женщина. Съ высокаго чела
Улыбка свѣтлая на зрителей сошла—
И площадь дрогнула однимъ могучимъ крико
Волненье усмиривъ движеніемъ руки,
Промолвила она, склонивъ къ театру взоры:
«Учитесь у меня, россійскіе актёры!
Я роль свою сыграла мастерски.
Принцессою кочующей и бѣдной,
Какъ многія, явилася я къ вамъ—
И также жизнь моя могла пройти безслѣдно;
Но было иначе угодно небесамъ.
На шаткія тогда ступени трона
Ступила я безтрепетной ногой—
И заблистала старая корона
Надъ новою, надъ чуждой головой.

За-то какъ высоко взлетѣлъ орёлъ двухглавый!
Какъ низко передъ нимъ склонились племена!
Какой немеркнущею славой
Покрылись наши знамена!
Съ дворянства моего оковы были сняты;
Безъ пытокъ загремѣлъ святой глаголъ суда:
Въ столицу Грознаго сзывались депутаты;
Изъ нѣдръ степей вставали города.
Я женщина была—и много я любила;
Но совѣсть шепчетъ мнѣ, что для любви своей
Ни разу я отчизны не забыла
И счастьемъ подданныхъ не жертвовала ей.
Когда Тавриды князь, наскучивъ пыломъ страсти
Надменно отошолъ отъ сердца моего,
Не пошатнула я его могучей власти—
И Русь попрежнему цвѣла у ногъ его.
Мой пышный дворъ блисталъ на удивленье свѣту
Въ странѣ безлюдья и снѣговъ;
Но не былъ онъ похожъ на стёртую монету,
На скопище безцвѣтное льстецовъ.
Отъ смѣлыхъ чудаковъ не отвращая взоровъ,
Умѣла я цѣнить, что мудро иль остро:
За-то въ дворецъ мой шли скитальцы, какъ Дидро
И чудаки такіе, какъ Суворовъ.
За-то и я могла свободно говорить
Въ эпоху дикихъ войнъ и казней хладнокровныхъ
Что лучше десять оправдать виновныхъ

Чѣмъ одного невиннаго казнить.
И не было то слово буквой праздной!
Однажды пасквиль мнѣ рѣшилися подать:
Въ нёмъ я была, какъ женщина, какъ мат
Поругана со злобой безобразной.
Заныла грудь моя отъ гнѣва и тоски;
Ужь мнѣ мерещились допросы, приговоры...
Учитесь у меня, россійскіе актёры!
Я роль свою сыграла мастерски!
Я пасквиль тотъ взяла и написала съ краю:
«Оставить автора, стыдомъ его казня.
«Что здѣсь—какъ женщины—касается меня,
«Я—какъ царица—презираю!»
Да, управлять подчасъ бывало не легко!
Повсюду—дома ли, въ Варшавѣ-ль, въ Византіи-
Я помнила лишь выгоды Россіи—
И знамя то держало высоко.
Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые—
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
Я больше русская была,
Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!
Но время шло, печальные слѣды
Вокругъ себя невольно оставляя:
Качалася на мнѣ корона золотая
И ржавѣли въ рукахъ державныя бразды.
Когда случится вамъ, питомцы Мельпомены,
Творенье генія со славой разыграть

И вами созданныя сцены
Заставятъ зрителей смѣяться и рыдать,
Тогда—скажите ради Бога—
Уже-ль вамъ не простятъ правдивыя сердца
Неловкость выхода, неровности конца
И даже скуку эпилога?»
Тутъ гулъ по площади пошолъ со всѣхъ сторон
Гремѣли небеса, людскому хору вторя,—
И былъ сначала я, какъ-будто ревомъ моря,
Народнымъ воплемъ оглушонъ.
Потомъ всѣ голоса слилися воедино—
И ясно слышалъ я изъ говора того:
«Живи, живи, Екатерина,
Въ безсмертной памяти народа твоего!»

VI.

ПАМЯТИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

[и у домашняго простого камелька,
[и въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонно[
[амъ не забыть его, сѣдого старика
ъ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной.

ѣнивой поступью прошолъ онъ жизни путь,
.о мыслью обнялъ всё, что на пути замѣтилъ,
. передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдо:
нуть,
нъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенец
свѣтелъ.

скусства, знанія, событья нашихъ дней—
сё откликъ вѣрный въ нёмъ будило неизбѣжн
 словомъ, брошеннымъ на факты и людей.
нъ клейма вѣчныя накладывалъ небрежно.

ы помните его среди его друзей?
акъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
акъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
 вечеръ длившійся, и годы прожитые!

ъ нёмъ злобы не было; когда-жь онъ говорилъ
звительно смѣясь надъ равнодушнымъ вѣкомъ,

VII.

ПРОСЕЛОКЪ.

По Руси великой, безъ конца, безъ
Тянется дорожка узкая, кривая.
Чрезъ лѣса, да рѣки, по лугамъ по
Все бѣжитъ куда-то шагомъ тороп
И чудесъ хоть мало встрѣтишь той
Но мнѣ милъ и близокъ видъ ея уб
Утро-ли займется на небѣ румяном
Вся она росою блещетъ подъ тума
Вѣтерокъ разноситъ изъ поляны со
Скошеннаго сѣна запахъ благовонн
Все молчитъ, все дремлетъ... Въ утр

Только ржи мелькаетъ море золото
И куда ни глянешь освѣженнымъ
Отовсюду вѣетъ тишью да просторо

да орѣшникъ разрослись широко,
ли надъ прудомъ высится плотина...
ія картина; милая картина!
на встрѣчу бодро мужичекъ шагаетъ,
кимъ воплемъ стадо путь перебѣгаетъ,
о... День, краснѣя, всходитъ понемногу,
на большую выѣдемъ дорогу.
стоятъ ракиты по порядку, чинно,
ся обозы вереницей длинной,
дорога—скатерть, станція—картинка,
ты и заглохнешь, русская тропинка!

си великой безъ конца, безъ края,
ся дорожка узкая, кривая
льшую съѣхалъ: впереди застава,
пыль да версты... Смотришь, — а на-
право
вьется путь мой лентою узорный,—
же прихотливый, тотъ-же непокорный?

VIII.

безумныя, ночи безсонныя,
несвязныя, взоры усталые...
послѣднимъ огнемъ озаренныя,
мертвой цвѣты запоздалые!

Пусть даже время рукой безпощадною
Мнѣ указало, что было въ васъ ложнаго,—
Все-же лечу я къ вамъ памятью жадною,
Въ прошломъ отвѣта ищу невозможнаго!

Вкрадчивымъ шепотомъ вы заглушаете,
Звуки дневные несносные, шумные,
Въ тихую ночь вы мой сонъ отгоняете,
Ночи безсонныя, ночи безумныя,

ЛЕВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МЕЙ.

Родился 1822 года, скончался 1862 г.

ХОЗЯИНЪ.

Въ низенькой свѣтелкѣ, съ створчатымъ окном
Свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ:
Слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ,
Новая свѣтелка чисто прибрана:
Въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсъ окна;
Полъ остругнанъ гладко, ровенъ потолокъ;
Печка развальная стала въ уголокъ.
По стѣнамъ укладки съ дѣдовскимъ добромъ,
Узкая скамейка, крытая ковромъ,
Крашенныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ,
И кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.
На кровати крѣпко спитъ сѣдой старикъ:
Видно, пересыпалъ хмѣлемъ пуховикъ...
Крѣпко спитъ,—не слышетъ хмѣльный стари
Что во снѣ лепечетъ подъ ухомъ жена.

Душно ей, неловко возлѣ старика:
Свѣсилась съ кровати полная рука.
Губы раскраснѣлись, словно корольки,
Кинули рѣсницы тѣнь на полъ-щеки;
Одѣяло сбито, свернуто въ комокъ;
Съ головы скатился шелковый платокъ;
На груди сорочка ходитъ-ходенемъ,
И коса сползаетъ по плечу ужомъ...
А за печкой, кто-то нехотя ворчитъ:
Знать другой хозяинъ по ночамъ не спитъ.

На мужа съ женою смотритъ домовой,
И качаетъ тихо дряхлой головой:
—«Сладко имъ соснулось; полночь на дворѣ...
Жучка призатихла въ темной конурѣ;
Обошелъ обычнымъ я дозоромъ домъ,—
Весело хозяить въ домикѣ такомъ:
Погреба набиты, закромà полны
И на сѣновалѣ сѣна съ три копны.
Отъ конюшни кучки снѣга отгребешь,
Корму дашь лошадкамъ, гривы заплетешь,
Сходишь въ кладовыя, отомкнешь замки:
Клади дорогія ломятъ сундуки.
Все бы было ладно, все мнѣ по-нутру...
Только вотъ хозяйка намъ не ко двору:
Больно черноброва, больно молода,—
На сердце тревога, въ головѣ—бѣда!

Кровь-то говорлива, грудь-то высока:—
Мигомъ одурачитъ мужа-старика...
Знать и домовому не сплести порой
Бороду сѣдую съ черною косой.
При людяхъ смѣется, а—глядишь—тайкомъ
Плачетъ да вздыхаетъ,—знаю я по комъ!
Погоди-жь, я съ нею шуточку сшучу,
И отъ черной думы разомъ отучу:
Только обоймется съ грезой горячо,
Я тотчасъ голубкѣ лапу на плечо;
За косу поймаю, сдерну простыню,—
Волей аль неволей грезу отгоню...
Этимъ не проймется,—пропадай она,
Баба-переметка, мужняя жена?
Всей косматой грудью лягу ей на грудь,
И не дамъ ни разу наливной вздохнуть;
Защемлю ей сердце въ крѣпкіе тиски:
Скажутъ, что зачахла съ горя да съ тоски...

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ,
День великій—поминъ по родителямъ.
Только я, сиротинка безродная,
На погостѣ поминокъ не правила.
Я у мужа вечо́ръ отпросилася:
—«Отпусти, сударь, похристосуюсь
На могилкѣ со свекромъ—батюшкой...»
Идучи, я съ дороженьки сбилася,
Во темномъ во лѣсу заплуталася,
У оврага въ лѣсу опозналасся.
Въ томъ оврагѣ могила безкрестная:
Всю размыло ее ливнемъ-дождикомъ,
Размело—разнесло непогодушкой...
Подошла я къ могилѣ—шатнулася,
Бѣлой грудью о землю ударилась:—
«Ты скажи мнѣ сырая могилушка,
Таково-ли легко было молодцу
Загубить свою душеньку грѣшную,
Каково-то легко было дѣвицѣ
Подъ невольный вѣнецъ снаряжатися?..»

РУСАЛКА.

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное.

Тучей потемнѣло, брызжетъ мелкой зернью,—
Такъ и отливаетъ серебромъ да чернью.

Вѣтеръ по дубравѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ;
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прыщетъ:

И на голосъ бури, побросавши прялки,
Вынурнули сó дна рѣзвыя русалки...

Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Любо звонкимъ смѣхомъ съ громомъ откликаться...

Волны имъ щекочутъ плечи наливныя,
Чешутъ бѣлымъ гребнемъ косы разсыпныя;

Ласточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
Руки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;

Огонькомъ подъ пепломъ щеки половѣютъ;
Яркимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ.

Плещутся русалки, мчатся въ перегонку,
Лишь одна отстала, отплыла въ сторонку...

Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ,
Блѣдными руками ивняки разводитъ,

Притаилась въ листвѣ на прибрежье черномъ,
Словно бѣлый лебедь въ тростникѣ озёрномъ...

Вотъ ужъ по-немного непогодь стихаетъ;
Вѣтеръ съ листьевъ воду вѣникомъ сметаетъ;

Тучки разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды;
Бисеромъ перловымъ высыпали звѣзды;

Мѣсяцъ двоерогій съ неба голубова
Засвѣтилъ отломкомъ перстня золотова...

Чу! переливаясь межъ густой осокой,
По водѣ несется благовѣстъ далекій,

Благовѣстъ далекій по водѣ несется,
И волною звучной прямо въ душу льется:

Видится храмъ Божій, пѣснь слышна святая.—
И сама-собою крестъ творитъ десная...

И въ душѣ русалки всенощные звуки
Пробудили много и тоски, и муки,

[redacted]

Много шевельнули страсти пережитой,
Воскресили много были позабытой...

Вотъ въ селѣ родимомъ крайняя избушка;
А въ избушкѣ съ дочкой нянчится старушка:

Бережетъ и холитъ, по головкѣ гладитъ,
Тѣшитъ лентой алой, въ пестрый ситецъ рядитъ.

Да и вышла-жъ дѣвка при такомъ уходѣ:
Нѣтъ ее красивѣй въ цѣломъ хороводѣ...

Вотъ и боръ сосѣдній: тамъ грибовъ да ягодъ
За одну недѣлю наберешься на-годъ;

А начнутъ подъ-осень грызть орѣхи бѣлки,—
Сыпь орѣхъ въ лукошки,—близко посидѣлки.

Тутъ-то погуляютъ парни удалые,
Тутъ-то насмѣются дѣвки молодыя!

Дочь въ гостяхъ за прялкой пѣсни распѣваетъ.
А старуха дома ждетъ да поджидаетъ:

Огоньку добыла—на дворѣ ужъ ночка,—
Долго засидѣлась у сосѣдей дочка...

Оттого и долго:—парень приглянулся,
И лихой бѣдою къ дѣвкѣ подвернулся;

А съ бѣдою рядомъ ходитъ грѣхъ незванный…
Полюбился парень дѣвкѣ безталанной,

Такъ ей полюбился, словно душу вынулъ,
Да и насмѣялся—разлюбилъ и кинулъ…

Позабылъ голубку сизокрылый голубь,
И остались бѣдной смѣхъ мірской да прорубь…

Вспомнила русалка,—бѣлы руки гложетъ;
Рада-бъ зарыдала,—и того не можетъ;

Сотворить молитву забытую хочетъ;
Нѣтъ для ней молитвы,—и она хохочетъ…

Только пробиралась на село въ-побывку,
Мужичекъ проснулся, и стегаетъ сивку.

Лобъ и грудь, и плечи крестно знаменуетъ,
Да съ-сердцóвъ на хохотъ окаянный плюетъ.

ЗАПѢВКА.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою—невзгодою новитая,
Во крови, въ слезахъ крещенная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама-собой ты спѣлася-сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей...

«ОТОЙДИ ОТЪ МЕНЯ, САТАНА».

На горѣ первозданной стояли Они,
И надъ ними кругомъ разлилися
Океаномъ лазурныя выси,
А подъ ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни...
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей,
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей...
А другой былъ мрачнѣе эреба...
Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни,
На челѣ его злоба пылала,
И подъ нимъ вся гора трепетала...
И сказалъ сатана Іисусу:

—«Смотри!

Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ...»

И десницу простеръ.

Прояснилася даль... Изъ тумана

Засинѣлася зыбь океана,
Поднялися громады маститыя горъ,
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тѣни, подъ небеснымъ
тром
Разостлалася круглымъ, цвѣтистымъ ковром
Каменистая степь… Палестина…
Вотъ сѣдой Араратъ, вотъ угрюмый Синай,
Почернѣлые кедры Ливана,
Серебристая нить Іордана
И Десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный градъ Саваоѳа;
Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени маслинъ, а там
Купы низкихъ домовъ съ плоской кров
храм
Мѣсто лобное . . . .
Къ югу—степь безъ границъ. Перекатной во
Ураганы песокъ поднимаютъ,
А на немъ оазисы мелькаютъ,
Какъ зеленый узоръ на парчѣ золотой.
Красной пылью одѣты, деревья
Клонятъ книзу вершины подъ гнётомъ плода:
Разбрелись табуны кобылицъ и стада
Вкругъ убогихъ намётовъ кочевья;
Смугло-ликихъ наѣздниковъ рыщутъ толпы;
Воздухъ пламенемъ встрѣчу имъ пышетъ,
А по воздуху марево пишетъ

Стѣны, башни, палаты, мосты и столпы.
Мимо...

Сѣрой, гремучей змѣею,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ;
Города многочленной семьею
Улеглися на злачныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще,—на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высоко:
Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око...
Мимо...

Индъ и Гангесъ сребродводной четой,
Катятъ волны въ далекое море.
Вѣковые лѣса на просторѣ
Разрослися вездѣ непроглядной стѣной;
Мелкой сѣтью заткали ліаны
Всѣ просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней:
Попугаи порхаютъ, съ тяжелыхъ вѣтвей
Съ визгомъ прыгаютъ внизъ обезьяны;
Полосатую матку тигренокъ сосетъ;
Птичекъ носится яркая стая;

Осторожно сучки раздвигая,
Слонъ тяжелою поступью мѣрно бредетъ.
На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ
Змѣи нѣжатся, свившись упругимъ кольцомъ,
И сквозь темную зелень, зубчатымъ вѣнцомъ,
Выдвигаются куполы пагодъ.
Подъ нависшимъ ихъ сводомъ, во мракѣ блеститъ
Въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ божница;
Безобразныя идоловъ лица
Лучь священной лампады слегка золотитъ,
Предъ богами жрецы-изувѣры,
Преклоняся во прахъ, благовонія жгутъ,
И, въ неистовой пляскѣ кружася, поютъ
Свой молитвенный гимнъ баядеры.
Мимо...

Сѣверъ... Теряясь въ безвѣстной дали,
Разметались широко поляны;
Смурой шапкой нависли туманы
Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры:
Снѣгъ да снѣгъ, все одинъ вѣчно-дѣвственный снѣгъ
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры.

Приподниметъ главу, отягченную сно
Зорко глянетъ очами во мракѣ ночно
И воспрянетъ громадою грозной...
Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивш
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя
Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на

Мимо...

Словно младая наяда,
Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣн

Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ безд
Выплываетъ небрежно Эллада.
Прорѣзные ряды величавыхъ холмовъ
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спѣлые нивы,
Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣ

Чудесами искусствъ увѣнчалъ человѣкъ
Вѣковѣчныя дива природы:
Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпаго пѣвца
Вторятъ струны чарующей лиры;
Въ красотѣ первобытной кумиры
Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца;
Взоръ дивятъ восковыя картины
Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочетаньемъ цвѣтовъ...
Горделивой красой храмовъ, стѣнъ и домовъ
Спорятъ Ѳивы, Коринѳъ и Аѳины.
Мимо...

Римъ—семихолмный, раскидистый Римъ,
Со своей нерушимой стѣною,
Со своею Тарпейской скалою,
Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ своимъ...
Груды зданій надъ грудами зданій:
Термы, портики, кровли домовъ и палатъ,
Тріумфальныя арки, дворцы и сенатъ,
Въ коронадахъ нагихъ изваяній
И въ тройномъ ожерельѣ гранитныхъ столповъ.
Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
Скачутъ кони, гремятъ колесницы,
И, блестя подвижной чешуею щитовъ,
За когортой проходитъ когорта.
Мачты стройныхъ галеръ поднялись, какъ лѣса,

И, какъ чайки, трепещутъ крыломъ паруса
        На зыбяхъ отдаленнаго порта.
Форумъ стелется пестрою массой головъ;
        Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
        Обнизали крутые уступы.
Слышенъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:
        Обитателей Рима арена
Созвала на позорище смертной борьбы...
Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы,
        Въ искупленье позорнаго плѣна;
Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
        Юной жизнью заплатитъ народу
        За лавровый вѣнокъ и свободу;
Здѣсь при радостныхъ кликахъ суровыхъ граж-
                                                        данъ—
        Возрощенцовъ желѣзнаго вѣка,
Подъ вестальскою ложей отворится дверь,
На арену ворвется некормленный звѣрь,
И въ куски изорветъ человѣка.
Мимо...

        Полной кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,
        На лазурныхъ волнахъ Тирринеи,
        Поднимаются скалы Капреи.
По срединѣ густыхъ, благовонныхъ садовъ,
        Вознеслася надменно обитель—

ѫлъ искусства и верхъ человѣческихъ силъ:
вно камни расплавилъ и снова отлилъ
    Въ благолѣпныя формы строитель.
темныхъ нишахъ, подъ вязями лилій и розъ,
    Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
    На-сторожѣ, хранители-боги
рехглавый, изъ золота вылитый песъ.
ы миртъ и оливъ, и алоэ
омёты жемчужною пылью кропятъ…
морохи въ личинахъ наполнили садъ,
    Какъ собраніе статуй живое:
ъ кустомъ отдыхаетъ сатиръ-паразитъ,
    У фонтана гетэра-наяда,
    И нагая плясунья-дріада
юзь зеленыя вѣтви лукаво глядитъ;
    Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
пѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
зывая съ небесъ благоденственный миръ
    На текущіе Кесаря годы.
рицая безсмертье ему впереди…
    И подъ стройные клирные звуки,
    Опершись на изсохшія руки,
рецъ въ пурпурной тогѣ, съ змѣей на груди,
    Среди сонма Лаисъ и Глицерій,
ремалъ на одрѣ золотомъ… Это самъ,
рестольный, соравный безсмертнымъ богамъ,
стелинъ полусвѣта, Тиверій.

— Падши ницъ, поклонись, — и отдамъ все сполна
Я Тебѣ...» говоритъ искуситель.
Отвѣчаетъ небесный Учитель:
«Отойди, отойди отъ меня, сатана!»

ВЛАДИМІРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БЕНЕДИКТОВЪ.

Родился въ 1807 году, скончался 1875 г.

I.

И НЫНѢ.

Надъ нами тѣ жь, какъ древле, небеса
И также льютъ намъ благъ свои потоки,
И въ наши дни творятся чудеса,
И въ наши дни являются пророки.

Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой змія;
Тамъ—зритъ слѣпецъ, тамъ мёртвый возстаётъ,
Исайя живъ и живъ Іеремія.

Не истощилъ Господь своихъ даровъ,
Не оскудѣлъ верховной благодатью:
Онъ всё творитъ—и библія міровъ
Не замкнута послѣднею печатью.

Кто духомъ живъ, въ комъ вѣра не мертва,
Кто сознаётъ всю животворность слова,
Тотъ всюду зритъ наитье божества
И слышитъ всё, что̀ говоритъ Егова.

И, разогнавъ кудесничества чадъ,
Въ природѣ онъ усмотритъ святость чуда,
И не распнётъ онъ слово, какъ Пилатъ,
И не предастъ онъ слово,—какъ Іуда,

И брата онъ, какъ Каинъ, не сразитъ,
Гонимаго съ радушной лаской приметъ,
Смиреніемъ надменныхъ пристыдитъ,
И слабаго, и падшаго подыметъ.

Не унывай, о малодушный родъ!
Не падайте, о племена земныя!
Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой змія.

II.
ВѢРЮ.

Вѣрю я и вѣрить буду,
Что отъ сихъ до оныхъ мѣстъ
Божество разлито всюду—
Отъ былинки вплоть до звѣздъ.

Не оно-ль горитъ звѣздами
И у солнца изъ очей
Съ неба падаетъ снопами
Ослѣпительныхъ лучей?

Въ безднѣ тихой, чорной ночи,
Въ безпредѣльной глубинѣ
Не оно ли передъ очи
Ставитъ прямо вѣчность мнѣ?

Не его-ль необычайный
Духу, сердцу внятный зовъ
Обаятельною тайной
Вѣетъ въ сумракѣ лѣсовъ?

Не оно-ль въ стихійномъ спорѣ
Блещетъ пламенемъ грозы,
Отражая ликъ свой въ морѣ
И въ жемчужинѣ слезы?

Сквозь міры, сквозь неба крышу
Углубляюсь въ естество,
И сдаётся—вижу, слышу,
Чую сердцемъ божество.

Не оно-ль и въ мысли ясной,
И въ песчинкѣ, и въ цвѣтахъ,
И возлюбленно-прекрасной
Въ гармоническихъ чертахъ?

Посреди вселенной храма,
Мнится мнѣ, оно стоитъ,
И, порой, въ глаза мнѣ прямо
Изъ очей ея глядитъ.

III.

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

Легкій сумракъ, сѣнь акацій,
Берегъ моря, плескъ волны
И съ лазурной вышины
Свѣтъ лампады музъ и грацій
Упоительной луны.

Тамъ, чернѣя надъ заливомъ,
Мачтъ подъемлются лѣса;
На землѣ-жь—земли краса—
Тополь ростомъ горделивымъ
Измѣряетъ небеса.

Горячѣй дыханья дѣвы;
Межъ землёй и небомъ сжатъ
Сладкій воздухъ: въ нёмъ дрожатъ
Итальянскіе напѣвы,
Въ нёмъ разсѣянъ ароматъ.

А луна? Луна здѣсь грѣетъ—
Хочетъ солнцемъ быть луна;
Соблазнительно пышна,
Нѣжитъ грудь и чары дѣетъ
Блескомъ сладостнымъ она.

Злая ночь златого юга!
Блещешь лютой ты красой:
Ты смѣнила холодъ мой
Жаромъ страшнаго недуга—
Одиночества тоской.

Сердце, вспомнивъ сонъ завѣтный,
Жаждетъ вновь—кого-нибудь:
Тщетно! Нé о комъ вздохнуть—
И любовью безпредметной
Высоко мятётся грудь.

Прочь, томительная нѣга!
Тамъ—цѣлебный сѣверъ мой
Возвратитъ душѣ больной,
Въ лонѣ вьюгъ, на глыбахъ снѣга,
Силу мысли и покой.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛИТВА.

Владыко міра, Царь вселенной,
Чей храмъ—земля и неба сводъ!
Взгляни: съ душою умиленной,
Съ главою, пепломъ покровенной,
Передъ Тобой стоитъ народъ.

Онъ упивался ложнымъ блескомъ,
Величья въ прахѣ онъ искалъ.
И въ вихрѣ браней, съ шумомъ, съ трескомъ,
Непобѣдимый, общимъ плескомъ
Себѣ онъ самъ рукоплескалъ...

И днесь, сознавъ той бренность славы,
Съ себя гордыни свѣялъ дымъ,
Онъ видитъ, что Твоей державы
Одни незыблемы уставы,
Единый Ты непобѣдимъ.

Тогда, какъ спали мы глубоко,
Гордясь величьемъ нашихъ сновъ,
Друзьями преданы жестоко,—
Ты отъ заката и востока
Послалъ къ спасенью намъ враговъ.

Сводъ неба сталъ кровавымъ сводомъ,
И Ты, Всевышній, усмирилъ
Насъ роковымъ событій ходомъ,
И надъ смирившимся народомъ
Въ Царѣ Ты благость воцарилъ.

Во многолюдствѣ вдругъ безлюдьемъ
Себя пришлось намъ упрекнуть;—
А врагъ небеснымъ правосудьемъ
Былъ посланъ, избранъ лишь орудьемъ,
Чтобъ духъ сознанья въ насъ вдохнуть.

Гнѣздо нечестья было свито
Отъ давнихъ лѣтъ въ родномъ краю...
Средь обновившагося быта—
Ты видишь, Господи,—открыто
Несемъ мы исповѣдь свою.

Всегласно наше покаянье
Въ давно таившихся грѣхахъ:
Текущихъ дней книгописанье
Есть нашей плоти истязанье,
Верига въ прозѣ и въ стихахъ.

Себя мы письменно бичуемъ,
Да болью новою своей
Болѣзни духа уврачуемъ,
И тихо, мирно завоюемъ
Свѣтъ человѣческихъ идей...

Скрѣпи въ насъ вѣру и надежду,
Создатель! Съ темныхъ душъ сними
Коснѣнья грубаго одежду,
Смягчи упорныхъ, а невѣжду
Лучемъ познанья вразуми...

V.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Много жизненныхъ вопросовъ
Тѣмъ рѣшивъ, что все пустякъ,
Жилъ когда-то Грекъ-философъ—
Удивительный чудакъ.
Онъ ходилъ, какъ жалкій нищій,
Полу-нагъ и босикомъ,
И питался грубой пищей,
Сытъ былъ брошеннымъ кускомъ;
Въ бочкѣ жилъ; лучами солнца
Освѣщаемъ и согрѣтъ,
Онъ героя-Македонца,
Покорившаго весь свѣтъ,
И царя и полу-бога
Гордой просьбой удивилъ:

«Отодвинься, братъ, немного—
«Ты мнѣ солнце заслонилъ!»
О, давно-минувши лѣта!
Незапамятная старь!
Днемъ, при полной силѣ свѣта,
Діогенъ зажегъ фонарь,
И въ толпѣ народа шумной
Онъ идетъ, кругомъ глядитъ:—
Ищешь ты кого, безумный?—
«Человѣка»,—говоритъ.
Строгій циникъ видѣлъ Грека
И въ хитонѣ, и въ плащѣ,
Но не видѣлъ человѣка,
И искалъ его вотще.
Если-бъ шелъ онъ въ вѣкъ изъ вѣка
Вплоть до нынѣшнихъ временъ,—
И донынѣ человѣка
Все искалъ-бы Діогенъ...
Ходъ вѣковъ мы видимъ ясно;
Намъ исторіи скрижаль
Открываетъ безпристрастно
Дней давно-протекшихъ даль.
Чтò-жь тамъ?—Нѣсколько сокровищъ,
Много хламу жизни сей,
Много тамъ людей-чудовищъ,
Лже-людей, полу-людей;
Всюду брани, козни, ковы;

Видны: Римлянинъ суровый,
Грубый Скиѳъ и хитрый Грекъ;
Много смертныхъ полудикихъ,
Много малыхъ, горсть великихъ...
Гдѣ-же просто—человѣкъ?
Былъ одинъ. Онъ шелъ безъ грома,
Полонъ истины огнемъ.
Можно было: «ecce homo!»
Смѣло вымолвить о немъ.
Онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ любовью,
Всѣхъ къ безсмертью, какъ на пиръ,
Призывалъ, и чистой кровью
Онъ своей опрыснулъ міръ.
Этотъ міръ былъ Имъ испуганъ;
Онъ былъ схваченъ, былъ поруганъ,
Былъ оплеванъ, былъ казненъ
Отъ ватаги фарисейской
Смертью крестною злодѣйской,
И въ вѣнкѣ терновомъ Онъ
Оцетъ пилъ средь смертной жажды...
«Человѣкъ однако могъ
Намъ явиться хоть однажды?»—
Нѣтъ, о, люди, то былъ—Богъ!

VI.

И ТУДА!

И туда, на грань Камчатки,
Ты зашла для бранной схватки
Рать Британскихъ кораблей,
И, приставъ подъ берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы изъ-за морей.

И, прикрытъ звѣриной кожей,
Камчадалъ на нихъ глядитъ:
Гости странные похожи
На людей,—такой же видъ...
Только чуденъ ихъ обычай:
Знать, не вѣдая приличій,
Съ злостью выѣхали въ свѣтъ...
Въ-гости ѣдутъ—незнакомы,
И, пріѣхавъ, мечутъ громы
Здѣсь хозяевамъ въ привѣтъ;
Огнедышащихъ орудій
Навезли—дымятъ, шумятъ,
«А вѣдь все-же это люди!»
Камчадалы говорятъ.

—Камчадалъ! Пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся... бей!..

Не зѣвай! въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй.—
И дикарь, въ недоумѣньи,
Слышитъ странное велѣнье:
«Какъ? Стрѣлять? Въ кого?.. Въ людей?»
И, ушамъ своимъ не вѣря,
«Нѣтъ, сказалъ,—стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря:
Человѣка я не бью!»

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ МЯТЛЕВЪ.

Родился въ 1796 году, скончался въ 1844 г.

ФОНАРИКИ.

Фонарики-сударики,
Скажите-ка вы мнѣ,
Чтò видѣли, чтó слышали
Въ ночной вы тишинѣ?
Такъ чинно вы разставлены
По улицамъ у насъ:
Ночные караульщики,
Вашъ вѣренъ зоркій глазъ!
Вы видѣли-ль, примѣтили-ль,
Какъ дѣвушка, одна,
На цыпочкахъ, тихохонько
И робости полна,
Близъ стѣнки пробирается,
Чтобъ друга увидать
И шопотомъ, украдкою
«Люблю»! ему сказать.

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль—
Того не говорятъ.

Не видѣли-ль, какъ юноша
Нетерпѣливо ждётъ,
Какъ сердцемъ, взоромъ, мыслію
Красавицу зовётъ?
И вотъ они встрѣчаются—
И радость, и любовь?
И вотъ они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль—
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ-будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой?
Ту женщину безумную—
Заплаканы глаза:
Ея всѣ жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль—
Того не говорятъ.

Вы видѣли-ль преступника—
Какъ въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?
Вы видѣли-ль весёлаго
Гуляку, въ сюртукѣ
Оборванномъ, запачканномъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?

Фонарики-сударики
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли-ль, не видѣли-ль—
Того не говорятъ.

Быть-можетъ, не примѣтили?
Да имъ и дѣла нѣтъ:
Горѣть имъ только велѣно,
Покуда будетъ свѣтъ.
Окутанный рогожею,
Фонарщикъ ихъ зажогъ;
Но чувства прозорливости
Имъ передать не могъ

Фонарики-сударики—
Народъ всё дѣловой:
Чиновники, сановники,
Всё люди съ головой.

Они на тȯ поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.

Имъ, дескать, не приказано
Вокругъ себя смотрѣть;
Одна у нихъ обязанность—
Стоять тутъ и горѣть,
Да и горѣть, покудова
Кто не задуетъ ихъ.
Такъ что же и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!

Фонарики-сударики—
Народъ всё дѣловой:
Чиновники, сановники,
Всё люди съ головой.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧЪ ЦЫГАНОВЪ.

Родился въ 1807 году, скончался въ 1833 году.

—«Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ:
Не входи, родимушка,
Попусту въ изъянъ!
Рано мою косыньку
На двѣ расплетать!
Прикажи мнѣ русую
Въ ленту убирать!
Пускай, не покрытая
Шолковой фатой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой!
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужемъ
Охать да вздыхать?
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего!

Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!»

Ахъ, чарка моя,
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!

Кому тебя пить,
Кому подносить,
Друзьями ты, чарка,
Оставленная?

Въ забытьи стоишь,
Къ себѣ не манишь,
Вина зеленаго
Не налитая!

Бывала-ли ты
Полнымъ до полна,
Какъ въ водополь рѣчка,
Съ краями равна?

Свѣтилася-ли,
Честилася-ли
Въ веселой бесѣдѣ
Въ запрошлые дни?

Ходила-ль кругомъ,
Поила-ль виномъ,
Пріятною рѣчью
Приправленная?

Знакомы-ль тебѣ
Въ счастливой судьбѣ
Веселые взгляды
Ласкающіе?

Встрѣчалися-ли,
Случалися-ли
Пріятельски руки
Сжимающія?

Давно-ли бѣдой
И злой чередой
Лежишь ты на блюдѣ
Спрокинутая—

Роями друзей,
Къ печали моей,
Какъ улій пчелами,
Покинутая?

Не стало вина,
Забыта она...
Друзья отшатнутся
Отъ чистаго дна.

Спросись старины,
Коснись новизны,
Такъ есть и бывало—
Быль съ сказкой сходны.

ѲЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БЕРГЪ.

Родился 1840 года.

ВЪ ПОЛѢ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти села, какъ эти поля
Крѣпко сроднилися со мною!
Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, вёдра въ поля

И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого, да поздняго холода!
Богъ вамъ на помощь, Христовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку чорную,
Шире косой размахнуться проворною—
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьётъ, саранча не напустится.
Какъ все кругомъ зацвѣтетъ да распустится—
Знай увози—собирай!
Въ полдень ли жаркій, полуночью-ль тихою,
Мёдомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
Станутъ хлѣба что стѣна,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое
И зашумятъ, какъ волна.
Пѣсни по селамъ споются веселыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжолыя—
Горы сноповъ повезутъ.
Всё чѣмъ поля за труды не поплатятся
Всё на току на сухомъ умолотится,
Всё въ закрома покладутъ.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слёзъ неутѣшныхъ не лилось—

Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

ЗАРЯ.

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ
И сердце бьется жизни жаждой.
Толпою бодрою идёмъ на жизнь и трудъ;
Свое для всѣхъ положитъ каждый!

Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы.

Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучатъ... Земля моя родная,
По сёламъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣетъ жизнь иная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землёй!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни—
И храма ветхаго—подъ твердою стопой—
Дрогнули мшистыя ступени.

ПРЕЖНІЯ ПѢСНИ.

1.

Читаю прошлое своей кипучей жизни
И какъ я мучусь! Боже, сколько-бъ я
О, сколько-бъ я страницъ оттуда вырвалъ!
Съ какимъ бы наслажденьемъ я глядѣлъ
Какъ вспыхнувши, огонь прозрачный, яркій
Забѣгалъ бы по строкамъ ненавистнымъ
И тлѣлся-бъ черный пепелъ!...

2.

Дождя сверкающаго капли
Шумѣли въ блещущихъ листахъ,
Шумѣлъ, весь въ капляхъ, воздухъ синій
Колеблясь въ радужныхъ лучахъ.

Благоуханная прохлада
Плыла широко. Здѣсь и тамъ
Встряхнется вѣтка, словно кто-то
Порхнетъ незримый по кустамъ.

Все задышало, зажужжало,
Зазеленѣло, зацвѣло,
И изъ янтарной тучки солнце,
Какъ обновленное, взошло.

3.

Точно кто-то
Въ зеленый лѣсь меня вдругъ перенесъ—
Въ родимый міръ лепечущихъ березъ,
Дуплистыхъ ивъ, развѣсистаго клёна,
Вечерняго, задумчиваго звона,
Ласкающихъ пурпуровыхъ лучей
И тишины синѣющихъ полей,
И свѣжести чудесной, что надъ нами
Благоуханными проносится волнами.

Вотъ и околица, вотъ мельница и прудъ,
Плотина старая, а тамъ за ней пойдутъ
Поля шумящія... Гречиха и пшеница...
Все прежнее встаетъ знакомой красотой;
Увижу я опять простыя ваши лица,
Вашъ бытъ безхитростный. Все, все забыто мной!
Забыта шумная тревожная столица,
Года прожитые съ тоской и суетой
И непрерывный рядъ мучительныхъ волненій,
И сплетень и досадъ, и вѣчныхъ оскорбленій
Любви скрываемой, и пошлости тупой,
Злорадства тайнаго и ненависти злой
Забыты вѣчные пустые разговоры
И хитрой книжности затѣйливые споры...

БОРИСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ АЛМАЗОВЪ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

—

Рыцарская пѣсня.

(Подражаніе А. де-Мюссе).

Нѣтъ, никогда не назову я
　　Вамъ имя *той*,
Кого люблю, по комъ тоскую:
　　То звукъ святой.
Друзья! на всѣ вопросы ваши
　　Скажу лишь вамъ,
Что всѣхъ милѣй она и краше
　　Межъ вашихъ дамъ;
Что много рыцарей прекрасныхъ
　　Предъ ней, въ слезахъ,
Въ мольбахъ горячихъ, но напрасныхъ,
　　Склонялись въ прахъ.
Она чиста, какъ въ вечеръ ясный,
　　Небесъ лазурь;

Она не знаетъ муки страстной,
Душевныхъ бурь;
Она, какъ гость съ инаго свѣта,
Межъ насъ живетъ...
Но кто она? О, тайна эта
Со мной умретъ!
Ахъ, тяжело съ душою нѣжной
На свѣтѣ жить
И глубоко, но безнадежно,
Всю жизнь любить!
Но я предъ ней не открываю
Любви моей;
Во мглѣ ночей едва дерзаю
Мечтать о ней—
Я все хочу любви волненья
Въ душѣ смирить,
Все мнится мнѣ, что преступленье—
Ее любить,
Что передъ ней любовь земная
Стихать должна,
Что ей душа *ея* святая
Оскорблена,—
И оттого сказать не смѣю
Я имя той,
Предъ кѣмъ въ мечтахъ благоговѣю:
То звукъ святой!

Все, что люблю еще донынѣ
Принесть бы радъ
Я въ жертву ей, какъ дань святынѣ,
Не ждя наградъ—
Все принесу съ нѣмой отрадой
Къ ея ногамъ
И, если жизнь мою ей надо,
И жизнь отдамъ!
Да! за нее—въ душѣ ликуя,
Презрѣвъ весь міръ—
На казнь позорную пойду я,
Какъ на турниръ!
Но и предъ смертью не скажу я
Вамъ имя той, —
Той, за кого главу сложу я,—
То звукъ святой!

ГРОЗА.

Блистаетъ день томительный и душный,
Но туча за горой угрюмая взошла,
И грозно двинулась громадою воздушной
И черной мглой все небо облегла,

И тѣнь и мракъ на землю опустились.
Замолкнулъ лѣсъ, недвижно лоно водъ,

И вѣтеръ стихъ, и птицы притаились,
И вся земля благоговѣйно ждетъ.

И вдругъ съ небесъ рванулся вихрь могучій,
Завылъ, и съ яростью пронесся чрезъ поля,
Взвилася пыль, крутясь столбомъ летучимъ,
Разсѣкла молнія серпомъ горящимъ тучи,—
И грянулъ громъ,—и дрогнула земля.

Прекрасенъ ты, могучій громъ небесный!
Греми и потрясай сердца людей и долъ:
Въ юдоли сей унылой, душной, тѣсной,
Ты намъ привѣтъ изъ родины безвѣстной,
Страны таинственной таинственный глаголъ.

Безмолвны небеса,—и суетно и шумно
Земля заботами обычными кипитъ,
И страсти пылкія волнуются безумно;
Князь міра властвуетъ и страхъ Господень спитъ.

Но грянулъ громъ, и суетныя рѣчи
Затихли, замеръ смѣхъ мгновенно на устахъ,
И предъ иконами затеплилися свѣчи—
Молитва теплится въ очнувшихся сердцахъ.

Греми же праведный, могучій громъ небесный,
И землю грѣшную греми и потрясай,
И насъ торжественно, какъ благовѣстъ воскресный
Отъ нѣги и трудовъ къ молитвѣ призывай.

Пусть голосъ твой могучій прерываетъ
Унылый ходъ вседневныхъ дѣлъ и думъ,
И дѣтской робостью намъ сердце размягчаетъ,
И хоть на мигъ смущаетъ смѣлый умъ.

Для нашихъ думъ, для силы мысли мощной,
Сокрытыхъ тайнъ въ подлунномъ мірѣ нѣтъ:
Измѣрилъ все разсудокъ мѣрой точной,
На все, на все заранѣ и заочно
Готовы въ насъ рѣшенье и отвѣтъ.

Чредой знакомою предъ нами жизнь мелькаетъ,
Повсюду будничный, однообразный видъ:
Ничто нашъ взоръ внезапнымъ не пугаетъ,
Ничто нашъ умъ загадкой не дивитъ.

И, средь заботъ, разсчетовъ и пороковъ,
Безцвѣтно наша жизнь влачится безъ чудесъ,
Безъ слова грознаго разгнѣванныхъ пророковъ,
Безъ грозныхъ знаменій разгнѣванныхъ небесъ.

Но въ мигъ, когда земля дрожитъ и стонетъ,
И твердь небесная сверкаетъ и горитъ,
И въ лавѣ огненной окрестность грозно тонетъ,
И съ ревомъ вихрь за тучей тучу гонитъ,
И на землѣ все стихнетъ и молчитъ,—

И въ злой тоскѣ, какъ предъ кончиной міра,
Томясь, какъ грѣшница, природа мрачно ждетъ,

Когда палящій огнь съ небеснаго эѳира
По гласу трубному, какъ мстящая сѣкира,
На землю съ грохотомъ и трескомъ упадетъ,—

Тогда, какъ въ мигъ святаго откровенья,
Намъ слышится знакомый сердцу гласъ,
Давно въ шуму житейскаго волненья
Неслышный намъ, звучащій вѣчно въ насъ.

Когда-жъ гроза надъ нами пронесется,
И солнце выглянетъ, и птички запоютъ,
И, обновленная природа улыбнется,
И травы ароматъ роскошно разольютъ,

И съ свѣжимъ воздухомъ отрадою спокойной
Въ открытое окно пахнетъ на нашу грудь,—
Бодрѣй и радостнѣй съ душою обновленной
Глядимъ мы вдаль на трудный жизни путь;

Еще въ жару святаго впечатлѣнья,
Душа небесная глаголами полна,—
Яснѣй свое небесное рожденье
И сознаетъ, и чувствуетъ она;

Не тѣсно ей въ земномъ жилищѣ тѣсномъ,
Привольнѣй жить подъ кровомъ, ей роднымъ;
И жарче вѣруемъ мы чудесамъ небеснымъ,
Живѣе вѣрится и подвигамъ земнымъ;

Въ одеждѣ праздничной тогда все блещетъ въ мірѣ,
Спадаетъ съ думъ заботъ тяжелый гнетъ,
И наша мысль торжественнѣй и шире
Возноситъ къ небесамъ свой царственный полетъ;

Роскошнѣй сновъ безгрѣшныя видѣнья
Лелѣютъ чистыхъ дѣвъ и отроковъ сердца,
И величавѣе нисходитъ вдохновенье
На душу тихую пѣвца.

ГР. А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ПОРА.

Скажи мнѣ, милый другъ, зачѣмъ въ тиши ночной,
Когда все спитъ кругомъ, намъ слышится порой,
Какой-то внятный зовъ, какой-то голосъ дальній?
Куда, зачѣмъ зоветъ онъ—громкій и печальный?
Какія будитъ въ насъ завѣтныя мечты?
Знакомъ-ли онъ тебѣ? Его узнала-ль ты,
Какъ я его узналъ, съ счастливою тревогой?...
Ты слышишь—то намъ край холодный и убогій,
Родимый, милый край соскучился по насъ;
То вѣтеръ загудѣлъ, разлукой утомясь,
То рѣки разлились, пустынны и суровы;
То разсердилися дремучія дубровы
И взволновалися.... Любезный чудный шумъ!
Какъ много онъ живитъ воспоминаній, думъ....
Ужъ не пора-ли намъ къ отчизнѣ воротиться?

Ужъ не довольно-ли скитаться, суетиться,
Искать въ чужой толпѣ намъ чуждаго добра?
Ужъ не пора-ль домой?—Пора, дружокъ, пора!

Парижъ 25-го Апрѣля 1876 г.

НОЧЬ.

Какая ночь! рѣдѣютъ облака:
То здѣсь, то тамъ звѣзда блеснетъ умильно
И скроется. Тиха и глубока
Нисходитъ тѣнь. Луга росой обильной
Обрызганы, и теплый ароматъ
Стоитъ въ недвижномъ воздухѣ. Бывало,
Въ такія ночи сердце трепетало;
Струился въ грудь волшебный страсти ядъ—
И, притаясь, исполненный смятенья,
Во тьмѣ я ждалъ внезапнаго видѣнья.
Теперь не то. Любуясь красотой,
По сторонамъ безстрастно взоръ блуждаетъ,
И счастливъ онъ окрестной пустотой,
И ничего отъ тьмы не ожидаетъ.
Безлюдны, тишь, спокойствіе и лѣнь;
Таинственный полетъ полночной птицы,
Вдали сквозь тучъ безгромныя зарницы;
Въ природѣ и въ душѣ—ночная тѣнь!

ВЕСНОЙ.

Родная глушь, я полюбилъ тебя!
Какъ блудный сынъ усталый и печальный
Подъ отчій кровъ, бѣжавъ чужбины дальней,
Убогъ и нищъ душой вернулся я.
И ты меня, простивши, пріютила,
Съ участьемъ теплымъ улыбнулась мнѣ,
И для другихъ нѣмая, какъ могила,
Мнѣ рѣчь любви шептала въ тишинѣ.
Мой духъ воскресъ, мои открылись очи,
И я опять увидѣлъ предъ собой,
Какъ сквозь туманъ волшебной, майской ночи,
Желанный путь—путь жизни трудовой!

Пора, пора!.. Гремящіе потоки,
Смѣясь, бѣгутъ съ оттаявшихъ холмовъ,
И сладкіе, живительные соки
Изъ нѣдръ земли ползутъ въ стволы дерёвъ,
Ползутъ къ вѣтвямъ и въ стебли травки каждой,
Творящихъ силъ и трепета полны;
Весь юный міръ, томясь любовной жаждой,
Объятій ждетъ волшебницы весны...
И вотъ она, вся въ радужномъ сіяньѣ
Златыхъ одеждъ, парчи и багряницъ,

За стаями прилетныхъ, пѣвчихъ птицъ
Приносится на страстное свиданье,
На брачный пиръ, исполненный чудесъ,
На торжество природы и небесъ!

Привѣтъ весны и ласковыя грёзы,—
Прекрасны вы!—Но для чего-жъ порой
И въ майскій день, и здѣсь въ глуши родной
Мнѣ слышатся стѣнанья, вздохи, слезы,
Насилія и гордости языкъ,
Обманъ и лесть униженнаго брата,
Проклятія голоднаго разврата,
Людская брань и звѣря дикій крикъ?
Зачѣмъ?...
Но разсуждать теперь не время:
Земля просохла, зеленѣетъ лугъ...
Врѣзайся глубже въ пашню острый плугъ,
Ровнѣй изъ рукъ на землю падай, сѣмя!
И дай, Господь, дождя и теплыхъ дней,
Чтобъ проросло въ землѣ оно скорѣй!

ПЕРВЫЙ ГРОМЪ.

Я услыхалъ сегодня первый громъ;
Онъ въ полдень прогремѣлъ изъ тучки малой,
А черезъ часъ цвѣтокъ гвоздики алой

Ужъ распустился въ цвѣтникѣ моемъ
И весело кивалъ мнѣ головою,
Обрызганный весь влагой дождевою.
Я вышелъ въ садъ. Шумя со всѣхъ сторонъ,
Пахучими и мокрыми вѣтвями
По воздуху махая, какъ руками,
Безъ умолку болталъ о чемъ-то онъ.
Его перекричать старались птицы,
Свистала иволга и зябликъ пѣлъ;
И вдругъ опять, какъ грохотъ колесницы,
Далекій громъ въ природѣ прогремѣлъ.
И, Богъ вѣсть почему, я вспомнилъ живо
Дни юности и первую любовь;
Какъ туча въ полдень, быстро и гнѣвливо
Она прошла—и не вернется вновь;
Но изрѣдка въ часы воспоминанья
Мнѣ чудятся волшебныя мерцанья,
И слышу я, тревогою объятъ,
Въ нѣмой дали таинственный раскатъ!

Мнѣ говорятъ: забудь тревоги дня,
Забудь «болѣзнь, печаль и воздыханье»;
Въ предѣлъ иной,—гдѣ вѣчное сіянье,
Гдѣ вѣчный миръ,—пусть мчится мысль твоя.
Но я въ отвѣтъ: нѣтъ, братья, пусть тревога,
Пусть боль и скорбь мою терзаютъ грудь.

Быть можетъ, съ вами суждено немного
Мнѣ по землѣ брести одной дорогой—
Въ землѣ-жъ, всегда успѣю отдохнуть.
Тогда покой; тогда—всему прощенье!
Теперь же, трудъ, и слезы, и борьба:
На барскій сонъ, на сладкое забвенье
Я не смѣню печаль и гнѣвъ раба!

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Я тихо брелъ проѣзжею дорогой.
Былъ знойный день, дышалось тяжело.
Передо мной въ красѣ своей убогой
На холмикѣ раскинулось село.
Тамъ праздникъ былъ—и пестрою толпою
Народъ шумѣлъ, какъ пчелъ могучій рой;
Кто пѣсни пѣлъ, кто плакалъ съ перепою,
Кто спалъ, въ траву уткнувшись головою—
Повсюду брань, веселье, пиръ горой...
А солнца ликъ недвижный и палящій,
Какъ гнѣвный Богъ карающимъ огнемъ,
Жегъ съ высоты весь этотъ людъ гулящій
И жегъ поля, дремавшія кругомъ!

И я пришелъ, въ сторонку, за селенье
На влажный склонъ къ пустынному ручью.
Туда за мной гнались и крикъ, и пѣнье;
Но отъ полей и нивъ, отъ отдаленья
Туманнаго—лаская грудь мою—
Цѣлебный миръ владычицы—природы
Летѣлъ ко мнѣ на встрѣчу, и дышалъ
Привѣтствіемъ покоя и свободы,
И пьяный шумъ селенья заглушалъ.
Какъ шопотъ волнъ, то близкій, то далекій,
Онъ обольщалъ, онъ призывалъ меня,
И мнилось мнѣ—въ немъ слышались упреки
Родной земли:
— «Забыта всѣми я!
Забыта я вездѣ, въ домахъ, палатахъ,
Что на своихъ несу я раменахъ,
Забыта я средь гордыхъ и богатыхъ,
На высоту добромъ моимъ подъятыхъ,
Что̀ дань мою съѣдаютъ на пирахъ;
Забыта я на торжищахъ, гдѣ горы
Моихъ даровъ за деньги продаютъ—
И торгаша разжившагося взоры
На землю—мать съ любовью не падутъ!
Взгляни—и здѣсь въ селѣ я позабыта:
Въ немъ праздникъ, плясъ,—а я въ тѣши одна
Нарядная, хлѣбами вся покрыта,
Шелковою травой вокругъ обвита,

Презрѣнію и скукѣ предана!
Приди, поэтъ! побудь хоть ты со мною!
Спой пѣсню мнѣ...»
И теплою волною
Мнѣ вѣтеръ грудь и голову ласкалъ.
Въ немъ ароматъ цвѣтовъ и травъ струился;
Усталый день ужъ къ вечеру клонился...
Но на призывъ въ смятеньи я молчалъ.
Что могъ я пѣть?... Пѣвалъ я пѣснь привѣта,
Когда внималъ природы вольный шумъ,
Давно, давно—въ дни вешняго разцвѣта
Душевныхъ силъ, надеждъ и смѣлыхъ думъ!
Но смѣлъ-ли я тѣ молодые звуки,
Безхитростный, весенній тотъ привѣтъ
Вновь повторить со взоромъ, полнымъ скуки,
И голосомъ надломленнымъ!... О нѣтъ!

И я назадъ побрелъ опять дорогой.
Во слѣдъ за мной мужикъ знакомый, Фролъ,
Весь въ рубищѣ, косматый, босоногій,
Шатаяся, съ базара пьяный шелъ.
Онъ звалъ коня пропавшаго и крики
Его неслись въ безмолвныя поля,
Какъ боли стонъ, какъ злобы хохотъ дикій,
Какъ страха вопль передъ бѣдой великой—
На этотъ вопль отвѣтить могъ бы я!

То вопль людской, знакомый былъ; онъ грубо
Мечтанія и грезы разогналъ…
И, признаюсь,—мнѣ слушать было любо,
Какъ пьяный Фролъ ругался и кричалъ!

С. Шубино.—15 іюля 1878 года.

И. З. СУРИКОВЪ.

I.

Догорѣла румяная зорька вдали
И по степи вечернія тѣни легли...
И ни звука кругомъ—всюду тишь и покой,
Прожужжитъ только жукъ, промелькнувъ надъ травой.

Степь исчезла во тьмѣ— а на небо взгляни:
Кто-то тамъ высоко зажигаетъ огни...
И надъ степью они, тихо зыблясь, горятъ—
Въ необъятный свой міръ и зовутъ и манятъ.

И что скрылось въ душѣ, притаилося днёмъ,
То проснулось теперь—и взмахнуло крыломъ,—
И стряхнувъ жизни гнетъ, въ міръ надзвѣздный паритъ—
И душа умиляясь молитвой звучитъ.

II.

ПОКОЙ И ТРУДЪ.

Покой и-тишь меня объемлютъ,
Я трудъ покинулъ и забылъ;
Мой умъ и сердце сладко дремлютъ,
Пріятенъ отдыхъ мнѣ и милъ.

И вотъ, въ молчаніи глубокомъ,
Мнѣ чьи-то слышатся слова,
И кто-то шепчетъ мнѣ съ упрекомъ:
«На жизнь утратилъ ты права».

«Ты бросилъ честную работу,
Покой и праздность возлюбилъ,
И создалъ самъ себѣ субботу,
И духомъ мирно опочилъ».

«Твой свѣтлый умъ безъ дѣлъ заржавѣлъ
И сталъ безплоденъ, недвижимъ...
Пойми-же, какъ ты обезславилъ
Себя бездѣйствіемъ такимъ!»

«Жизнь вкругъ тебя трудомъ кипѣла;
Куда ни падалъ праздный взоръ—
Искали всюду люди дѣла,
Твой ближній былъ тебѣ—укоръ».

«Съ терпѣньемъ, съ волею желѣзной
Тяжелый путь онъ пролагалъ;
А ты, какъ камень безполезный,
На пашнѣ жизненной лежалъ».

«Ужель не ныла нестерпимо
Твоя отъ тяжкой скорби грудь,
Нѣмымъ раскаяньемъ томима,
Что бросилъ ты свой честный путь?»

И, точно острый ножъ, жестоко
Язвили тѣ слова меня,
И отъ дремы нѣмой, глубокой
Душа воспрянула моя.

И пошлость жизни я увидѣлъ,
Уразумѣлъ ее вполнѣ:
И свой покой возненавидѣлъ,
И опротивѣлъ отдыхъ мнѣ.

И къ мысли я воззвалъ: «Воскресни!
Возобнови остатокъ силъ!
Напомни мнѣ былыя пѣсни!
Я все растратилъ, все забылъ.

Хочу трудиться вновь; но если
Ужъ поздно,—жизнь во мнѣ убей!»—
И силы прежнія воскресли
Въ груди измученной моей.

Все то, чѣмъ въ жизни заразился,
Я отъ себя тогда отсѣкъ,—
И для работы вновь родился,
Убитый лѣнью, человѣкъ.

III.

ДУМЫ.

(На мотивъ Т. Шевченко).

Думы мои, думы,
Думы, мои дѣти!
На̀ смѣхъ породило
Горе васъ на свѣтѣ.

Горе васъ родило,
Горе вспеленало;
А тоска надъ вами
Плакала, рыдала.

Почему-жъ слезами
Васъ не затопило?
Мнѣ безъ васъ бы легче
Жить на свѣтѣ было.

Думы мои, думы,
Что мнѣ дѣлать съ вами?..
Кину я васъ въ рѣку,—
Хóдите волнами;

Брошу васъ на вѣтеръ—
Тучами несетесь;
Схороню въ лѣсъ темный—
Соловьемъ зальетесь;

Кину васъ въ огонь я,
Думаю, сгорите,—
Вы же предо мною
Плачете, стоите!

Думы-жъ мои, думы,
Что-жъ мнѣ дѣлать съ вами?
Кинуть, знать, придется
Васъ мнѣ сиротами!

Лягу я въ могилу,
Оченьки закрою;
Прилетайте-жъ, думы,
Плакать надо мною.

На мою могилу
Падайте слезами,
Выростайте, думы,
Надо мной цвѣтами!

IV.

ДѢТСТВО.

Вотъ моя деревня,
Вотъ мой домъ родной;
Вотъ качусь я въ санкахъ
По горѣ крутой;

Вотъ свернулись санки,
И я на бокъ—хлопъ!
Кубаремъ качуся
Подъ гору, въ сугробъ.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочутъ
Надъ моей бѣдой.

Все лицо и руки
Залѣпилъ мнѣ снѣгъ...
Мнѣ въ сугробѣ—горе,
А ребятамъ смѣхъ!

Но межъ тѣмъ ужъ сѣло
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небѣ темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнешь,
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь съ плечъ долой;
Заберешься на̀ печь
Къ бабушкѣ сѣдой.

И сидишь, ни слова...
Тихо все кругомъ;
Только слышишь,—воетъ
Вьюга за окномъ.

Въ уголкѣ, согнувшись,
Лапти дѣдъ плететъ;
Матушка за прялкой,
Молча, ленъ прядетъ.

Избу освѣщаетъ
Огонекъ свѣтца;
Зимній вечеръ длится,—
Длится безъ конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнетъ мнѣ бабка
Сказку говорить:

Какъ Иванъ-царевичъ
Птицу-жаръ поймалъ;
Какъ ему невѣсту
Сѣрый волкъ досталъ.

Слушаю я сказку,—
Сердце такъ и мретъ;
А въ трубѣ сердито
Вѣтеръ злой поетъ.

Я прижмусь къ старушкѣ...
Тихо рѣчь журчитъ,—
И глаза мнѣ крѣпко
Сладкій сонъ смежитъ.

И во снѣ мнѣ снятся
Чудные края.
И Иванъ-царевичъ—
Это будто я.

Вотъ передо мною
Чудный садъ цвѣтетъ;
Въ томъ саду большое
Дерево растетъ.

Золотая клѣтка
На сучкѣ виситъ;
Въ этой клѣткѣ птица
Точно жаръ горитъ;

Прыгаетъ въ той клѣткѣ,
Весело поетъ;
Яркимъ, чуднымъ свѣтомъ
Садъ весь обдаетъ.

Вотъ я къ ней подкрался
И за клѣтку—хвать!—
И хотѣлъ изъ сада
Съ птицею бѣжать.

Но не тутъ-то было!
Поднялся шумъ, звонъ;
Набѣжала стража
Въ садъ со всѣхъ сторонъ.

Руки мнѣ скрутили
И ведутъ меня...
И, дрожа отъ страха,
Просыпаюсь я.

Ужъ въ избу, въ окошко,
Солнышко глядитъ;
Предъ иконой бабка
Молится, стоитъ.

Весело текли вы,
Дѣтскіе года!
Васъ не омрачали
Горе и бѣда.

V.

ВЪ НОЧНОМЪ.

Лѣтній вечеръ. За лѣсами
Солнышко ужъ сѣло;
На краю далекомъ неба
Зорька заалѣла;

Но и та потухла. Топотъ
Въ полѣ раздается:
То табунъ коней въ ночное
По лугамъ несется.

Ухватя коней за гриву,
Скачутъ дѣти въ полѣ.
То-то радость и веселье,
То-то дѣтямъ воля!

По травѣ высокой кони
На просторѣ бродятъ;
Собралися дѣти въ кучку,
Разговоръ заводятъ.

Мужички сторожевые
Улеглись подъ лѣсомъ,
И заснули... Не шелохнетъ
Лѣсъ густымъ навѣсомъ.

Все темнѣй, темнѣй и тише...
Смолкли къ ночи птицы;
Только нà небѣ сверкаютъ
Дальнія зарницы.

Кой-гдѣ звякнетъ колокольчикъ,
Фыркнетъ конь на волѣ,
Хрупнетъ вѣтка, кустъ,—и снова
Все смолкаетъ въ полѣ.

И на умъ приходятъ дѣтямъ
Бабушкины сказки:
Вотъ съ метлой несется вѣдьма
На ночныя пляски;

Вотъ надъ лѣсомъ мчится лѣшій
Съ головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змѣй летитъ крылатый;

И какія-то все въ бѣломъ
Тѣни въ полѣ ходятъ...
Дѣтямъ бòязно—и дѣти
Огонёкъ разводятъ.

И трещатъ сухіе сучья,
Разгораясь жарко,
Освѣщая тьму ночную
Далеко и ярко...

VI.

Встало утро, сыплетъ на цвѣты росою,
Тростникомъ озёрнымъ тихо колыхая;
Слышитъ ухо, будто кто-то надъ водою
Въ тростникѣ озёрномъ ходитъ, распѣвая.

Никого не видно... надъ водой лишь гнутся
Водяной кувшинки маковки, бѣлѣя;
А вверху надъ ними, поднимаясь, вьются
Мотыльки, на солнцѣ ярко голубѣя.

Приглядишься зорко—и за тростниками,
На водѣ, подъ легкимъ утреннимъ туманомъ,
Кто-то будто смотритъ свѣтлыми очами,
Колыхаясь тихо тонкимъ, гибкимъ станомъ.

VII.

День вечерѣетъ, облака
Лѣниво тянутся грядою,—
И ночи тьма издалека
Идетъ неслышною стопою.

Идетъ и стелетъ по полямъ
Ночныя тѣни осторожно,—
И слышитъ ухо тутъ и тамъ,
Какъ тонетъ въ тьмѣ звукъ дня тревожный

Пора на отдыхъ, на покой,—
Заботы въ сторону дневныя;
Ужъ надъ усталой головой
Летаютъ образы ночные.

VIII.

ЧАСОВОЙ.

Полночь. Злая стужа
На дворѣ трещитъ.
Мѣсяцъ облаками
Сѣрыми закрытъ.

У большаго зданья,
Въ улицѣ глухой,
Мѣрными шагами
Ходитъ часовой.

Подъ его ногами
Жесткій снѣгъ хруститъ,
А кругомъ глухая
Улица молчитъ.

Но шагаетъ ровно
Бравый часовой,

И ружье онъ крѣпко
Жметъ къ плечу рукой.

Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась избушка
Съ бѣлою трубой.

Вспомнилась голубка
Милая жена:
Чай, теперь на печкѣ
Спитъ давно она.

Можетъ быть, ей снится,
Какъ морозъ трещитъ,
Какъ солдатъ озябшій
На часахъ стоитъ.

